Алмаз темной крови. Дудочки Судного дня

Алмаз темной крови -

Лис Арден

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Три книги — «Танцующая судьба», «Песни Драконов», «Дудочки Судного Дня» — предлагают читателю стать свидетелем одной из великих игр, которыми творятся судьбы мира.

Третья, заключительная книга трилогии, позволяет заглянуть в будущее Обитаемого Мира, покинутого богами-близнецами на волю одного из малозаметных прежде божков. Который, ни много ни мало, решает исполнить пророчество и сделаться единовластным хозяином мира. Войны, навсегда изменившие облик и Обитаемого Мира, и его населяющих его рас, уже в прошлом, но установившееся равновесие слишком зыбко. Возможно, умирающему миру могут помочь старые боги. Руками людей, разумеется.

- Лис-Арден
  - Пролог
  - Часть первая
    - Глава первая. Виша из дома Вельда
    - Глава вторая. Тяжелый квест
    - Глава третья. Безупречный город
    - Глава четвертая. Коллекция дома Эредиа
    - Глава пятая. Немного истории
  - Часть вторая
    - Глава первая. Приключение
    - Глава вторая. Плавающие сады Маноры
    - Глава третья. Оседлавшие ветер
    - Глава четвертая. Нечестная игра
    - Глава пятая. Немного везения
    - Глава шестая. Истинный бог
    - Глава седьмая. День гнева
  - Эпилог

Лис-Арден
Алмаз темной крови. Дудочки Судного Дня

Когда пышноцветный Калима, пройдя весь положенный растению жизненный цикл, растянувшийся почти на столетие, должен был вернуться в породившую и питавшую его землю, он оставил своим детям семя, залог будущего возвращения. Размером с голову взрослого человека, заключенное в твердую скорлупу цвета гранатового сока, семя должно было спокойно дожидаться положенного часа в святилище храма. В должный срок оно выпустит на свет новое воплощение бога, более могущественное и величественное, чем прежнее, и возрожденный Калима поведет своих лиственношумящих детей на новые земли, ибо старые пределы стали им тесны. Иные расы, злобные, неуживчивые, вечно ссорящиеся, должны будут уступить, и в Обитаемых Землях наступят мир и покой, и лишь ветер будет нарушать тишину великого Леса…

Фрагмент одного из манускриптов, найденных Вишей Вельда

Пролог

Карл Брохус был одним из тех мальчиков, которых любящие мамы называют крепышами, а не склонные к церемониям сверстники попросту толстяками. Глядя на него, невысокого, белесого, очкастого увальня, копошащегося на капустных грядках, фермерша Брохус часто спрашивала себя — в кого уродился таким нескладехой ее младшенький? Однако на этом ее сожаления и заканчивались. Карл был добрым, смышленым мальчиком, хорошо учился, диких выходок, как другие фермерские мальчишки, не устраивал, а уж что касается работы на огороде, так уж тут даже и взрослым с ним не сравниться. Те грядки, за которыми ухаживал Карл, были так хороши, что хоть на выставку отправляй, кусты и деревья, оказавшиеся под его попечением, и цвели пышнее, и плодоносили щедрее. Да и трудился Карл, прямо сказать, не покладая рук; в семье об этом не распространялись, но всем прекрасно было известно, что младший не только полет-рыхлит-поливает, но еще и песенки своим питомцам поет, и разговоры с ними разговаривает. В их мире такая любовь, выказываемая растениям, была по меньшей мере странной, но Карла — то ли как младшенького, то ли как отчасти блаженного — не задевали и в душу к нему не лезли. Даже разрешили свою личную грядочку завести, только для цветов. Ну, нравятся они ему, что ж тут плохого? Здесь, на ферме, все растения сортовые, отобранные… не опасные, одним словом. Не то, что в Лесу, что тяжкой громадой темнеет за высокой изгородью, через которую пропущен ток.

Да и сам Карл, если бы его спросили, откуда вдруг такая любовь к растениям, вряд ли смог бы вразумительно на этот вопрос ответить. Просто они ему нравились — шершавые огуречные листья, наглый задиристый запах чеснока и округлость яблочных бочков; он любил лечь на живот и прислушиваться к току воды в упругих стеблях, мог часами смотреть на распускающийся цветок, сливаясь с ним воедино, трепеща от восторга души, открывающей себя миру. К слову сказать, Карл ничего не имел против сбора урожая; срывать созревшие плоды казалось ему столь же естественным, как и сажать новые семена. Так что Карла Брохуса можно было бы назвать одним из тех счастливцев, кто где родился — там и пригодился; мальчик только и мечтал о тех временах, когда он закончит наконец не очень-то нужную ему школу и не надо будет отрываться от возлюбленной земли, чтобы написать никому не нужное сочинение или отрешать порцию уравнений.

Сейчас он как раз прищипывал побеги томатов и ворчливо рассказывал им, сколько ему опять назадавали, что он, в самом деле, эльф, что ли, какой… абстракциями тешиться (Карл недавно вычитал это мудреное слово в учебнике истории). Побеги в ответ согласно кивали, ежились, когда пальцы мальчика срывали лишние листья и, в общем, сочувствовали.

На ферме было тихо; мать с отцом были в дальнем саду, старший брат с сестрой ползали вдоль морковных грядок, прореживая ажурную поросль, работенка это муторная, не до разговоров. Работники тоже при делах — все как всегда; на ферме летний день год кормит, как говорили раньше, теперь же стоило сказать — сотням жизни прибавляет. Было пасмурно, но солнце припекало и сквозь белые плотные облака; ветер, несущий прохладный лесной воздух, затих.

Карл попрощался с томатами, пообещав напоследок опрыскать их вечером настоем листьев табака, чтобы не так докучала тля. Брат с сестрой все еще копошились с морковью и Карл, пожалев их, неумех, взялся закончить их работу, а самих погнал в дальний сад, помочь отцу с матерью. Где-где, а в огороде старшие слушались младшего беспрекословно; не стали спорить и на этот раз. Пройдясь по морковной ботве как частый гребень по спутанным волосам, Карл еще немного повозился с огуречными плетями и решил, что можно и отдохнуть. Он ушел в свой личный уголок, где росли его любимые цветы и травы, и улегся прямо на землю, носом в стебли, и завел только ему внятный разговор — о том, какой жаркий и сонный сегодня воздух, даже бутоны лениво раскрывать, но воды в земле еще довольно, а ветер непременно переменится уже к вечеру… за разговором Карл сам не заметил, как задремал.

Нападения на фермы редкостью не были, но в последние годы это были мелкие вылазки, больше похожие на разбой, чем на военные действия. На эти случаи фермеры держали огнеметы и кислотные опрыскиватели, с которыми умели управляться все, от мала до велика. На самый крайний случай были еще емкости с мощными дефолиантами, расставленные по периметру садов, примыкавших к санитарной вырубке; если фермерша (наверное, нелишне будет напомнить, что на фермах главой исстари была именно хозяйка) приводила в действие механизм, опрокидывавший их, то на спасение рассчитывать не приходилось никому — ни нападавшим, ни людям. В случае небывалой удачи люди еще могли успеть укрыться в подземном убежище и переждать там, пока город не пришлет помощь или не явятся нежданно-негаданно эльфы, которым было в принципе все равно где сражаться, а подобные короткие и яростные стычки были для

них как глоток воздуха в духоте ожидания последней битвы. Стены убежища были достаточно прочны, чтобы выдержать натиск корней и не пропустить отраву, были там запасы воды и воздуха, а психика у фермеров, живущих бок о бок со смертельными врагами, была достаточно устойчива и недолгое заточение не могло ее сломать. Однако случаи чудесных спасений можно было по пальцам пересчитать, и когда регулярные войска ослабляли хватку Леса на горле города, новой семье, пришедшей на очищенную землю, оставались в лучшем случае полуразрушенные строения и остатки посадок.

Сквозь сладкий дневной сон Карл слышал чьи-то торопливые шаги, метнувшиеся в направлении дома, потом еще, и еще, а потом — приглушенные крики. Немногим позже он узнал, что это кричал его старший брат, Якоб. Он слишком хорошо знал, зачем фермерша Брохус направилась в дом, приказав всем домочадцам укрыться в убежище.

— Мама! Мама, Карл еще в саду! Я за ним!

Добежав до любимой карловой грядки на подгибающихся от ужаса ногах, Якоб наклонился, схватил все еще посапывающего младшего брата и рывком поднял его на ноги.

— Ну же, проснись! Бежим!

Карл озирался по сторонам и постепенно перед глазами его прояснялась картина, страшнее которой он ничего не мог себе представить.

Это не было похоже на те злобные выходки, какие иногда позволял себе Лес; Карл много слышал о них, да и сам однажды наткнулся на поросль ядовитого плюща, за одну ночь проросшего через все защитные вырубки и успевшего оплести стволы нескольких десятков яблонь. Все эти семена, летевшие в работавших фермеров из-за городьбы со скоростью и мощью снаряда, паразиты, пробирающиеся под землей и нашептывающие гниль корням садовых деревьев, выбросы ядовитой пыльцы — все это были мелочи, проявления скуки младшего командного состава. Сейчас, похоже, о себе заявил кто-то рангом повыше.

Санитарной вырубки Карл не увидел, она вся была заполнена армией Леса. Стена, несущая оголенные провода, была повалена. А ухоженный сад Брохусов превратился в пестро-зеленое месиво. Пришедшие не пощадили своих собратьев. Дети Леса передвигались медленно, тяжело подтягиваясь на впивающихся в землю корнях, но там, куда доставали их многочисленные ветви, уцелеть было невозможно. Они шли неровной, волнующейся стеной — еще молодые деревья, не достигшие и десяти метров роста, дети опушки, годами наблюдавшие за землями, осквернеными двуногими созданиями, нарушающими гармонию

всего сущего. Не было дня, когда они, молодые и сильные, не желали вернуть этим землям покой и тишину, раскинуть над ними умиротворяющий полог Леса. Сдерживало их даже не столько терпение, сколько осознание своей правоты и вера в неизбежность победы. Эта война была священна. А спешка при священнодействии неуместна.

Но сегодня известия, полученные от омелы, давшей всходы на одном из дубов, вывели их из себя. Они потерял еще часть земель у Мертвого озера. Почуяв воскрешающую поступь Леса, остроухие предпочли отравить воду, умертвить саму землю на глубину пустынного корня, только бы не уступить. Их Город как язва, выжженная на теле, причинял постоянную боль и вселял тревогу… как оказалось, не напрасную. Этим смертоносным созданиям оказалось мало мертвой земли, где они осмеливались жить; они захотели расширить свои владения. Перейдя пограничные области, пораженные мусорными растениями, остроухие распылили какой-то новый яд, который, соединяясь с воздухом, накрыл Лес тяжелым туманом. Яд стекал по ветвям и стволам задыхающихся деревьев, убивая саму землю, взрастившую их. И все потому, что остроухим стало мало места для их отвратительных машин…

Карл все никак не мог выйти из оцепенения, переводя бессмысленный взгляд из стороны в сторону. Он не мог понять, почему дети Леса так жестоко расправляются с его садом. Их ненависть к людям была объяснима, но чем же провинились кусты и травы? Терпение Якоба лопнуло и он силком потащил брата к дому; Карл оглядывался, но послушно перебирал ногами. И вдруг уперся, да так, что Якоб чуть не упал.

— Мои цветы! Они… мои цветы!

И, гневно погрозив кулаком наступающим на сад деревьям, оттолкнул брата и пошел прямо вглубь сада.

— Уходите! Нечего вам тут делать!

«Он сошел с ума», — мелькнуло в голове у Якоба. — «Свихнулся со своими цветочками…»

Тут Карл болезненно вскрикнул — земля, державшая его любимые цветы, вспучилась и из нее выхлестнули белесые щупальца корней, и один из нападавших буков заметно приблизился к мальчику. Однако вместо того, чтобы бежать, Карл поправил очки, выпрямился и заговорил так спокойно и уверенно, будто был школьным учителем, а деревья — нашкодившими детьми.

— Ты не понял меня? Уходи немедленно. Вон из моего сада. Иначе я накажу тебя. Ты плохой! И друзья твои негодные!

Что происходило дальше, Якоб увидеть не смог, потому что

на его голову обрушился тяжелый удар, и он упал, потеряв сознание. А посмотреть было на что. Поначалу деревья даже не услышали гадкого маленького двуногого и продолжали методично освобождать землю от людских растений, чтобы потом приняться за их же уродливые постройки, а потом и за них самих — если они к тому времени не уберутся сами. Но Карл не отступил. Сам не заметив как, он перестал говорить привычными человеческими словами. Его сознание легко настроилось на ту тональность, в которой он обычно общался со своими цветами; мысли стали четкими, почти осязаемыми… и очень сильными.

Этого нападавшие не заметить не могли; дети Леса приостановились в недоумении — каким образом эта вредоносная ошибка мироздания проникла в святая святых, в их общий ментальный поток, омывающий и соединяющий весь Лес? Мало того, что проникла, она еще и пытается управлять им! А пока они недоумевали и не верили, мысль Карла Брохуса свилась в тугой жгут и хлестнула по ним с размаху, как хлещет кнут пастуха медлительное стадо коров.

Покачиваясь, они на мгновение замерли… и начали отступать. Сначала вопреки своей воле, ропща и пытаясь сопротивляться. Но кнут хлестал все больнее и больнее, он заставил их устыдиться содеянного и, не позволяя думать, приказывал уходить. И они шли — уже безропотно, безмолвно. Их разум оказался бессилен перед волей и разумом мальчика, диктующего им так властно, что сопротивляться не было сил… не было сил…Они уходили, пристыженные, униженные, но совсем не питающие злобы.

А Карл смотрел на них без удивления и уже без гнева; он почти успокоился. Интуитивно мальчик понимал, что этот урок запомнится детьми Леса надолго и вряд ли теперь есть необходимость восстанавливать изгородь и подводить к ней провода.

Карлу Брохусу повезло. В магистрате нашлись умные люди, которые настояли на том, чтобы мальчика оставили в покое и позволили ему повзрослеть. И только когда Карлу исполнилось восемнадцать, его пригласили в город, в небольшую школу для особо одаренных юношей. В неполные двадцать Карл Брохус смог понять природу своих способностей и начал искать себе подобных. В двадцать пять он основал школу ментального контроля растений, которую после его смерти назовут Орденом брохусов. Но до этого он еще очень много успел — обучил не один десяток сподвижников, выяснил, что способности брохуса передаются по мужской линии и наследуются только мальчиками, освободил многие земли от постоянной обработки препаратами,

убивающими сознание растений, и сделал фермерские продукты гораздо более похожими на естественные и почти безвредными, женился… И если учесть, что на все про все у него было каких-то пять лет — этот толстый нескладный очкарик оказался довольно шустер. Карл умер тридцати лет отроду. Дольше брохусы не жили.

Часть первая

Глава первая. Виша из дома Вельда

— Уху, просыпайся. — Виша ласково провела пальцами по круглой гладкой голове птицы, уютно дремавшей в стенной нише. — Притворяться бесполезно. Ругаться тоже. Ну, просыпайся же! — уже потребовала девушка, и, немного помедлив, добавила уже тише: — Мне пора в Лес.

Сова распахнула глазищи, похожие на две живые золотые монеты — еще из тех, давних времен, о которых Виша читала в книгах по истории, и уставилась на девушку с нескрываемым удивлением. И было чему удивляться. Осенью, еще не знавшей первого снега, темнеет рано; сейчас за окнами уже начинало смеркаться. А значит, в Лес Виша попадет самое раннее — к началу вечера, к тому времени, когда свет убывает быстро, как вода в решете, и темнота подползает откуда-то из-за спины, быстро и необратимо. А ведь еще надо будет собрать ягоды и вернуться домой. И как это глупая девчонка рассчитывает все успеть?..

— Глупая девчонка не хуже тебя знает, что готовый сбор никто мне под деревце не поставит. Только ты забываешь, совушка, — Виша оторвалась на минуту от застежек серо-зеленого комбинезона, выглянула из-за створки шкафа и подмигнула птице, — ты забываешь, что никакой девчонки там не будет. А будет сова… круглая голова… желтые глазищи… и вот эдакий умище… Знаю, знаю, куда уж мне. Только там, куда мне сегодня надо, совы днем не летают. Опушка такое еще проглотит, а вот Мхи — вряд ли.

Виша застегнула последнюю пряжку, туго стянув ворот, и потянулась за стоявшим на самой последней полке ящичком, невысоким и довольно тяжелым. Простой металлический ящичек был снабжен кодовым замком; в нем, закрепленные на специальных распорках, лежали длинные, выше локтя, перчатки. Прежде чем одеть их, Виша критически оглядела свои ладони; их украшал сложный рисунок, более всего напоминавший растительный орнамент, который столетия назад создали ювелиры Эригона. На ладонях рисунок был золотисто-желтый, на нижних фалангах пальцев — оранжевый.

— Да, ты была права, Уху. Мне нужен красный. А то куда это годится — братья уже настоящими брохусами стали, вахты держат… а я все еще до середины Леса не дошла. Места я эти знаю, днем не раз хаживала.

Девушка бросила взгляд в зеркало и быстро вынула из ушей все свои серьги, числом ровно семь (полумесяц, две звездочки,

снежинку на тонкой цепочке — с правого уха, и гирлянду с тремя темно-зелеными кристаллами из левого… что с того, что кристаллы настоящие, оправа все равно серебряная, а с металлом на себе в Лес только самоубийца пойдет). Она ссыпала серьги на дно ящичка, достала перчатки и старательно их натянула, потерла ладонь о ладонь, подышала на них, снова потерла. Вытянув руки перед собой, Виша выжидающе смотрела на них. Через минуту с небольшим светло-серый материал перчаток зарябил как вода, по которой тормозит разбежавшийся ветер; почти сразу же рябь прекратилась, перчатки разгладились, даже как-то задышали, все швы, морщинки и неровности исчезли. Уж не знаю, сколько братья заплатили за это чудо эльфьей науки, но оно того стоило, подумала девушка. Конечно, кристального напыления на них не было, но оно ей и ни к чему. И без того — гибкость такая же, как и у родной кожи, а защита как у брони — ни порезать, ни прожечь, ни отравить. Хотя, усмехнулась Виша, я стою не дешевле, и вообще-то у меня вся рабочая одежда такой должна быть; оно конечно, у собирателя руки вперед всего лезут, а вишин тотем позволял еще и на обуви экономить, поскольку левитируя много сапог не стопчешь, но… то ветка хлестнет, то листва мокрая весь бок облепит — все ведь до разу. Ну ничего, утешила себя девушка, несколько визитов во Мхи и достанет и на боевой эльфий наряд, придется только серебряные оплечья спороть. Тут она резко оборвала себя — ишь, размечталась, нечего тут… обычаи нарушать и время тратить.

Девушка взяла с пола довольно объемный рюкзак, ловко закинула его за плечи и подошла к окну. Подтверждая довольное урчание кота, спавшего прямо на вишиной подушке, на улице шел дождь — несильный и нескончаемый осенний дождь. Конечно, рабочий костюм водонепроницаем, но все равно не очень-то приятно выходить из дома в сырость и холод.

Никто не знал, что Виша собралась в Лес; даже мама. Так полагалось. Меньше волноваться будут. Виша подошла к стенной нише, в которой сидела наблюдавшая за ней Уху, и осторожно взяла птицу в руки.

— Нам пора. — Девушка направилась к выходу. — Постарайся долететь до дому, не мокнуть же тебе все мое время под дождем. Ну конечно ты можешь переночевать на дереве, я ничуть в тебе не сомневаюсь. Хорошо, как скажешь.

Незаметно выйдя из дома, девушка перешла по разводному мосту через небольшой ров, облицованный керамическими плитками и заполненный дистиллированной водой; прямо над поверхностью воды чернели отверстия труб, оттуда при необходимости подавалась концентрированная смесь,

превращавшая воду в ядовитый кипяток, сжигающий любую органику. Узкая тропа вела через обширные огороды, с ровными, аккуратными грядками, куполами теплиц, к фруктовому саду. Когда Виша подошла к последнему ряду садовых деревьев, рослых и безобидных, дождь слегка поутих, словно давая ей возможность сосредоточиться. Девушка остановилась под раскидистой яблоней, посадила сову на низкую ветку и посмотрела прямо в золотые глаза совы; птица со спокойным достоинством приняла взгляд ее карих глаз, похожих на переспелые вишни. Они смотрели друг на друга долго, и совиные глаза постепенно становились все более и более сонными, теряли ясность и выразительность, а потом и вовсе сомкнулись. Виша глубоко вздохнула, медленно отошла от дерева. Несколько минут она стояла, выравнивая дыхание, и когда оно стало легким и неслышным, сорвалась с места и побежала. К Лесу.

Для Виши это было уже почти привычное занятие. Она бывала в Лесу и весной, когда наливались соком березовые почки, настой которых дорого ценили медики, и летом, когда созревала малина на Опушке и осенью, когда Лес готовился к холодам, сбрасывал все лишнее — листья, ягоды, и поэтому можно было позволить себе задержаться подольше и взять побольше. Виша и другие собиратели были самой редкой разновидностью Измененных, появившихся в Обитаемом Мире после великого разделения земель. В те давние дни Безымянный хребет стал границей между землями, где растения стали полновластными хозяевами и стерты были сами воспоминания о людях, — и землями, где дети Леса и потомки некогда царивших в Обитаемом мире рас были вынуждены жить бок о бок. Мирным это сосуществование не назвал бы никто. Одна сторона не теряла надежды вернуть измученное тело земли под воскрешающую сень лиственного покрывала, а вторая раз и навсегда решив, что вымирание — это не для нее, создавала все новые способы и возможности выжить в изменившемся мире.

Собирателей было даже меньше, чем брохусов, хотя их уникальные способности были схожи. Брохусы умели подчинять своей воле все без исключения растения, от информаторов до воинов (пост из двух десятков брохусов мог держать в подчинении детей Леса по всей границе городских земель на глубину чуть более ста метров); они же обрабатывали все фермерские посадки, формируя у саженцев ровный, покладистый нрав и ликвидируя их интеллект. Собиратели тоже могли безнаказанно проникать в Лес — намного дальше контролируемых городом земель. Они уходили в чистые, первозданные области, не оскверненные дефолиантами и

пожарными прогалинами, и приносили оттуда ягоды, листья, цветы — ведь с их целебной силой не могло сравниться ни одно искусственное лекарство, особенно если речь шла о восстановлении сил. Химики давным-давно научились синтезировать витамины, но почему-то кружка отвара из ягод лесного шиповника возвращала румянец на щеки больного куда быстрее и эффективнее. В мире, где большая часть пищи была искусственной, где фермерские продукты стоили дорого и не всем их хватало, где растительные элементы исчезли даже из орнаментов — запах июльской земляники кружил голову даже самому богатому горожанину.

У каждого собиратели был свой личный тотем — не символический, а живой; собственно, сроком жизни тотема и определялись начало и продолжительность карьеры собирателя. Тотем — животное или птица — появлялся перед своим избранником всегда неожиданно, и не одна мать застывала на пороге детской, увидев у изголовья спящего сына или дочери лесного зверя. Возраст избранника мог быть и младенческим и вполне сознательным; к Више из дома Вельда сова прилетела в десятую годовщину ее рождения. Между избранным и его тотемом устанавливалась тончайшая ментальная связь; они понимали друг друга с полумысли и общались как духовные близнецы. Позже, при помощи техник, полученных от брохусов, собиратель научался блокировать на время свое сознание, принимая сознание тотема как собственное; человек прятался за личиной зверя, как болотная трясина — за зеленой сочной травой. В этом состоянии ментальной мимикрии собиратель мог спокойно отправляться в Лес — зверей и птиц там терпели не в пример спокойнее, мог брать любые ягоды и даже коренья (если тотемом был крот), не ведерную корзину, разумеется, но довольно вместительную заплечную сумку. Тотем-птица так даже позволял своей второй половине левитировать, недолго, конечно, и не слишком высоко.

На все время заимствования тотем впадал в полусонное-полубессознательное состояние, похожее на зимнюю спячку; но если в это время нарушали его покой, контакт между человеком и зверем прерывался и собиратель оказывался в положении пришедшего на официальный прием в одном нижнем белье. И обычным скандалом он не отделывался. Почти все избранники разбуженных тотемов погибали, не успев дойти до контролируемых территорий. Поэтому и бытовала поговорка — «Собиратель — это не профессия, а участь». Однако при этом никто из избранных не отказывался от своего дара, никто не стремился избавиться от тотема раньше времени. Любого, хоть

раз побывавшего в Лесу, тянуло туда снова и снова. Лесные сокровища стоили недешево, и хотя часть своей добычи собиратели отдавали в казну брохусов (отчасти потому, что были благодарны за обучение, отчасти потому, что здоровье брохусов действительно было дорого) но почти две трети оставались в их личном распоряжении. И продавались весьма недешево. Но даже не деньги заставляли собирателя возвращаться в Лес; редко кто признавался в этом, но гибельное лесное очарование приникало в кровь после первого же набега. Самым удачливым удавалось, минуя охранные заросли, проникнуть в Покинутые Поселения. Города, брошенные людьми до наступления равновесия, остались почти нетронутыми и все их сокровища только и ждали того, кто протянет к ним руку. Само собой, таких было очень мало, и еще меньше было тех, кому удавалось вынести эти сокровища за пределы Леса.

К собирателям, как и к брохусам, отношение у людей был разное. Кто-то считал их выродками, сорящими деньгами и прожигающими жизнь, а кто-то молиться на них был готов… большинство же просто привыкло к их существованию и не утруждало себя размышлениями об их сущности.

Виша из дома Вельда была старшей дочерью фермерши из Одайна. У Виши были мать, три отца, два брата и тотем сова. Первый отец, собиратель, подарил ей жизнь и погиб, когда Више не было и года. В память о нем девушка окрашивала длинные волосы на затылке в черный цвет и подстригала их в форме ласточкиного хвостика (отец был откуда-то с юга, с той стороны, откуда прилетают по весне ласточки). Второй отец, брохус, подарил ей двух братьев, и стал ее личным наставником после появления Уху. В год его смерти Више было шестнадцать, и она уже могла похвастать золотистыми ладонями. Третий отец, самый обычный фермер, появился в доме Вельда три года назад; спокойный и трудолюбивый, он легко прижился на ферме, ладил со всеми домочадцами и обожал свою жену. А Мэй Вельда, хозяйка одной из ферм в контадо Одайна, наконец-то наслаждалась покоем и определенностью в его обществе.

Что касается золотистых ладоней, то это был один из старейших обычаев собирателей. Из своих первых походов в Лес они приносили с опушки цветы зверобоя, венчики пижмы, молодые орехи; из этих растений получали очень стойкий краситель золотистого оттенка. В каждом городе у собирателей был свой мастер-татуировщик, он умел делать краску и знал порядок и правила нанесения рисунка на руки избранных. Первые завитки сложного узора делали в центре ладони. Из следующих набегов собиратели приносили молодые ягоды шиповника; из них

рисовальщик получал оранжевую краску и продолжал ею узор до нижних фаланг пальцев. Одним словом, чем глубже заходил в Лес собиратель, тем богаче был его узор, тем больше оттенков украшало его ладони. У опытных средние фаланги покрывала прозрачно-красная вязь, сделанная из сока клюквы, растущей на болотах; у самых отчаянных подушечки пальцев были плотного, пульсирующего, красного цвета — они собирали на прогретых солнцем лесных пригорках землянику, ягоду капризную и нежную. Собирать ее было муторно и долго, да и опасно. Одним словом, пожимая руку собирателя, можно было легко определить кто перед вами — новичок или матерый волк.

На вишиных ладонях рисунок был достаточно красив и богат, чтобы утереть нос братьям-брохусам. Золотисто-желтые и оранжевые оттенки перетекали один в другой и покрывали всю ладонь, заходя на нижние фаланги пальцев. А ведь собирательство не было ее единственным занятием. Второй отец прекрасно понимал, что собирательство может быть любимым опасным развлечением для девочки с таким характером, но не должно становиться ее единственным занятием. Он подметил интерес падчерицы к истории и настоял на том, чтобы она продолжила образование после окончания обычной школы.

В пятнадцать лет Виша поступила в Высшую Школу при магистрате — это было единственное учебное заведение Одайна, где давали академическое образование и чей диплом был действителен и в других городах. Она успешно закончила начальный курс и легко поступила на факультет истории; выбрать специализацию ей помог ее наставник, профессор Джесхет Ломар, тоже в прошлом собиратель. Это был очень высокий, худой мужчина лет сорока, с резко вырезанным, неподвижным лицом; он очень редко улыбался, никто не видел его смеющимся, но между тем о его шутках — порой весьма мрачных — ходили легенды. Его волк умер от старости лет пять назад, оставив своему избраннику невообразимой красоты татуировку от кончиков пальцев до сгиба локтя, богатый опыт по части пребывания в Лесу и память о посещении мертвого города. Джесхет, утратив тотем, тосковал по Лесу, поэтому поначалу Виша Вельда заинтересовала его как родственная душа, с которой можно провести время, вспоминая Лес. Понятное дело, он зачастую смотрел сквозь пальцы на вишины прогулы (она нередко жертвовала учебой в пользу очередной вылазки) и вообще был более чем снисходителен. Чем Виша без зазрения совести пользовалась.

Однажды так случилось, что Виша Вельда должна была сдать

в срок очень скучную и очень важную работу, а время, отведенное на подготовку к ней, предпочла потратить в «Мертвецкой». Явившись на экзамен не выспавшейся, смутно помня свои вчерашние подвиги, Виша все же попыталась хоть как-то вызвать расположение профессора Ломара — не знаниями, так хоть общностью интересов.

Вместо достойного ответа она принялась рассказывать ему о своей последней вылазке и так увлеклась, что незаметно для себя начала привирать — сначала понемножку, потом все очевиднее. Джесхет Ломар слушал, понимающе кивая головой, а потом остановил ее вопросом.

— Виша, вы сказали, что добрались до самых Мхов, и только страх перед трясиной помешал вам собрать ягоды. И вы успели вернуться засветло?

— Не совсем, солнце уже садилось…

— Виша. — Профессор снял узкие черные очки (от дневного света у него уставали глаза) и что-то начеркал в ее личном листке успеваемости. — У вас замечательный тотем, но у него, как, впрочем, и у остальных, есть слабое место. Уху может появиться днем на опушке и немногим дальше — но уж никак не во Мхах. Совы не летают днем. Профессор такое, может быть, и проглотит, но Мхи — вряд ли.

Он протянул ей листок с совершенно незаслуженной положительной оценкой и добавил:

— И в следующий раз будьте осторожнее. Я тоже иногда захаживаю в «Мертвецкую», тамошний бармен такой шутник… никогда не знаешь, чего он намешает в бокал.

Виша встала и, сгорая от стыда, направилась к выходу. Весь оставшийся день и весь вечер она потратила на сочинение покаянного послания. Этому искусству ее научили братья, Тень и День. Обладая фантазией, вкусом и зная техники брохусов, можно было создать картину, сопровождавшуюся музыкой и словами, и переслать ее, минуя обычные коммуникаторы. Получатель обычно бывал застигнут врасплох и тем сильнее было его впечатление от нежданного видения. Для Джесхета Ломара нерадивая студентка сочинила лесную (как же иначе…) поляну, заросшую ландышами, как могла точно воспроизвела их запах, вместо музыки вспомнила сумеречное дыхание листьев… сопровождать словами это менто она не стала. И так все было понятно. Извинения были приняты, о чем недвусмысленно говорило видение, полученное ею в ответ — лесная тропа, уводящая куда-то в чащу, где было темно, страшно и интересно, с еловых лап падали в траву светляки, и ничто не нарушало шуршащей хвойной тишины.

Безнаказанно обмениваться подобными посланиями было невозможно; и, совершенно случайно столкнувшись вечером следующего дня в музейном хранилище, они довольно долго просидели там над коллекцией недавно переданной магистратской школе по завещанию кого-то из собирателей. В целом школьный музей был небогат, и вся его экспозиция не составляла и одной трети любой частной коллекции, которая, впрочем, на всеобщее обозрение и не выставлялась. Поэтому любому пополнению здесь были рады, особенно Виша, получившая чуть не с первого дня допуск в хранилище. Она проводила там большую часть свободного времени, любовно перебирая осколки прежних времен, сама составляла композиции для тематических выставок… Ходили слухи — впрочем, им мало кто верил — что она даже вытирала там пыль.

— Профессор, вы только гляньте, это же настоящая ручная работа! — и Виша приложила к груди короткое ажурное ожерелье. На фоне слегка загорелой гладкой кожи почерневшие от времени серебряные веточки, усыпанные потускневшими, но все еще блестящими камешками смотрелись неплохо, хотя все остальное — и черная короткая майка, и мешковатый комбинезон, и тяжелые ботинки — особым изяществом не отличалось. Виша вообще не любила, как она говорила, «подарочной упаковки», предпочитая одеваться удобно.

— Мда. Как же ты умудрилась сдать прикладное искусство периода разделения земель?

Джесхет так пристально посмотрел на грудь Виши, что она смутилась и отложила ожерелье.

— Виша, такие цацки на ручную работу тянут примерно так же, как твое прилежание на оценку «отлично». Дешевый сплав. Не лучшие стразы, половина из которых вывалилась еще при жизни первой хозяйки. Да и сам рисунок — ни изящества, ни стиля… — и ученый пренебрежительно фыркнул.

Виша еще успела подумать о том, какой профессор все-таки зануда, когда он взял ее за подбородок.

— Да, Виша, тебе еще очень многому надо учиться. — Сделав такой вывод, он поцеловал ее. Видимо, чтобы закрепить воспитательный эффект.

Спустя неделю после того, как Виша перебралась жить к Джесхету, он предложил своей ученице выбрать редкую и не совсем безопасную специализацию.

— Я давно заметил, что тебя совершенно не интересуют нематериальные аспекты изучения истории. Ты помираешь от скуки, пытаясь запомнить королей какой-нибудь северной династии, а над бусиной из музейного хранилища мурлычешь как

сытая кошка. Ты любишь вещи, а они любят тебя. Виша, ты прирожденный реликварий.

— Спасибо на добром слове. Только где же я буду обучаться? Вернее, у кого? Настоящих реликвариев по пальцам пересчитать, и мало кто вообще их знает. К такому человеку можно попасть только по личной рекомендации… и кто мне такую даст?

— Я. — Джесхет довольно засмеялся, увидев, как расширились от удивления вишины глаза. — Считай, что я тебе ее уже дал. Завтра и начнем.

— Не поняла… чего начнем?

— Учиться, глупая девчонка. Учиться тому, что подобает знать будущему реликварию. Как ты думаешь, почему эльфы так со мной носятся? Никогда не обращала внимания, кто написал раздел по прикладному искусству для последнего переиздания учебника их светила Эредиа? Виша… какая же ты невнимательная. К слову сказать, профессор Эредиа довольно легко признал, что в человеческих бирюльках я разбираюсь лучше, поскольку сам всегда больше тяготел к исследованию утраченных технологий и вообще к истории техники.

— А вы?

— А меня всегда больше занимали люди — как они выглядели, что ели, где жили, во что наряжались… К тому же знание прикладного искусства всегда неплохо оплачивалось — кому же захочется покупать поддельные древности? Все эти наши легенды о покинутых городах, стоящих в неприкосновенности среди Леса, хранящих бесценные свидетельства жизни и былого могущества наших предков… Кому не захочется прикоснуться к памяти? Какая женщина откажется надеть ожерелье, которое украшало шею иремской красавицы? Или заколоть шарф фибулой из Краглы? Да, конечно, можно сделать реплику, но — ты не хуже меня знаешь, какова разница между природным и искусственным алмазом. Мы живем на островках, окруженных враждебным морем Леса, и тешим себя, перебирая осколки своей истории. Добытые такими как ты и я…

После того, как Виша получила доступ к личной библиотеке Ломара, к его коллекции и записям, ей большого труда стоило не бросить обучение на факультете ко всем чертям. Она могла чуть не сутками листать старинные книги — не раз профессор, возвращаясь домой, заставал ее спящей прямо на развернутом фолианте. Все записи, касавшиеся его пребывания в мертвом городе, она выучила наизусть; любой из экспонатов его коллекции могла бы узнать на ощупь. Разумеется, профессор Ломар и слышать не желал о том, что Више жаль тратить время на разглагольствования других учителей.

— Я без того слишком тебе потакаю. Пока не выучишь перечень ратманов Эригона Баснословного, а не только пауков Миравалей, даже и не думай протягивать ручонки к моим записям.

— Это нечестно! Ну зачем, скажи на милость, запоминать годы правления этих торгашей? На это есть справочник. И потом, что в них такого выдающегося? Все как обычно — управляли городом в пользу своего линьяжа, все как один разводили семейственность, передавали свой пост по наследству, пока не находилась какая ни на есть паршивая овца или просто род не иссякал. Торговали, богатели, процветали. Скучища.

— А тебе все войны и мор подавай.

— Нет, но… вот династии эригонских ювелиров запомнились сами собой. Могу хоть сейчас всех перечислить.

— Давай.

Виша отодвинулась на противоположный край дивана, села, выпрямив спину и положив руки на колени.

— Итак. Семейство Сайрус, работали исключительно на заказ и с самыми богатыми клиентами. Никаких полудрагоценных камней, никакого серебра, жемчуг не меньше горошины и только розовый или черный. Ну, еще радужный, разумеется. Собственно, только Сайрусы с ним и работали. Самые богатые свадебные уборы, коронационные регалии, орденские цепи для высших иерархов, ратманские печати… то, что потом становилось или фамильной реликвией, хранимой в сейфе у цвергов, или музейным достоянием, защищенным получше иного банка. Клеймо — распустившаяся роза, тонко гравированная. Семейство Крэддок. Работали исключительно с орденским и наградным оружием. Рукоятки, гравировка на лезвиях, ножны. Клеймо — трилистник. Секрет их скани утрачен еще до первых лесных войн. Сейчас в коллекциях вряд ли найдется больше десяти подлинных работ этой мастерской. Продолжать?

— Помилуй, ты же только начала.

— Семейство Рилло. Пожалуй, самые утонченные художники среди ювелиров вышли из их дома. Не браковали никакой исходный материал, лишь бы он давал неповторимый эффект. Самые изысканные формы и самые фантазийные сюжеты. Из дошедших до нас — морская коллекция, сделанная для герцогини Арзахельской XII, использованы кораллы, жемчуг, даже перламутр, но при этом никаких камней, также ожерелье из Маноры, сочетающее золотое кружево, черное золото и алмазную крошку. Стоимость материала средняя, а вот сама вещь… Клеймо — ящерица на задних лапках, держащая свой отрезанный хвост. В твоей коллекции есть подвеска работы Рилло. Я могу

рассматривать ее часами.

— Только не забывай потом протереть ее замшей и убрать на место.

— Семейство Эльслер. Короли колец. Без обручального кольца от Эльслера жених мог не показываться на порог невестиного дома. Клеймо — летящая голубка. Семейство Моран. Работали только с жемчугом. В качестве клейма использовали черную жемчужину, оправленную в серебро. Изобрели ожерелья-ошейники из нескольких рядов жемчуга, а еще бархотки — за них папаша Моран выгнал своего младшего сына — мол, нечего единство семейного ассортимента нарушать. Нахал младший посмел не утопиться с горя, а основал собственную мастерскую и процвел. Имя, кстати, сменил. Его мастерская — дом Руфус — была самой демократичной в ценовой политике, никогда не опускаясь до откровенных дешевок. Незамужние девчонки, которым настоящие драгоценности были не по носу, его просто боготворили. Руфусы делали легкие, веселые вещицы, фирменный элемент — круглые серебряные бубенчики. Клеймо — цветок маргаритки. Семейство Фрихольм. Делали парадную посуду. Серебряные лоханки, сплошь покрытые гравировкой, лебеди, плывущие с бочонком икры в спине, верблюды, несущие груз фруктов и пряностей, и прочая буфетная роскошь. Но попадались вполне художественные вещицы, мне вот нравится молочник в виде коровы. Уютный такой.

— Хочешь, подарю тебе реплику?

— Ненавижу молоко.

— Я тоже. Продолжай. На тройку ты уже набрала, но если желаешь оценку выше…

— Желаю. Тройки магистратским сидельцам ставь. Семейство Арриго занималось глиптикой — резали камеи на многослойных агатах, сердоликах, яшме и сардониксе. Клейма не ставили, все равно так как они не мог никто. Особенно как Луиджи Арриго — он резал геммы на морских раковинах. Судя по описанию в учебнике Эредиа, это было что-то сказочное. Единственная сохранившаяся вещь его работы — светильник, на округленном боку раковины вырезан женский портрет, оживающий при подключении светового элемента. Собственность профессора Эредиа, наследство от отца, боевого генерала. Интересно, сколько он за него заплатил?

— Дорого, малыш. Даже эльфийская военная медицина не всесильна. Особенно если эльф прикрывает не свою задницу, а найденные в упавшем на землю пару столетий назад флюге сокровища. Виша, когда твои глаза так загораются, я готов пересказать тебе хоть всю энциклопедию прикладного

искусства… Ладно, слушай. Флюг перевозил коллекцию древностей эригонского ратмана — тогда уже было ясно, что Эригон не выстоит, и первая же атака симбиотов прикроет его лавочку. Ратман, Мейно Мираваль — кстати, его дед совершенно заслуженно вернул ратманский титул в семью, очень толковый был политик, — так вот, Мейно первым делом бросился спасать миравальские сокровища. Он сам управлял флюгом. Жену и детей доверил телохранителю. Что случилось с флюгом Мейно, Эредиа так и не понял. Некогда было.

— А сокровища вытащить успел… — ехидно протянула Виша.

— Они были хорошо упакованы. Мейно взял самое дорогое — хроники тысячелетней давности, фамильные драгоценности, портреты первых Миравалей — подлинники, разумеется, так что все это уместилось в два металлопластиковых ящика.

— И что, генерал Эредиа тащил эти ящики на своем эльфийском горбу?

— Именно так. До своего боевого флюга. Пока дотащил… сама понимаешь, помощников у него не было, до него дотянулись, и не один раз.

— А как же законные наследники миравальских сокровищ? Неужели не пытались вернуть спасенное добро?

— В настоящее время род Миравалей официально считается прерванным. Мейно погиб вместе со своим флюгом. Его жена и дети, равно как и сопровождавший их телохранитель, пропали без вести. Эредиа пытался найти их, но безуспешно. Так что он имел все основания оставить недешево добытые реликвии себе. Так что там с эригонскими ювелирами?

— Эээ… семейство Вальдес работало с янтарем из Краглы. Самое знаменитое их творение — малый будуар второй жены Огмы III, бывшей танцовщицы. Для его создания пришлось опустошить всю янтарную кладовую, но и результат превзошел ожидания. Клеймо — морская звезда. Семейство Кадат изготавливало всевозможные флаконы из хрусталя, крупных драгоценных камней, иногда из цветного пузырчатого стекла. Оправы делали выше всяких похвал. Постоянно роднились с семьями парфюмеров, что неудивительно. Изобрели душистые ожерелья, ввели моду на ароматный янтарь, из-за чего у Вальдесов случился семейное светопреставление. Есть сведения, что дом Кадат изготавливал перстни с потайными емкостями для яда или с выдвигающимися шипами, покрытыми контактным ядом. Разумеется, своего клейма — бабочки и стилизованной «К» — на этих изделиях они не ставили. Все.

— Неплохо.

— И только?!

— Ты не назвала клейма Фрихольмов, забыла, что кроме парадного оружия, Крэддоки делали серебряные погремушки для титулованных младенцев, и на них был не трилистник, а четырехлепестковый клевер, что геммы на морских раковинах делали и до Луиджи Арриго, он достиг вершин в этом искусстве, но не изобретал его. Не упомянула кубки из витых раковин, отшлифованных до слоя перламутра, оправленных в белое золото его же работы (а вот это как раз его личное изобретение). Так что неплохо — и только. Марш за уроки.

Они прожили вместе около года. Для Виши это было счастливое время — она занималась тем, что ей было более всего по душе, если что, всегда могла спрятаться за Джесхета, ее любили и баловали. Однажды осенью она вернулась в Одайн после удачной вылазки в Лес. Не заходя домой, почти вприпрыжку бросилась в мастерскую к татуировщику Гроуги — так не терпелось ей похвастать новым рисунком на ладонях; к счастью, краска из ягод готовилась быстро, и уже через три часа Виша, гордо задрав подбородок, подошла к дому профессора Ломара. Переступив порог, она поняла, что что-то не так. Дом был каким-то огорченным, что ли. Притихшим. Виша прошла в гостиную — вся немногочисленная мебель была на месте, вот только исчезло несколько картин, однако в кабинете дела обстояли куда хуже. Книжные полки почти полностью опустели, того, что на них осталось, не хватило бы и на библиотечку запасливого первокурсника. Выдвинутые ящики письменного стола тоже были пусты; стенной сейф, где профессор Ломар держал свою коллекцию реликвий, был открыт и, разумеется, тоже пуст. Виша оглядывалась с недоумением, быстро переходящим в испуг. Атмосфера брошенного, разоренного жилья, всего пару недель назад бывшего ей почти домом, действовала более чем угнетающе. Наконец, ей пришло в голову заглянуть в свою комнату. (Несмотря на общую спальню, Джесхет настоял на том, чтобы занималась Виша отдельно и просто могла уединиться при желании.)

Ее комната осталась не потревоженной; все вещи на своих местах: на широком столе разбросаны кристаллы с записями, в стеклянном запаянном экошаре меланхолично шарится по дну бирюзовая креветка, предоставленная себе самой на веки вечные, на спинке кресла висит домашняя рубашка в сине-белую клетку, отнятая у Джесхета в первый же вечер после вишиного переезда. На небольшом столике, стоящем у дивана, белеет листок бумаги, придавленный небольшой коробочкой. Виша уже не торопясь взяла записку — на письмо эти торопливо начерканные малопонятным почерком профессора Ломара слова не тянули, и

медленно, словно переводя с малознакомого языка, прочитала… Он благодарил ее за прожитый вместе год, сообщал, что она может жить в его доме, сколько захочет, что он очень сожалеет, но… разумеется, искать его бесполезно. Они больше не увидятся. Никогда.

Виша села на краешек дивана, смяла в кулаке зашуршавший листок. Потом машинально взяла в руки и открыла коробочку — в гнезде из фиолетового бархата лежала та самая подвеска работы дома Рилло, так полюбившаяся ей. Ажурный, легкий, хранящий дыхание ранней зимы медальон. Схваченные нежданным морозом цветы, застывшие, припорошенные инеем, похожие на карамель. Переведя дыхание, Виша закрыла коробочку и поставила ее на стол. Это было уже слишком. Она знала, сколько стоит эта вещица, и не намерена была таскать на шее целое состояние. Когда она найдет Джесхета, то выскажет ему все, и — не исключено — кинет в него этой коробкой… и тут ей показалось, что кто-то сильно ударил ее под колени. Опустив лицо в ладони, Виша опустилась на пол и заплакала.

Неделю она слонялась по пустому дому, не в силах заставить себя выйти хоть на минуту. Ей казалось, что Джесхет вот-вот вернется и этот дурной сон, в котором она обречена ходить из комнаты в комнату, вздрагивая от несуществующих шорохов, прекратится. Он вернется. Вернется. Но при условии, что она никуда не будет выходить. Нелепость подобного убеждения не казалась ей такой уж очевидной, скорее она видела в ней залог успеха. Еду она заказывала через коммуникатор, все остальные каналы связи, работающие на вход, блокировала, днем спала, ночью просматривала свои старые записи, исчерканные Джесхетом, слушала музыку, плакала, бродила по комнатам, опять плакала, рисовала на стенах, что-то ела, опять плакала… Она даже не обратила внимания на то, что куда-то исчезла Уху, ее тотем; признаться, она о ней и не вспоминала. А потом в дверь постучали, она открыла, и на пороге оказался не парень из службы доставки, а ее младшие братья, и на плече одного из них сидела сова. Тень и День никогда не вмешивались в жизнь своей сводной сестры, считая это неприличным и небезопасным. Увидев Вишу, они, не сговариваясь, охнули, переглянулись и ни о каких правилах больше не вспоминали.

Она сидела в углу, поджав под себя босые ноги, и что-то царапала на стене — неровные, ломаные строчки…

В руки твои попаду
ненароком
стану твоим кратковременным

обмороком
саднящей ссадиной
на разбитой коленке
в ладонных впадинах
скользнувшей лентой
Стань моим преждевременным
опытом
настоящего счастья…

Аккуратно, почти ласково Тень убрал ее убежденность в необходимости домашнего ареста, погасил сопротивление, усыпил самостоятельность. Потом братья быстро помогли ей, мало что соображавшей после манипуляций Тени, собрать вещи, и отвезли сестру к себе. На вахту им было только через три дня, так что они успели как следует поработать с ее разбитым сердцем.

Техники брохусов предполагали ментальный контроль растительных сообществ, однако орден смог добиться некоторых успехов и в диалоге с человеческим сознанием. Эти знания не афишировались и официально не признавались, и даже владеющие методикой работы с людской психикой брохусы старались не практиковать в этой области. Вишины младшие братья не были исключением, просто они очень любили свою сестру. День смог договориться с вишиной памятью, и она убрала с глаз долой сам образ Джесхета Ломара — то, как он выглядел, как звучал его голос, каким было его прикосновение. Тень уравновесил эмоции сестры, сумел направить ее внимание вовне. Это не означало, что Виша все забудет и начнет жить, словно ничего и не было; но мучиться она перестанет. Братья хотели быть спокойными, оставляя ее одну в городе на время своей вахты. Проснувшись через сутки крепкого, спокойного сна Виша поняла, что братья позаботились о ней, как могут только брохусы. Она прислушалась к себе: любовь никуда не делась, чувство потери тоже, но они отступили, смягчились и не напоминали о себе каждую секунду. Можно было жить дальше.

Когда Тень и День отправились в сторожевую башню, оставив Вишу хозяйкой в своей огромной квартире, она собралась с силами и отправила запрос на факультет. В ответ получила холодный приказ явиться к руководству. Виша подозревала, что вряд ли ее встретят с распростертыми объятиями — слишком много хвостов тянулось за ней, да и семестр начался чуть ли не месяц назад, а она не соизволила даже появиться в Школе. Тем не менее, она надела парадную форму (к руководству в рабочем

комбинезоне не являются), и пошла. Как выяснилось, не зря. Ректор Высшей Магистратской Школы, на дух не выносивший профессора Джесхета Ломара, зеленеющий от зависти при одной только мысли о его репутации лучшего реликвария в Одайне, не упустил случая отыграться на его ученице. Више припомнили все — и старое, и новое, и за десять лет вперед авансом. И выгнали с треском, как есть в парадной форме.

Глава вторая. Тяжелый квест

Виша шла, сунув руки в карманы и глядя перед собой невидящими, лихорадочно блестящими глазами; в ее голове, в такт неровным, быстрым шагам, билось одно только слово: «Ненавижу, ненавижу, не-на-ви-жу!!!..» Полы ее длинного, ярко фиолетового плаща раздувал ветер, одетая так некстати сегодня парадная форменная одежда отсвечивала тусклым серебром, а туго застегнутый высокий воротничок заставлял высоко держать голову, спесиво задрав подбородок. На щеках девушки поблескивали две мокрых дорожки, начинавшиеся где-то в уголках глаз, рот был так крепко сжат, словно вознамерился не выпускать более ни одной улыбки. Она была похожа на мстительного духа, одного из тех, что были изображены в древнем трактате по демонологии… в коллекции ее бывшего учителя были и такие книги.

Когда она свернула в грязный, неосвещенный переулок — конечно, можно было и по чистой и относительно безопасной улице топать, но так было короче, а вишино терпение было на исходе, — от стены отделилась и поползла ей навстречу какая-то тень. Доползти до Виши и тем более сформулировать свои требования тень так и не успела, потому что девушка, прямо скажем, обрадованная преподнесенным ей поводом, окатила ее таким менто, что ей самой даже полегчало на секунду. Безусловно, обучение подобным приемам не входило в программу школы при магистрате, да и собиратели ментальные атаки на людях не практиковали, но вот брохусы имели свои собственные техники и при случае могли ими воспользоваться. И уж чем-чем, а всяческими гадостями младшие вишины братья делились с ней охотно. Тень громко охнула, схватилась за голову и, перемешивая стоны с ругательствами, уползла в темноту подворотни.

Следующим под раздачу попал металлический мусорный контейнер, заполненный под завязку и, как водится, незакрытый. Проходя мимо, Виша со всего маху поддала по нему подкованным носком высокого сапога. Гулкий грохот отрикошетил от кирпичных стен, а потянувшаяся шлейфом густая вонь вызвала в памяти девушки тонкие длинные губы, с видимым удовольствием прожевывающие слова: «Исключить… без права восстановления…» К счастью, контейнеров было два. Второй и подлетел выше, и звучал богаче.

Дойдя до невысокого заборчика, Виша легко перемахнула через него, и очутилась на узкой, но довольно чистой и ярко освещенной улице, вымощенной гладкими черными плитами.

Впереди справа шумел небольшой фонтан, изображавший какой-то мудреный механизм; вода в нем, окрашенная в разные цвета, то появлялась, наполняя прозрачные емкости и выливаясь из обрезанных труб в округлую чашу небольшого бассейна, то исчезала в недрах переплетенных металлических кишок. В художественной ценности фонтана Виша всегда сомневалась, но вот в практической — никогда. Ей не раз приходилось окунать чересчур разгоряченные головы приятелей в цветную воду, чтобы вернуть им хоть долю разумения; да и ей самой он не раз служил ту же добрую службу. За фонтаном улица круто сворачивала, и сразу за поворотом светилась хорошо знакомая Више вывеска — радостная сине-зеленая физиономия и название — «Мертвецкая». Девушка кивнула сама себе и зашагала к приоткрытым дверям.

В старом городе, кроме «Мертвецкой», было немало заведений, где можно было со вкусом провести время — маленькие уютные бары, подземные танцполы, рестораны, культивирующие изысканную растительную кухню. Одайн, в отличие от своего южного соседа и соперника Эригона, не пострадал от Леса, все военные действия заканчивались в пределах отдаленных пригородов. Сам Одайн не пришлось приспосабливать к войне, город сохранил в неприкосновенности свои старые кварталы с их булыжной мостовой, узкими улочками, домами с двускатными крышами и окнами-фонарями. Городское правление, как и сотни лет назад, располагалось в ратуше, Высшая Школа занимала огромный купеческий особняк на Торговой площади, вот только все парки и сады, так украшавшие серые камни Одайна, давно стали воспоминанием. На их месте либо строили новые дома, высокие и узкие (была такая мода у архитекторов первых десятилетий после разделения Мира), похожие на шестигранные стержни графита, которыми какой-то великан пытается расчертить небо, либо — если участок земли, освободившийся из-под выжженного садика, был мал, устраивали на нем искусственный водоем. Воду в таких бассейнах окрашивали в яркие цвета, и разводили в них люминесцентных медуз. Когда у этих созданий начинался брачный период (примерно раз в два месяца), они собирались в гирлянды причудливых форм, дрейфовали по ровной глади цветной воды и мерцали. С наступлением холодов медузы опускались на подогреваемое дно бассейна и засыпали, почти погасая. В фонтане рядом с «Мертвецкой» медуз не было, зато жил старый зеркальный карп, глухой и невозмутимый; и когда очередная хмельная голова погружалась в цветную холодную воду, карп встречал ее скучающим взглядом и не спеша отплывал в сторону.

Толкнув дверь, Виша спустилась по трем широким

ступенькам и оказалась в мягко освещенном холле, из которого через невысокую арку можно было попасть в зал. За стойкой гардероба дремала пожилая гнома, в углу за круглым столом, размерами похожим на таблетку, сидел хозяин заведения, по совместительству вышибала. Когда он встал, чтобы поприветствовать Вишу и помочь ей снять плащ, то головой почти уперся в потолок.

— Здравствуй, Виша. Ты как всегда вовремя — час назад наши ребятки сдали вахту. И сразу ко мне. Я им говорю — вы бы хоть рожи свои сонные умыли.

— Здравствуй, Гиес. Ты за них не переживай, фонтан рядом… умоются.

Виша расстегнула плащ, терпеливо дождалась, пока Гиес деликатно стянет его, стараясь не подметать пол дорогой фиолетовой тканью.

— Держи, Котта, — и хозяин бара передал плащ гардеробщице; вглядевшись внимательно в лицо своей давней знакомой, он пару раз хмыкнул, но все же решился и спросил — А что, сова твоя здорова ли?

— Здорова.

— А как господин Ломар?

— Не знаю, — чересчур резко для равнодушного ответа буркнула Виша.

— А как дела на ферме?

— Отлично.

— Эээ… так что, конец света уже завтра?

— Вполне может быть.

И Виша, считая разговор законченным, направилась к арке.

— Виша! — позвал ее Гиес, а когда она обернулась, сказал, двусмысленно показывая пальцем на горло:

— Ты хомут-то свой ослабь.

— Непременно, — вежливо кивнула в ответ девушка. — У тебя ведь все здесь застраховано?..

В зале «Мертвецкой» было уже достаточно людно: вся вахта брохусов в полном составе, с десяток студентов магистратской школы, несколько завсегдатаев. На пока еще скупо освещенной сцене артисты настраивали инструменты, пытаясь выжать из них максимум мощности. Столы, расставленные на возвышении, тянущемся по периметру всей залы, блестели хромом и черной эмалью, в светильниках покачивались люминесцентные нити сине-зеленого цвета. Высокий потолок терялся в темноте; на выкрашенных темно-синей краской стенах висело несколько картин, содержание которых весьма способствовало подавлению избытка веселости, если такой у кого-нибудь появлялся. Виша

подошла к барной стойке, расположенной по левую руку от сцены. За ней хозяйничал очень худой и очень длинноволосый человек, родившийся явно не в городских стенах, а в каком-то заброшенном контадо, где не скупились на дефолианты, и плоды, которые давала земля сразу после обработки, не уничтожали, как на городских фермах, а употребляли в пищу. Впрочем, он последствиями такой неосторожности не тяготился, и вторая пара рук — заметно меньше и слабее, но вполне работоспособных — ему явно пришлась впору.

— Привет, Бриарей. — Виша уселась на высокий табурет. — Какой будет твой диагноз на сегодня?

Бриарей, подняв одну пару рук в знак приветствия, поставил перед ожидающим своей очереди посетителем широкий толстостенный стакан с напитком темно-красного цвета, достал из-под стойки металлическую капсулу, отвинтил крышку и сыпнул щепотку золотистого порошка, растворившегося с едким шипением. Потом аккуратно долил поверх приготовленного пойла чего-то прозрачного и искрящегося и пододвинул стакан клиенту. Тот одобрительно кивнул, забрал напиток и удалился.

— Привет, Виша. — Бриарей подошел к девушке, поставил перед нею вазу с мелкими цветными конфетами: снаружи глазурь, внутри шоколад, и то, и другое голая синтетика, но, в общем, вкусно.

— Как ты думаешь, он успеет все выпить или свалится под стол на половине?

— На последней четверти, — авторитетно сказала девушка и кинула в рот зеленую конфету. — Так что насчет меня?

— Не спеши. Быстрый диагноз — скорые похороны. Особенно в моем деле. Девочка, ты просто застала его с какой-то другой дурочкой или все действительно так плохо?

— Меня исключили из магистратской школы. Насовсем. — Помолчав, Виша совсем тихо добавила: — А Джесхет уехал, пару недель назад. Видимо, как-то тоже так… насовсем.

— Понятно. — Бриарей потянулся — той рукой, что подлиннее — к полке, достал высокий, довольно объемный бокал, придирчиво осмотрел его на свет и поставил на стойку. Затем очень быстро налил в шейкер жидкость из двух или трех бутылок, Виша и рассмотреть не успела, из каких именно, встряхнул и сунул в охладитель.

— А как Лес? Ты, помнится, обещалась клюкву принести…

Вместо ответа Виша протянула бармену ладони — на них золотился затейливый узор татуировки, начинавшийся в центре ладони и растекающийся к пальцам и запястьям. На средних фалангах пальцев краснела совсем свежая, прозрачно-красная

вязь.

— Молодец. Надо отметить. — И бармен наклонился куда-то глубоко под стойку, поднялся, держа тяжелую пузатую бутыль. Он опрокинул ее над вишиным бокалом, и из липкого на вид горлышка потянулась густая, почти черная жидкость. Налив совсем немного, Бриарей заботливо припрятал бутылку, покрутил бокал в руках, распределяя жидкость по стенкам. Потом достал шейкер, встряхнул еще пару раз и вылил содержимое в подготовленный бокал.

— Бриарей, ты моей смерти хочешь? — довольно засмеялась Виша.

— Пока нет. — Бриарей жестом фокусника выжал в напиток половинку настоящего лимона (от плеснувшего в стороны запаха встрепенулись все сидящие в зале) и пододвинул бокал девушке. — Прошу.

Виша взяла свое лекарство и быстро (терпение кончилось уже минуту назад) отпила большой глоток. Опустив бокал на стойку, она на вдохе втянула в себя воздух:

— Небо мое синее… — и протяжно выдохнула: — Золотая луна…

Бриарей довольно засмеялся, отчего глубокие морщины на его сером лице собрались в причудливые узоры.

— Не знаю как другие, а мои уроки ты помнишь. Ну что, полегчало?

Виша ухмыльнулась, резко дернула воротник-стойку, выпуская наружу белое кружево рубашки, и глотнула еще раз, и еще. После третьего глотка лишним показался не только тугой воротник, но и весь тесный камзол, поэтому Виша, особо не раздумывая, стянула его и швырнула куда-то в сторону. Бриарей поставил перед нею стакан с чистой холодной водой, в которой плавали кубики ядовито голубого льда, и отошел к следующему клиенту.

— А я смотрю, кто это тут форменными камзолами швыряется? Я слышал, тебя можно поздравить?

Девушка резко обернулась, почти дернулась к говорящему — невысокому, худощавому, но довольно плечистому парню лет двадцати, одетому в хорошо знакомую ей униформу брохусов — ядовито оранжевый комбинезон с объемным капюшоном, обычно прикрывающим гладко выбритую голову с металлическими дисками вживленных контактов.

— С чем ты собрался меня поздравлять, Тойво?

— Эээ… — Тойво немного отодвинулся, явно опасаясь сказать не то. — С новым рисунком, разумеется. Мы по дороге сюда встретили Мастера Гроуги, он сказал, ты приходила к нему

позавчера, принесла клюкву со Мхов. Поздравляю, Виша.

— Благодарствую. — Девушка серьезно кивнула, подняла бокал и отпила изрядную порцию. Потом внимательно посмотрела в глаза Тойво, отчего он покраснел и еще немного отодвинулся, необидно засмеялась и сказала: — Отвали, подгузник.

После таких слов парень заалел как маков цвет и возмущенно залепетал:

— Ты не должна была… и вообще, собиратели не могут…

— Не могут, — подтвердил новый посетитель «Мертвецкой», усаживаясь между ним и девушкой. — Но у тебя, парень, все на лбу написано, так что не надо быть даже начинающим брохусом, чтобы прочитать твои менто. Как говорится, к гадалке не ходи и так все ясно. Вечер, Виша.

— Вечер, альх-Хазред.

Виша поставила бокал, чтобы обнять старого знакомого. Альх-Хазред был флюгером — пилотом, управляющим флюгом, небольшим летательным аппаратом, рассчитанным на двух-трех пассажиров и небольшой груз. Начинал альх-Хазред юнгой на моргенштерне, обслуживающем линию Арзахель — Одайн. Его отец был капитаном моргенштерна, как и его дед, прадед… ну и далее по списку. А в те времена, когда моргенштерны еще не изобрели, предки альх-Хазреда водили корабли; была даже семейная легенда, будто один из пращуров был пиратом. Видимо, его кровь и взыграла в младшем сыне капитана аш-Шаддата. Окончив с отличием летную школу, он мог спокойно выслужиться от юнги до капитана, пройдя все положенные ступени. Однако, честно отработав по нескольку месяцев во всех местах огромного летательного аппарата — от нижней складской до верхней технической палубы — альх-Хазред сумел договориться с каким-то нетипично рисковым цвергом и вскладчину с ним купил флюг. Надо сказать, долг цвергу он отдал уже через год самостоятельных полетов. Мало того, что альх-Хазред работал честно, чисто и аккуратно; то самое пиратское наследие предков сделало его не просто пилотом, а настоящим искателем приключений. Он вылетал в любую погоду, в любое место, не особо заботясь о том, куда и как будет садиться, его не пугали даже полеты на небольшой высоте. Альх был красив — уходящей из Обитаемого Мира шаммахитской красотой, сочетающей угольные глаза, бронзовую кожу и невозможно белозубую улыбку, щедр и красноречив; надо ли говорить, что в «Мертвецкой» он был желанным гостем, подобным жаркому солнцу среди обычных сумрачных завсегдатаев.

— Давно в городе? — поинтересовалась Виша, расстегивая

последнюю пуговку пышного кружевного ворота рубашки.

— Третий день пошел. — Альх-Хазред допил воду (крепче нее он ничего в рот не брал) и запустил руку в вазочку с конфетами.

— Могла бы и сама догадаться, — покивала Виша. — Усталость рабочую уже смыл, усталость разгульную еще не нагулял. Свеж и бодр как брохус-новобранец. Мои, кстати, сегодня на вахту заступили, так что присмотреть за мной некому… если только ты согласишься… — она смотрела на флюгера как незадолго до этого на выпивку — нетерпеливо и с любопытством.

В ответ альх-Хазред протянул руку и потрепал девушку по коротко остриженной голове.

— Виша, я не самоубийца. Если будет нужно, я засуну тебя в фонтан, донесу до дому, заплачу за тебя… но присматривать за тобой… Благодарю покорно. Лучше золотое масло голыми руками собирать.

Виша засмеялась. Золотым маслом называли ягоды, росшие на деревцах со страшно колючими ветками; даже прирученные, они все-таки сохраняли дурной характер, и собирать их было сущим наказанием. Однако как почти всегда с растениями, игра стоила свеч: выжимки золотого масла превосходно залечивали раны и редко какой брохус, проходящий процедуру подключения, обходился без этого снадобья. Своим братьям Виша собирала и готовила золотое масло лично.

— Ну и ладно. Но я ловлю тебя на слове — насчет фонтана.

Она встала, потянулась, отчего прозрачная белая блузка вызывающе натянулась на груди, допила бриареево лекарство, поставила стакан на стойку и задумчиво огляделась. Сегодня посетители «Мертвецкой» не торопились сделать вечер запоминающимся; сдавшие вахту брохусы сидели за двумя столами и вовсю резвились с творениями барменского гения, меняясь бокалами. Из других знакомых Виша заметила только нескольких старшекурсников-химиков и компанию техников, обслуживающих информационный центр магистрата. На какое-то время ее внимание привлекли сидевшие в отдалении под самой мрачной картиной эльфы — двое военных, затянутых в лиловые мундиры с серебряными оплечьями. Она даже сделала несколько шагов в их направлении. Но, поскольку о неспособности эльфов радоваться жизни ходили легенды — говорили, что на пике веселья эльф обычно поет походный марш, — Виша не сочла их достойными внимания и, резко развернувшись, направилась прямиком к музыкантам, которые все никак не могли собраться и выдать хоть что-то, похожее на музыку.

Подойдя к солисту, терзавшему допотопного вида струнный

инструмент, формой похожий на до неприличия крутобедрую женщину, Виша отстранила микрофон и зашептала музыканту на ухо. Судя по выражению его лица, что-то весьма интересное. Да и сам певец был примечателен: как и полагается гному, невысокий и плечистый, и как совсем не полагается гному, гладко выбритый. Недостаток волос на подбородке компенсировался темно-рыжей шевелюрой, заплетенной в толстые жгуты. На лице гнома выделялись узкая полоска красных зеркальных очков, полностью закрывавших глаза, и невозможно большой рот, в который, как говорили, певец мог запихать оба своих гномьих кулака. Чем и заслужил свое прозвище Маульташ, Рот-Комод. Альх-Хазред, с любопытством наблюдавший вишины передвижения, понимающе покачал головой: устоять перед девушкой было невозможно. Невысокая, ладная, одетая в туго обтягивающие брюки, перехваченные в талии форменным серебряным поясом, и блузку, расстегнутый кружевной воротник которой лежал белой пеной вокруг стройной тонкой шеи, она была похожа на школьницу, удравшую с уроков. Короткие волосы Виши были серебристо-пепельными, и только хвостик, спускавшийся от затылка и ниже лопаток, был глянцево-черным и раздвоенным. Все шалые духи выпитого снадобья выглядывали из вишиных глаз, и иногда казалось, что еще немного — и кончики ее длинных пушистых ресниц вспыхнут.

Маульташ выслушал все, что Виша сочла нужным нашептать ему в ухо, улыбаясь (при этом он перестал петь, играть и совсем смял и без того нестройное выступление) и только последними ее словами он чуть не подавился. Поразмышляв не более двух-трех секунд, он отложил в сторону крутобедрый инструмент, и, махнув рукой, подозвал друзей. Виша отошла в сторону и села за ближайший столик, к знакомым брохусам. Там она приняла эстафету обмена бокалами и перестала обращать на сцену внимание. А музыканты, посовещавшись и обмениваясь отчаянно-веселыми взглядами, вернулись на места. Певец же, поглядев в потолок и не найдя там ни поддержки, ни опровержения, вытащил из кармана губную гармошку и принялся нажаривать на ней так, что любо-дорого, а когда разудалый мотив подхватили и повели музыканты, запел. Причем никто из присутствующих не ожидал услышать такого — только что звучавший хорошо поставленный, но вполне обыкновенный голос стало выворачивать на то разбойничьи, хищные, то глумливые, шутовские интонации… и к тому же язык у певца поворачивался выдавать такой текст, что заинтересовались даже эльфы. За первой песней последовала вторая, потом третья…

— Старая бабка,
На что ты похожа?!
Сиськи обвисли
И сморщилась рожа,

Волосы будто
Гнездовье седое,
Страшно подумать
Про остальное!..

— Вот что, сопляк,
Ты язык придержи-ка!
Я ведь горячей была
Как аджика,

Смолоду времени
Зря не теряла,
Много любила
И щедро давала!

А у тебя?! Нет ни шлюх,
Ни подружек,
Видно, ни тем, ни другим
Ты не нужен.

И — докажи мне,
Что это не так! —
Любит тебя
Только правый кулак!..

Усидеть на месте становилось уже невозможно. Вскоре пространство вокруг сцены оказалось заполнено танцующими; за столами остались только эльфы (впрочем, один из них вполне заметно притоптывал в такт, а второй подпевал) и те, кому бриареевы творения спеленали ноги.

— Что ты с ним сделала? — поинтересовался флюгер, подхватывая Вишу.

— Я попросила его спеть те песни, после которых его выгнали из консерватории Арзахеля. Мне про него братья рассказывали. — Виша вывернулась из рук флюгера и продолжила танцевать, почти вплотную прижавшись к недавно отвергнутому «подгузнику». Совсем ошалевший от такой невиданной милости брохус не знал, куда ему девать руки — туда, куда хотелось, он

боялся… а над головой держать утомительно.

— А что ты ему посулила в награду? — не унимался альх-Хазред, наклоняясь к Више.

— Сказала, что… — ответ девушки утонул в грохоте — это, выполняя вишино пророчество, свалился под стол один из почитателей таланта Бриарея, свалился эффектно, прихватив с собой почти всю посуду со стола (хромированные металлические бокалы в сочетании с каменным полом составили неплохую конкуренцию музыке) и запутавшись ногами в стуле.

И в который раз Виша убедилась в том, что, попросив у мающегося от тоски мужчины чего-то артистично-неприличного, хулиганского, она оказалась в выигрыше. Музыканты вошли в раж и завели дремавшую публику «Мертвецкой» так, что мало не казалось даже им самим. Певец уже не перебирал лениво струны, а выдавал песни одна другой чуднее, швыряя в глотку кружки пенящегося грибного чая. От такой порции хмельного многие уже бы и первой строчки детской песенки не связали, но у него, судя по всему, была неплохая закалка. Он только утирал пот, градом катившийся по лбу, и продолжал петь. Его песни, которые Виша впервые услышала, придя в гости к братьям, когда те отмечали завершение своей первой вахты, были сегодня как нельзя кстати. Еще тогда она отметила для себя их особенность — при всей их вызывающей незамысловатости, какой-то подростковой наивной глумливости, они почти мгновенно завладевали вниманием слушателя и любое его настроение превращали в угодное себе, безбашенное и отвязное. Когда Више случалось засидеться сверх меры за скучными уроками, или серьезно с кем-то поссориться и начать терзаться угрызениями совести, она загружала в свой коммуникатор записи тех самых песен, героями которых были похотливые эльфы, пьяницы-гномы, сумасшедшие ученые и веселые шлюхи. И когда этот беспардонный карнавал, который вел за собой Маульташ по прозвищу Рот-Комод, накрывал ее с головой, она забывала обо всех печалях и неудачах. Так что сегодня это было то, что доктор прописал.

Ведь еще никогда Више не было так плохо.

Кроме глумливых песен, она еще очень любила танцы. Не сказать, чтобы очень уж умела танцевать, но в таких местах как «Мертвецкая» это не суть важно, да и не всегда кстати. Одна из вишиных сокурсниц закончила балетную школу в Арзахеле. И что? Осанка у нее, конечно, была что надо, шея не гнулась вообще, но как только дело касалось того, чтобы просто пойти и поплясать без претензий на аплодисменты, все ее мастерство тут же и заканчивалось. А Виша ничему такому специально не училась (если не считать пары месяцев, когда ее соседкой по

квартире была стриптизерша — иногда она репетировала свои закидоны прямо в кухне и Виша частенько ей подражала), но вот ее умению радоваться можно было позавидовать. Поэтому сейчас, когда оглушенные алкоголем кошки перестали точить когти об ее душу, тоска взмыла до небес и обернулась развеселым отчаянием, танец оказался именно тем, что надо — возможностью выразить все, ни о чем не думая и ничего не боясь.

Виша танцевала так, что альх-Хазреду пришлось отпихивать от нее чересчур назойливых поклонников, хотя сам он, давший однажды слово не принимать во внимание подруг своих заказчиков (а Джесхет Ломар был одним из первых, поверивших в счастливую звезду пилота), с трудом удерживался от желания нарушить это незыблемое правило. Что касается Тойво, то он двигался уже в каком-то трансе, не отрывая от девушки горящих звериных глаз.

А Виша несомненно нарывалась. Альх-Хазреда она оставила в покое, но вот Тойво ее очарования доставалось даже с избытком. Руки его уже давно были именно там, где ему хотелось, и то крепко обнимали девушку, то гладили ее спину и бедра; Виша стянула с брохуса капюшон и расстегнула форменный комбинезон почти до пояса. И будто этого было мало, она доверчиво-бесстыдно раскрыла свое сознание, так что Тойво без труда мог прочесть ее менто. Как оказалось, они были настолько сильными, что прочел их не он один.

— Эй, малец, подвинься. Такая девочка не про тебя.

Бросив эти слова, один из брохусов резко оттолкнул Тойво и властно положил руку на плечо Виши.

— Ты ведь пойдешь со мной, Виша? — это прозвучало не вопросом. Брохус отдал приказ, как если бы девушка была деревцем, которому надо привить покладистый характер. — Ты пойдешь со мной.

Оглушенному алкоголем, уязвимому сознанию Виши этого хватило. Она потянулась к новому хозяину, прижалась к нему, улыбаясь и жмурясь как неразборчивая кошка. Она знала его — Гэлвин был одним из самых старых брохусов, ему было больше двадцати пяти. Возможно, именно это сделало его еще более неприятным, чем он был от природы; Гэлвин без зазрения совести пользовался своими способностями помимо вахт, не раз бывал уличен в нечестной игре и вымогательстве. Конечно, брохусы не просто высоко ценились в любом городе Обитаемого Мира, прямо сказать, они были бесценны и, как следствие, ни в чем не нуждались, имея все, что душе угодно: неслыханные заработки, прямой доступ в любые общественные заведения и здания, бесплатное и свободное перемещение на моргенштернах, третью

долю в принесенном собирателями из Леса… Одним словом все, кроме человеческих чувств. Не то, чтобы существовали какие-то законы, запрещающие брохусам практиковать на людях; просто в самом Ордене это считалось настолько дурным тоном, что редко кому приходило в голову обращаться с себе подобными как с растениями. Так что если не считать нескольких стычек с озверевшими от гарнизонной скуки эльфами (надо сказать, остроухие брохусов ненавидели, как одну из причин, по которой не начиналась последняя битва, ожидаемая ими вот уже сотню лет) брохусы были мирными людьми.

Но в семье, как водится, не без урода; вот и Гэлвин был неприятным исключением. Шельмовал и вытягивал деньги он скорее от злобной тоски и желания напакостить. И хотя он отличался довольно приятной, гладкой наружностью, взгляд его светлых пустых глаз не согревал и не прикосновения не радовали, так что несколько раз он пытался добиться благосклонности девушек посредством менто-приказов. Может, на ком-то и срабатывало, но с Вишей брохусу явно не повезло. Когда он попытался пару месяцев назад заполучить ее здесь же, в «Мертвецкой», она ответила ему самым оскорбительным менто, какому только научили ее предусмотрительные братья, да еще и оплеуху отвесила. Так что сегодня Гэлвин получил заслуженный реванш.

Однако долгого торжества у него не получилось. Неизвестно, насколько серьезными были планы Тойво насчет Виши, но самолюбие его было не в отпуске и к всепрощению он наклонностей не имел.

— Положи на место. — Услышав это, альх-Хазред, несмотря на действительную серьезность случая, прыснул. — Не твое.

— Твое, что ли? — Гэлвин издевательски притянул к себе ничего не соображающую Вишу.

— И не мое. — Тойво стоял напротив Гэлвина, все еще в расстегнутом комбинезоне, тяжело дыша. — Это не вещь.

— Измельчала молодежь. — Гэлвин с издевательским сожалением покачал головой. — Дожились, в кабаке морали читаем. В мое время за такое…

Договорить он не успел, поскольку Тойво сделал именно то, что делали и в его время тоже — со всего размаху врезал Гэлвину в ухо. Уже через несколько секунд вокруг двух брохусов образовалась пустота.

Музыканты, почуяв неладное, стихли. Альх-Хазред, тихо проклиная свое решение зайти именно в «Мертвецкую», вытянул все еще ничего не соображающую Вишу из-под руки уже забывшего про нее Гэлвина и спрятал девушку себе за спину. А

заглянувший в зал хозяин, привлеченный неожиданной тишиной, коротко сообщил самому себе:

— Как в воду глядела, — и, зайдя внутрь, поудобнее устроился за барной стойкой. Драка брохусов — такое случается реже, чем конец света.

Гэлвин вытер испарину со лба и оценивающе прищурился. Размышлял он недолго, и руками размахивать не стал — брохусу это было как-то не к лицу, его сила не в мышцах. Если им и случалось подраться, то не с помощью тумаков и оплеух.

Несведущему могло показаться со стороны, что противники просто стоят, глядя друг на друга пустыми глазами. А они прощупывали — причем делая это как можно более болезненно — сознание соперника, выискивая слабые места. Первым атаковал Гэлвин; его удар заставил Тойво пошатнуться и обхватить голову руками. Но уже через несколько секунд он ответил, и тоже неслабо. Публика на всякий случай отошла подальше, ибо словить сорвавшееся у дерущегося брохуса менто не улыбалось никому.

Пришедшая в себя Виша осторожно выглянула из-за спины пилота. Брохусы уже не обменивались ударами по очереди, ментальные атаки шли одна за другой, без перерыва. Поле агрессии окружало их подобно сфере, светящейся нехорошим, неровным светом; воздух в пределах этой сферы заметно вибрировал; а сами брохусы уже ничего вокруг не видели и не слышали. Они левитировали в полуметре от пола, то выгибаясь в жестоких судорогах — если удар противника оказывался особенно точным, то застывая в минутном напряжении, накапливая силы для атаки.

— Не понимаю… — как-то разочарованно протянул стоящий рядом с Вишей молодой брохус. — А! Вот оно!

В этот момент Гэлвину удалось пробить защиту соперника. Тойво упал на пол, словно сметенный ударной волной. Виша охнула и альх-Хазреду пришлось придержать ее на месте, чтобы эта дуреха не бросилась на помощь обиженному.

Тойво поднялся сам; пошатнулся, но устоял на ногах; его обычно беспокойные и веселые глаза, освещавшие некрасивое лицо, были прищурены, как у насмерть обозленного хищника. Гэлвин издевательски вздернул юношу в воздух, как тряпичную куклу, словно намереваясь повторить сладкий миг победы. Однако второго раза не получилось. Тойво, которому, судя по всему, надоело сдерживать себя, соединил ладони за головой, с усилием развел их — в его правой руке дрожал тугой жгут золотого света. Брохус размахнулся и хлестнул.

— Наконец-то, решился — откомментировал вишин сосед. —

Не повезло Гэлвину. Тойво самый лучший в отряде карателей.

— Тойво?! — изумилась Виша.

— Ну да, — подтвердил брохус. — Поэтому и осторожничал. Хороший он парень, скромный. Не выпендривается, хотя мог бы. Ну все, Гэлвину можно бронировать больничную палату с мягкими стенами. Тойво ему сейчас внутричерепной салат сделает…

Но Тойво был действительно лучшим; наказывая, он не позволял себе распускаться, упиваясь собственными силами, держал в руках и себя, и свои смертоносные менто. Он не стал добивать упавшего противника, свернул золотой кнут и опустился на пол. Гэлвина оттащили подальше, уложили на обитый черной кожей диван у стены, кто-то сердобольный положил ему на лоб пакет колотого льда — и оставили приходить в себя, с дикой головной болью, поверженным самолюбием, но, по крайней мере, в здравом уме и твердой памяти. Могло быть гораздо хуже, разреши Тойво себе удар-другой действительно посильнее, из тех, что превращают воинов Леса в бессильно лепечущую луговую траву. До брохуса дошло, как же по-дурацки он выглядел… и его самочувствия это не улучшило.

А Тойво огляделся, нашел Вишу, поглядывающую на него с явным интересом, и протянул ей руку. А когда девушка подошла, с неожиданной хулиганской ухмылкой подхватил ее и подбросил. И не дал опуститься. Вообще-то, левитация не была непривычна Више, в Лесу эта способность не раз ее выручала. Так что она не стала визжать и махать руками. Девушка хлопнула в ладоши и кивнула музыкантам. Те только этого и ждали.

— Ну все, понеслось. — Сообщил Гиес Бриарею. — Ты посмотри, вся вахта зависла. А поутру ползком… летуны.

— Хороший вечер, Гиес, — отозвался бармен. — Все, как полагается: и драка, и музыка что надо, и разгул такой, что еще месяц вспоминать будем. Ты смотри, что творят…

А посмотреть было на что. Брохусы, позабыв про усталость трехнедельной вахты, танцевали то на полу, то под самым потолком, поднимаясь и опускаясь как сгустки разогретого воска в волшебном фонаре. Люди не отставали и даже эльфы — кто бы поверил! — присоединились к всеобщему веселью. Музыканты, честь им и хвала, не позволяли накалу страстей ослабеть, и певец, сознавая, что такой звездный час может не повториться никогда, спешил раздать все, что было накоплено, выстрадано, вышучено…

Посмейся надо мной. Я так нелеп,
Что хочется заплакать.
На склоне лет, в лохмотьях бед твой смех —

Не худшая заплата.
Насмешки милой терпкий вкус
Мне тешит душу.
И клянусь — тобою преданный союз
Я не нарушу.
Тебя любить — тяжелый квест:
Вранье, интриги…
Как только мне не надоест,
Шанс на успех не больше фиги.
Кладу в приманку леденец
И ставлю сети.
Самонадеянный птенец, ты попадешься — и пипец…
За все ответишь!

Виша не очень хорошо помнила, как снова оказалась за барной стойкой. Кажется, это альх-Хазред отвел ее сюда, усадил и о чем-то попросил Бриарея. Во всяком случае, перед девушкой вскоре оказался бокал с ледяной водой. Отпив, Виша поперхнулась и почувствовала себя несказанно оскорбленной.

— Эй! Бриарей, ты издеваешься?! Ты бы мне еще молока налил!

— Виша, не вопи. Ты здесь не одна. Вот закончу с господином эльфом, и займусь тобой.

Бриарей сосредоточенно смешивал напиток, стараясь, чтобы цвет его был в точности как мундир эльфа. Добившись, наконец, невозможного сходства, он с вежливым поклоном подал бокал офицеру и повернулся к Више.

— Так, теперь ты. Крепче того, что у тебя уже есть, сегодня не получишь. Я бармен, а не убийца. Во всяком случае, не сейчас. — С этими словами Бриарей отошел на противоположный конец стойки, явно не желая продолжать беседу.

От такого афронта Виша даже дар речи потеряла; потом, пытаясь справиться с жаждой, выпила немного воды, но ее жажда была явно не того порядка, что утолялся этим напитком.

— Что, не помогает? — сочувственно осведомился эльф, откидывая за спину белоснежные, тяжелые, обрезанные на уровне лопаток волосы. В сине-голубом освещении блеснули серебряные, усыпанные алмазной крошкой цепочки, прошнуровавшие ушные раковины от мочек до острых кончиков, закрытых наконечниками.

— Не-а, — и Виша уныло посмотрела в свой бокал. — Не больше чем припарки покойнику.

— Может, мой вариант вам больше подойдет? — и, не глядя в

ее сторону, эльф придвинул стакан с лиловым, даже на вид жутковатым питьем. — Не могу смотреть, как человеку мешают достичь предела падения.

— Любите наблюдать последствия? — поинтересовалась девушка, надолго припадая к стакану.

— И не только. Участвовать тоже. Благодарствую, — и эльф одним махом допил великодушно оставленную Вишей половину. — Я Иво.

— Я Виша. А приятеля вашего как зовут?

— Которого? — и эльф, сощурив серебристые глаза, оглянулся на того, что танцевал в глубине зала.

— Того, что рядом с вами, разумеется.

— Эээ… — Иво растерянно посмотрел в сторону. — Похоже, бармен был прав. Нас тут двое, вы и я.

— Ну да, и еще твой приятель, — лучезарно улыбнулась Виша, переходя на ты, что было несколько рискованно в общении с эльфами, все еще соблюдавшими определенные условности. — Он как хочет, а тебя я забираю потанцевать. Пошли? — она встала и протянула руку эльфу. А потом вдруг резко, без предупреждений наклонилась и очень нежно поцеловала его.

— Позор и неделя гауптвахты, — вставая, сам себе сообщил Иво, растягивая в довольной улыбке тонкие губы. — Как же я этого ждал… Идем, Виша.

Как оказалось, Иво был неплохим танцором, но вот левитация ему не давалась. Поэтому вскоре Виша без зазрения совести бросила его, но возвращаться к Тойво не стала, поскольку намерения брохуса становились все серьезнее и серьезнее. А вскоре и певец, оставив своих музыкантов играть одних, подошел к ней, чтобы потребовать обещанного в самом начале вечера. В результате Виша, уже плохо соображавшая, спряталась в единственном месте, куда эти трое не рискнули бы войти.

Здесь было тихо и довольно холодно; с потолка на витых шнурах свисали круглые белые лампы, в огромном, во всю стену, зеркале отражались темно-синие двери кабинок; один из кранов подтекал, и его мерное крап-крап отражалось эхом от хромированной раковины. Виша открыла воду, попыталась наклониться, чтобы охладить пылающий лоб, и потеряла равновесие.

Сидя под раковиной на черном каменном полу, сжимая голову руками, не давая ей расколоться на куски, девушка отчаянно пыталась понять — где она, что она здесь делает, давно ли и с какими последствиями… Хвала богам, она еще помнила, как ее зовут.

— Каким именно?

— Что?!.. — простонала Виша, с трудом поднимая голову на голос.

— Я спросила, каким богам ты воздаешь хвалу? — голос был дружелюбный и сочувственный.

— Какие боги, подруга?.. — Виша пыталась разглядеть спрашивавшую. Сквозь муть жуткого опьянения она смогла увидеть только то, что она невысокая, одета во что-то черное, кажется, светловолосая. — Кто здесь еще верит в богов?!..

— Это не важно. — Голос приблизился и Виша ощутила тонкий, горьковатый аромат весенних цветов. — Главное, что мы в вас еще верим. Давай-ка, поднимайся, а то отморозишь себе… центр тяжести. Давай руку…

Виша ухватилась за протянутую ей руку, со стоном выпрямилась и схватилась за раковину. Это оказалось непросто, потому что раковина отказывалась хвататься и норовила уплыть вдаль, двигаясь по какой-то тошнотворной кривой. Пол тоже вел себя не лучше, раскачиваясь и меняя цвет. На потолок Виша смотреть не решалась.

— Ну ты и надралась… — с уважением и сочувствием констатировала неизвестная. — Не уследил за тобой альх-Хазред. Куда теперь?

— Туда, — Виша махнула рукой в сторону кабинки. — И смой хорошенько, ладно?

— Ну уж нет, — тихо засмеялась светловолосая, — у меня другие планы. Давай так: обманутых тобой я беру на себя, а ты вместе с альх-Хазредом уходишь потихоньку. Фонтан на старом месте, окунись, глядишь и полегчает. Ну как, идет?

— А-а-а…

— Значит, идет. Ну, пошли.

Виша была настолько не в себе, что даже не поинтересовалась, откуда это незнакомка знает, как ее зовут. И — вот чудо! — стоило ей открыть дверь и шагнуть в зал, как мучившие ее тошнота, головокружение, головная боль исчезли, будто и не было у Виши в желудке бриареевых снадобий в совершенно непотребном сочетании. Несказанно обрадованная этим, она встряхнулась, как кошка после дождя, и как-то сразу передумала окунаться в фонтан. Вместо этого девушка направилась вглубь залы, покусывая в предвкушении губы.

— Я так и знала… — прошелестело еле слышно над ее ухом, и тихий смех просыпался девушке за шиворот. — Ну, держись…

Что произошло потом, сама Виша объяснить не смогла. Будто ее встряхнули и расправили как перчаточную куклу, и наполнили силой и легкостью; она осталась собой, Вишей из дома Вельда, с которой кто-то неведомый поделился так щедро, что девушка

ощутила чужие способности как свои собственные. И не преминула ими воспользоваться. То, что она вытворяла в ту ночь в «Мертвецкой», вспоминали еще очень долго…

* * *

Как она ни пыталась удержаться на колеблющейся поверхности сна, его слабеющие волны подталкивали ее, настойчиво и мягко, к тверди пробуждения. Со вздохом сожаления Виша вынырнула, открыла глаза, поморгала, фокусируя взгляд, повернулась на другой бок, и замерла — в постели она была не одна. На самом краю, свернувшись калачиком, мерно посапывал брохус. На его висках и у основания черепа матово отсвечивали металлические диски, на худой спине выступали позвонки, как узлы на веревке. Виша попыталась вспомнить…и тут же отказалась от этого занятия, ибо память возмущенно отвергла любые усилия. Девушка тихо встала, опустила ноги на пол — а там, вповалку, спали флюгер и эльф. Виша икнула и поджала ноги под себя.

В этот момент дверь бесшумно открылась. На пороге, пошатываясь, с полузакрытыми глазами и блуждающей сонной улыбкой на лице стоял еще один эльф. Абсолютно голый. Наготу его скрадывали разве что только усы, переходящие в недлинную бородку, заплетенную в две косички, перевитые узкой металлической лентой, да еще поблескивали серебряные наконечники на острых ушах. Виша сжалась в комок и потянула на себя одеяло. Эльф сделал пару шагов и мягко рухнул на пол; через минуту он уже спал, крепко и безмятежно.

Какое-то время Виша едва осмеливалась дышать, вжимаясь в кровать. Но воздух под одеялом закончился, и ей пришлось вылезать. Выставив голову, она осторожно огляделась, прислушалась — вроде как все спали… терпеть же сил уже просто не было. Виша собралась с духом, откинула одеяло, поднялась на ноги, перешагнула через флюгера, по стеночке прошла мимо эльфа, открыла дверь и, облегченно переводя дыхание, вышла из комнаты. И только тут до нее дошло, что это не ее квартира. Особо раздумывать над этим она не стала — некогда было, и поспешила найти туалет.

Плотно закрыв дверь, Виша покидала на пол белье и забралась в душ. Тугие горячие струи воды брызнули со всех сторон, пощипывая приходящее в себя тело. Девушка собралась с духом и резко повернула кран с холодной водой; потом с горячей, потом снова с холодной. Через пять минут подобных упражнений

она снова была в состоянии разговаривать, есть, пить, ходить и отвечать за себя. Она совсем уже собралась выйти и отправиться на поиски какой-нибудь еды, как дверца душевой скользнула в сторону, и в облако водяного пара вошел брохус. Словно не замечая оторопевшей девушки, он переключил душ так, что все струи собрались наверху и окутали его теплым дождем. Все так же молча, он протянул руку, обнял Вишу и притянул ее к себе.

— Напугалась? — тихо спросил брохус.

— А что было-то? — Виша сморгнула капли воды и рискнула заглянуть Тойво в глаза. А он их так и не открыл. Так и стоял, зажмурившись, крепко прижимая к себе девушку.

— Ничего особенного. Ты поставила на уши всю «Мертвецкую», — он прикоснулся губами к ее виску, — налеталась до того, что рухнула бы из-под потолка на пол, если бы Иво тебя не поймал, — Тойво перевел дыхание, — и потом…

— Что?!.. — представив себе спящую в комнате компанию и свою теперешнюю репутацию, Виша похолодела.

— Ничего. — Тойво чуть отстранился. — Не пытайся вспоминать, ничего не было. Я только позволил себе снять с тебя сапоги и пояс.

— А чей это дом?

— Мой. Так что не стесняйся… — брохус по-прежнему не открывал глаз, будто спал и не желал просыпаться. Капли воды разбивались о его голый череп, стекали по спокойному, некрасивому лицу, задерживались на вживленных металлических дисках, повисали на темных слипшихся ресницах. Виша смотрела на него и с трудом могла поверить в то, что этот худой, совсем еще молодой брохус — каратель, один из тех, о ком сами брохусы рассказывают легенды…Что-нибудь вроде того, как один парень взглядом выжигает акры Леса. Тойво дышал медленно, размеренно, будто и вправду спал.

И вдруг Више стало так одиноко, так тоскливо, словно не осталось на земле ни одного человека, что любил бы ее и помнил о ней. Она прижалась к брохусу, спасаясь от вновь вернувшегося к ней понимания — не будет больше так, как было раньше. Не будет Высшей Школы с гарантированным дипломом, не будет музея, не будет работы реликвария, не будет Джесхета… все закончилось враз, без предупреждений и снисхождения. Не закончив прежних дел, не получив признания, она была отброшена в начало пути.

Если бы не Тойво, неизвестно, на что бы она решилась. Может, отравила бы воду в бассейне у ректорского особняка, ибо было чем. А может, отправилась бы искать Джесхета — как иголку в стогу сена.

…Тойво целовал вишины закрытые глаза и распутывал ее мысли так осторожно, что поначалу она даже не почувствовала его прикосновений; легко и безболезненно гасил тоску и обиды, словно вытаскивал занозы. Брохус успокаивал хаос ее сознания как плачущего ребенка. Виша не стала сопротивляться — кто же отказывается от обезболивающего? Теплая вода струилась по вишиным волосам, по спине… и точно так же ее распутанные, успокоенные мысли струились сквозь пальцы Тойво, и вся печаль стекала, уходила… Виша целовала губы Тойво — обветренные, искусанные как у подростка, гладила влажную спину, запинаясь пальцами на закрытых разъемах системы жизнеобеспечения, чувствовала его прерывистое, горячее дыхание у себя на шее и это было хорошо. Тойво, сам не веря своему счастью, пытался быть настолько нежным, насколько это было возможно для такого как он; и это было очень хорошо.

Брохус поглотил взрыв ее отчаяния, спрятал от горя за теплыми струями воды. И пока он любил ее, Виша не чувствовала себя, не помнила о себе, и не было в те минуты ни боли, ни печали.

Когда Виша вернулась в реальный мир, то оказалось, что вода в душе уже выключена, а сама она, закутанная в огромное пушистое полотенце, сидит в низком круглом кресле, и больше никого, кроме нее, в ванной комнате нет. Девушка еще немного посидела, потом встала, оделась, расчесала почти сухие волосы, заблестевшие молодым серебром, и отправилась искать кухню. Ей было одновременно легко и как-то не по себе — она не любила новых мужчин уже целый год, с тех самых пор, как стала ученицей Джесхета Ломара и поселилась в его доме, к тому же с брохусами у нее до сегодняшнего дня тоже не получалось. Конечно, можно было принять случившееся как акт милосердия… или как терапию… или вообще решить для себя, что Тойво так и не проснулся и она была его предутренним сном.

В кухне за большим столом сидели все те, кого Виша видела спящими вповалку на полу спальни. На черной стеклянной столешнице тускло светились фарфоровые чашки, судя по рисунку, достойные любой музейной коллекции, голограмма окна демонстрировала чистое синее небо и стайку резвящихся бабочек, которые по прихоти программы иногда превращались в пестрых рыбок. Из недр холодильного шкафа вынырнул Тойво.

— Увы, — он поежился, закрывая шкаф, — пусто. Я же только вчера с вахты.

— Ничего, не стоит беспокойства, — подал голос один из эльфов, не знакомый Више Иво, а другой, любитель спать голышом. — Это утро не так уж и нуждается в еде.

— Скорее в выпивке… — усмехнулся его собрат.

— Не надо… — с чувством попросила Виша, усаживаясь в легкое кресло. — Шиповничка бы…

— Пожалуйста, — брохус достал из шкафа плотно закрытую стеклянную банку, в которой краснели чуть сморщенные сухие ягоды. — Сама заваришь или тебе помочь?

— Помочь. Не ровен час, ошпарю кого-нибудь.

Потом они все молча пили шиповниковый отвар, рассматривая кто чашки, кто птице-рыбок, кто соседей по столу. Первым не выдержал флюгер.

— Я надеюсь, все достаточно пришли в себя, чтобы обсудить наш заказ, как говаривал мой папаша, когда переключал меня с коммуникаторных игрушек на управление флюгером.

— Какой заказ? — переспросила Виша, отрываясь от чашки.

— Наш, общий. Пока вы там развлекались, кто во что горазд, я обсудил все условия и принял задаток.

На флюгера уставились четыре пары удивленных глаз.

— Это ты о чем, Альх? — первой спросила Виша.

— Что, неужели совсем ничего не помните?! — в глазах флюгера промелькнуло что-то, похожее на зависть. — Хотя она предупредила меня, что переговорила со всеми вами, но после такого разгула некоторые провалы в памяти вполне возможны.

— То есть ты хочешь сказать, что вчера мы заключили с кем-то некий договор, а потом напились до перерыва в жизнеописании и теперь совсем ничего не помним? — недоверчиво спросил Иво.

— Ну хоть что-то вы должны помнить, — не менее недоверчиво ответил флюгер. — Договаривалась с нами молодая женщина, я вот только имя ее никак не могу вспомнить… с короткими светлыми волосами, одета в темно-зеленое платье… Она подошла ко мне сразу после того, как ты, Виша, вылила на себя воду, которую тебе предложил Бриарей, вид у тебя, надо сказать, был еще тот, даже у Гиеса глаза повылезали. Пока ты там зажигала в мокрой белой блузке, сквозь которую…

— Хватит! — Виша показала альх-Хазреду кулак. — Я поняла.

— Так вот, она подсела ко мне, представилась… вот черт, не помню и все тут. Сказала, кого берет в команду. Назвала всех вас, поименно… похоже, она много что про нас знает. Мне так показалось, что больше чем мы сами. А потом озвучила заказ.

— Мне ее платье показалось черным… — Виша поставила на стол чашку. — Я ее помню.

Она несколько растерянно оглядела собравшихся. Рассказывать им о том, что произошло в дамской комнате, не стоило. К тому же, это касалось только ее.

— И я помню. — Отозвался второй эльф. — Правда, я был уже настолько… не в себе, что принял как должное, что она обратилась ко мне на «ты» и по имени.

— И что она тебе сказала? — невозмутимо поинтересовался флюгер. — С твоего позволения, будем без церемоний, раз уж согласились работать вместе.

— «Ика, тебе не стоит так расстраиваться по поводу неслучившегося назначения. Или тебе мало тридцати лет патрульной службы, семнадцати лет гарнизона и десяти в командовании?»

— Откуда она могла узнать? — Иво чуть не поперхнулся шиповником. — Наши перемещения по службе, твое назначение?.. Она эльф?

— Не думаю. Клыки у нее чересчур выразительны даже для человека. Да и не в клыках дело, всех офицеров соответствующего ранга, имеющих доступ к служебной информации, я знаю. А ее видел в первый раз. — Ика покачал головой. — Но вот что она мне предложила… и как я согласился… не помню. А ты, брат? Совсем ничего?..

— Как сказать… — заметно смутился Иво. — Не совсем.

— Ну и славно, — с облегчением выдохнул альх-Хазред. — Чем больше вы вспомните, тем меньше мне вам растолковывать.

— Боюсь, то, что помню я, тебе мало поможет. — Иво опустил глаза. — Предлагал ей я, а она мне отказала. Сказала, что одного остроухого ей вполне достаточно.

— Ничего себе… — покосился на собрата Ика. — Что-то Бриарей перестарался с твоим «Лиловым экстазом»…

— А ты, Тойво? — флюгер постарался перевести разговор, поскольку для эльфов обсуждение подобных тем было довольно неприятным.

— А я все помню. — Брохус едва заметно улыбнулся. — Хотя она и постаралась приглушить меня, но сделала это так ласково и легко, что я не стал обижаться. Вот только как ее зовут… что-то похожее на название цветка, амарант… ирис…

— Приглушить тебя?! — Виша поежилась, вспомнив недавнюю драку.

— Почему же нет, она, кажется, даже извинилась потом.

— Так что она тебе предложила?

— То же, что и всем остальным. Отправиться в город-призрак, он же Ирем Многодивный, и найти там поющий кристалл. Тот, что в храме Нимы. Задаток она отдала альх-Хазреду, у него же координаты покупателя.

— Кхм… — прокашлялся Ика. — Ничего себе заказ. А каков задаток?

— Примерно столько, сколько стоит моргенштерн, на котором мой отец служит капитаном. А еще второй флюг для вас, полная зарядка обеих энергетических установок и прочие мелочи. Флюг потом можем оставить себе. — Флюгер выразительно поднял брови.

Сидящие за столом переглянулись. Сумма была весьма впечатляюща. Вот так, из обрывков воспоминаний и уверенных слов складывалась вполне определенная картина. Никому прежде не известная женщина, имени которой почему-то они не могли вспомнить, появилась в «Мертвецкой» именно тогда, когда все они были готовы ко встрече с ней. Их выбрали неслучайно, это было ясно как день. Вишу исключили из магистратской школы, и она была свободна как птица, которую пинком выкинули из гнезда, один из эльфов не получил заслуженного повышения по службе, друг разделял его негодование по поводу этой несправедливости, и оба они совсем

не торопились вернуться в регулярные войска, Тойво только что закончил вахту и теперь располагал тремя месяцами отдыха, а альх-Хазред о таком заказе всю жизнь мечтал. Так что нехваткой времени или занятостью отговориться не мог никто. Что касается их способностей, то они были как раз те, что нужно: собирательница, способная передвигаться по Лесу, к тому же ученица Джесхета Ломара, лучшего реликвария в Одайне, эльфы, знающие и ненавидящие Лес с пеленок, брохус-каратель, флюгер… как на подбор. Они смогут добраться до Ирема (если, конечно, он существует), найти редчайшую реликвию (вот только где и как?) и вернуться обратно за вознаграждением, которое, судя по задатку, обещает быть небывало щедрым.

— А… где нас будет ожидать покупатель? — спокойно поинтересовался Иво.

— В Лис-Арден. — Так же спокойно ответил альх-Хазред, как будто покупатель ждал их в соседней комнате.

Они снова переглянулись и на какое-то время замолчали.

— Скажи, альх-Хазред, а ты сможешь вернуть задаток? — не поднимая взгляда от стеклянной столешницы, спросила Виша.

— Я его и не брал пока что. Код активации флюга у меня, доступ к зарядникам тоже, а все остальное… она сказала, обратитесь в банк цвергов, будто у нас другие есть… В одайнское отделение. Назовите свои имена. И все.

— Перед флюгом не устоял, да? — усмехнулся Тойво.

— Не устоял, — обезоруживающе улыбнулся альх-Хазред.

— Я не пойду. — Виша встала из-за стола, отошла к окну. — Даже за такие деньги я не согласна на преждевременную смерть.

— Пожалуй, — Ика покачал головой. — Я не помню своего

соглашения, но слова отказа произношу при свидетелях. Я не пойду.

— Я тоже. — Коротко сказал Иво.

— Знаешь, альх-Хазред, если бы не Ирем, я, возможно, подумал бы, что нашел, чем заняться на каникулах. Но это слишком даже для меня, — развел руками брохус. — Она неплохо все рассчитала, ей не откажешь в умении собрать команду и заинтересовать ее, но идти в Ирем — это чересчур. Такого не делал никто и никогда.

— Ошибаешься, друг мой, — не без удовольствия заметил флюгер, — делали. Мой предок, капитан ар-Раби…

— Альх, — прервала флюгера Виша, — я наслышана про твоего знаменитого предка. Но только когда это было?! Извини, но истории такой давности больше похожи на сказку, где главный герой — не то пират, не то проводник…

— Он был охотником за дарами оазисов. Умел найти нечто очень ценное там, где искать будет только безумец. И выжить при этом ухитрялся.

— И тебе не дают покоя его лавры. — Съязвила Виша. — Нет уж, я отказываюсь от такого приключения.

— Я понял, — склонил голову флюгер, подняв руки ладонями от себя. — Все отказываются. Что ж… нет, значит, нет. Как говорил я моему отцу, отрываясь от игры, это слишком тяжелый квест.

В молчании они допили шиповниковый отвар; первыми, церемонно раскланявшись, ушли эльфы. Потом альх-Хазред заторопился проведать свой драгоценный флюг. Вслед за ним засобиралась и Виша, все больше смущавшаяся оставаться с брохусом вдвоем.

— И куда ты теперь? — спросил Тойво, подавая девушке плащ, на удивление чистый. — От приключения отказалась, из школы ушла, в Лесу была совсем недавно…

— В Лис-Арден, — ответила Виша. — Если наш ректор думает, что его школка единственная во всем мире, то мой долг — указать ему на ошибку.

— У эльфов нет высших школ, во всяком случае, не для людей.

— Зато у них есть учителя. Я училась по книгам профессора Эредиа, и профессор Ломар отзывался о нем весьма уважительно. Деньги у меня есть, а платные уроки еще никто не отменял.

— Ты уверена, что Эредиа согласится? Говорят, он затворник, ни с кем не общается, никого не принимает.

— Меня примет. — Виша старалась быть уверенной.

— Удачи тебе… — Брохус чуть помедлил и спросил: Может,

увидимся в Лис-Арден? Я собирался проведать там своих друзей…

— Ну… тогда дай знать, когда приедешь. Буду рада. — Виша привстала на цыпочки, поцеловала брохуса в щеку и сжала пальцами его плечо. — Спасибо, Тойво.

— Всегда пожалуйста, Виша. — И Тойво слегка поклонился и закрыл за ней дверь.

Спустя пару часов Виша сидела в любимом кресле своего брата Дня и с увлечением обсуждала недавние события с Альх-Хазредом.

— А потом я пошла в «Мертвецкую», напилась, устроила там какую-то оргию, если ты не привираешь. Очнулась в постели брохуса-карателя, занималась с ним любовью в душе, потом мы пили шиповник всей странной компанией, и я вернулась домой, к братьям. Вот, сижу в любимом кресле Дня. А что делать дальше, не знаю.

— Альх-Хазред никогда не привирает, красавица. И что тебе делать, ты прекрасно знаешь, ясноликая.

— Если ты будешь говорить, как шаммахит из дурацких анекдотов, вырублю коммуникатор. — Виша стукнула кулаком по столу.

— Не вырубишь. Не маме же про любовь в душе рассказывать будешь.

— Точно. Так ты думал, я действительно в Лис-Арден отправлюсь? На поклон к остроухим?

— А почему бы и нет? Знаний у тебя достаточно, денег тоже, наклоняешься ты вполне изящно…

— Встречу — убью… — но вопреки грозным словам, Виша засмеялась.

— Ничего, как-нибудь переживу, — засмеялся шаммахит в ответ. — Лис-Арден удивительный город, Виша. Моргенштерны летают туда каждый десятый день. Так что если ты не пробираешься, то вполне успеешь на завтрашний. Он называется «Облачный сон» и командует им мой отец. И я буду за тебя совершенно спокоен.

— Спасибо, Альх. — Виша улыбнулась. — Слушаю и повинуюсь.

* * *

— Я ничего не понимаю!!! Я же все продумала, все предусмотрела!..

Вне себя от раздражения, она почти бегала по комнате, от

окна к стене и обратно.

— Угомонись. Где твое божественное спокойствие? — он сидел на широком подоконнике, свесив ноги в сад.

— Плевать я на него хотела! — она схватила первое, что попалось под руку (к счастью, это оказалось только яблоко из стоящей на столе корзины) и, что есть сил, запустила его в окно. Сидящий пригнулся и засмеялся.

— Они просто идеальны для нашего замысла! Они… они просто не могли отказаться, не могли!

— Именно, что могли. Ты учла все — их таланты и характеры, личные обстоятельства, даже слабости. Кроме одного — ты забыла, что они совершенно необязательно захотят просоответствовать твоему замыслу. Мы не можем знать, что взбредет им в головы.

— Но я предложила им такую возможность проявить себя… и не задаром, между прочим! — Она подошла и присела рядом с ним на краешек подоконника. Из сада тянуло вечерней прохладой, ветер укладывался на ночь где-то в зарослях начинающего отцветать жасмина.

— Вообще-то ты предложила им пойти туда-не знаю куда с совершенно самоубийственной миссией, — усмехнулся он. — Задаром это было бы как-то неприлично. Неудивительно, что они отказались. Я бы тоже отказался.

— Ты соглашался и на более самоубийственные миссии. — Она несильно дернула его за длинную светлую прядь волос.

— О, у меня были совсем другие мотивы. — Он притянул ее к себе и поцеловал. — Ты умница. Они действительно идеальны для нашего замысла. И то, что ты нашла их — уже большая удача. Теперь нужно, чтобы они сами захотели стать нашим замыслом. И никаких бесплатных флюгов и фантастических вознаграждений! Аттракцион небывалой щедрости закончился. Чем скупее помощь богов, тем больше ее ценят.

— Что, они захотят за здорово живешь лететь в несуществующий для них город? — Недоверчиво покачала она головой. — Через леса нашего потерявшего разумение собрата?

— Захотят. Уж слишком торопливо они разбежались. А значит — очень скоро им снова придется встретиться… Эта девочка так похожа на тебя… уж она-то не даст им спокойной жизни.

Глава третья. Безупречный город

Летательные аппараты, похожие на огромные веретена с прикрепленными к ним многопалубными корпусами, были изобретены уроженцем Краглы, инженером Оле Моргенштерном незадолго до падения Ирема. К тому времени, когда земли восточнее Безымянного хребта оказались потерянными для людей, стало очевидным, что именно воздухоплавание — наиболее безопасный способ передвижения. Наземные дороги, равно как и реки слишком часто подвергались нападениям Леса, да и сохранность их оставляла желать лучшего: что толку укладывать дорожное полотно, когда корни растений разрушали его в несколько дней. Поэтому сначала махины моргенштерны, а затем, как только появились компактные энергетические установки, и небольшие флюги стали главным транспортом, сохраняющим связь между городами западных земель.

«Облачный сон» был моргенштерном последнего поколения, его воздушная капсула была сделана из шелкового пластика и защищалась оболочкой из металла с измененной кристаллической решеткой, прочного и гибкого. Между капсулой и оболочкой проходили лестницы и подъемники для обслуживающих техников, крепились запасные топливные баки. По обе стороны капсулы крепились на изогнутых балках кабины пилотов, стены кабин меняли степень прозрачности в зависимости от интенсивности светового потока. Под брюхом наполненного воздухом веретена располагались палубы: верхняя, закрытая для пассажиров (там находилась основная энергетическая установка), прогулочная, палуба первого класса, палуба развлечений, второго класса, третьего, и, наконец, складская.

Полет от Одайна до Лис-Арден на моргенштерне длился чуть более суток. Конечно, при необходимости можно было разогнать летающий отель и побыстрее, но к подобным полетам давно относились как к развлечению, так что спешка не приветствовалась. На моргенштерне было все, необходимое для легкого времяпрепровождения — рестораны, бары, несколько танцевальных залов, бассейн, небольшой театр, открытая палуба для прогулок в небе. И роскошные каюты, разумеется. Для тех, чьи кошельки могли пережить подобное опустошение. Впрочем, каюты попроще тоже отличались комфортом.

Виша убедилась в этом лично. В последний раз она летала на моргенштерне пару лет назад, из Одайна в Арзахель и обратно, на каникулы. Тогда она не думала о необходимости экономить

деньги, чтобы хватило на оплату уроков эльфийского светила науки, и заняла каюту в средней части пассажирской палубы первого класса, с витражным иллюминатором во всю стену и ванной размером с небольшой пруд. В этот раз Виша решила быть поскромнее, но каюта на палубе второго класса оказалось вполне уютной.

Девушка дождалась, пока корабль поднимется и ляжет на установленный курс, затем вышла в длинный коридор, нашла винтовую лестницу, ведущую на верхние палубы и поднялась до открытой, прогулочной. Моргенштерн был заполнен не более чем наполовину, поэтому открытая палуба выглядела не как оживленный променад, а скорее как улица в час поздних сумерек, когда прогуливающиеся проплывают мимо тебя как немногочисленные тени. Виша подошла к ограждению, облокотилась о перила. Внизу проплывали земли Одайна. Сам город уже остался позади — Одайн и в прежние времена не был велик, теперь же о расширении своих территорий люди и не мечтали. Ровные зеленые квадраты ферм сменялись бурыми проплешинами, заросшими мусорными растениями. Они вырастали на землях, отравленных войной, и были печальным напоминанием, что ни одна из сторон в итоге не получит от войны ничего хорошего. Для Леса мусорные растения были бесполезны — они были немы и бессмысленны, и голоса их не вливались в единый хор лиственношумящих. Людям от них тоже толку не было — бурые, рыжеватые кустарники и трава цвета старого кирпича не годились ни в пищу, ни в производство, вообще никуда. Даже дышать на мусорных пустошах было тяжело, не в пример опушке Леса или той же ферме. А между тем земли, занятые сорняками, было очень трудно вновь вернуть под другие растения; мусорное разнотравье цепко держалось за жизнь.

Мусорные пустоши сменились зеленым, ровно дышащим покрывалом Леса, уже слегка тронутым желтизной. Виша смотрела на Лес с высоты птичьего полета и вспоминала, какой была ее последняя вылазка. Все прошло удачно, особенно если учесть время — почти ночь, и место — болото. Лучшая клюква росла на болоте, а какой был смысл рисковать жизнью из-за нелучшей?! Виша тогда быстро добралась до Мхов, стараясь как можно легче ступать, по упругим кочкам практически долетела до клюквенных кустиков, устилавших влажную землю, и принялась за работу. Пальцы, затянутые в эльфийские перчатки, уверенно брали ягоду — созревшие темно-красные бусины легко отделялись от веточек, безболезненно и безропотно ложась в легкие пластиковые контейнеры. Даже в густой осенней темноте Виша видела как поблескивают их тугие бока. Она заполняла

последний, как вдруг ее слух задел звук, совершенно неуместный для Леса. Это был детский голос.

— Она же кислая?!.. — вопрос прозвучал прямо над ее ухом.

Не спеша, Виша повернула голову и увидела мальчика лет восьми, такого светловолосого, что волосы его светились, будто впитав сияние луны. Крепко усвоенные под суровым руководством брохусов техники не позволили Више даже тени эмоций — этим она бы выдала себя. Вместо этого девушка — здесь и сейчас сова — трезво оценила опасность пришельца — ничтожную, значимость его для себя — невеликую, и отвернулась. Пальцы ее ни на миг не прекращали обирать ягоды.

— Я тебе мешаю? Извини. — И вместо того, чтобы отойти и не мешать, мальчик подошел еще ближе. — Только ведь они такие кислые… — Судя по всему, этот вопрос занимал его не на шутку. — Как ты будешь есть такую гадость?!

Это все газ. Болотный газ. Так решила про себя Виша. Прячась за сознанием Уху, она пыталась понять, откуда возникло это видение, и нашла единственный возможный ответ.

— Видно, ты и впрямь занята.

Виша медленно подняла голову. Мальчик стоял совсем рядом. Перехватив ее взгляд, он приветливо улыбнулся и у девушки перехватило дыхание — в лунном свете блеснули клыки, белоснежные и острые.

— Ты здорово прячешься. — С уважением сказал незваный гость. — Вот только сейчас выглянула. Но здесь тебе лучше так не делать… конечно, я смогу тебя защитить, но придется потом маме объяснять, и вообще… — сейчас он выглядел и говорил как самый обыкновенный мальчишка, удравший гулять не вовремя. — Так что ты уходи отсюда, ладно?

Виша еле заметно кивнула. С таким советом не поспоришь. Она тщательно застегнула заплечную сумку, перебросила ее через плечо, с удовольствием ощущая тяжесть заполненных контейнеров. Медленно, словно потягиваясь, девушка встала.

— Так и быть, я тебя провожу. — Мальчишка решил быть великодушным. — Иди за мной.

Стоило ему сделать шаг в сторону, как под его ногами слабо засветилась тропа, которой до этого не было, Виша могла бы в этом поклясться. Точно, это все болотный газ, надышалась, пока брала ягоду, подумала она, ступая след в след за мальчиком, который шел впереди, ведя за собой нездешний свет. Почему-то у нее не возникло ни малейшего сомнения, та ли это тропа и туда ли она ведет. Ей показалось, что шли они совсем недолго, как Лес закончился, отступило опушечное редколесье.

— Ну вот, пришли. Здесь ты уже в безопасности. — Мальчик

остановился, повернулся к Више. — Счастливо оставаться. И все-таки как ты будешь есть эту кислятину?

— Посыплю сахаром, — будто во сне, с трудом разлепив губы, ответила девушка.

— Вот как… Тогда тебе придется вывалить на горстку ягод всю сахарницу целиком, — мальчишка весело засмеялся, демонстрируя клыки. Продолжая хохотать, он поднялся над землей. Виша, решив что болотный газ и не такое может вызвать, спокойно следила за тем, как смеющееся видение растаяло в ночном воздухе.

Виша собиралась рассказать об этом Джесхету, но не пришлось. Так и остался этот забавный эпизод в ее памяти. Она понимала, что дешево отделалась тогда — ведь могла бы и не дойти до опушки, одурманенная болотным газом, или, что еще хуже, потерять контроль над собой. Но она слишком привыкла к опасности, и не считала ее достойной особого внимания.

День на моргенштерне прошел легко и приятно. Виша нагулялась на свежем воздухе, с аппетитом поела, заглянула в театр и честно продремала небольшую пьесу. На танцпол ее не тянуло. Поэтому спать она отправилась рано, надеясь уже утром увидеть безупречный город Лис-Арден.

Когда-то, давным-давно, в незапамятные времена, первый Лис-Арден строили лесные эльфы, подданные четырех Королей. Строили вокруг большого озера, не тревожа деревьев, сплетали легкие мосты, возводили галереи вокруг стволов вековых сосен. Город был соединен с лесом как вышивка с тканью. Когда начались первые войны с детьми Калима, эльфы пытались понять нападавших, несколько десятков их сгинуло в паломничествах в пределы Нильгау. Когда люди потеряли все свои земли восточнее Безымянного хребта, все города поспешили избавиться от растений в своих стенах — но не Лис-Арден. Эльфы доверяли своим возлюбленным друзьям. Ни одно дерево не было срублено в их городе. И, надо сказать, до дня Падения ни одного нападения растений в пределах Лис-Арден не было. Но никто не мог предположить, что корни всех деревьев города соединял паучий вьюн — растение-паразит, постепенно отравлявшее их сознание, подчинявшее его воле Леса.

Первыми на город эльфов напали симбиоты. До этого их существование не было доказанным; немногочисленные рассказы слишком отдавали страшной сказкой, ветеранской байкой, рассчитанной на то, чтобы как следует попугать новобранцев перед первым рейдом в Лес. Говорили, что попавших в плен эльфов растения не убивают, но успешно ассимилируют в своих телах. Эльфы более других населяющих Обитаемый Мир рас были

чувствительны к голосам Леса. Тем легче они ему подчинялись.

Первая война эльфов и Леса оказалась недолгой. Против остроухих Лес применил все, что было у него в арсенале: и грубую силу деревьев, и ядовитую пыльцу, от которой перехватывало дыхание, и семена-снаряды. И симбиотов, похожих на те же деревья, но пугающе антропоморфных, с лицами, выглядывающими из складок коры, способных передвигаться быстро и легко. Эльфы оказались тем более уязвимы, чем больше нетронутых растений оставалось в Лис-Арден; все они напали разом, подчиняясь приказам своего бога. Всего за неделю эльфы, попавшие в кольцо осады, вынужденные обороняться во всех направлениях, как раса были практически истреблены, однако сохранить за собой земли им удалось — разумеется, недешево. Его величество Огня, последний из эльфийских королей, оставшийся в живых, в отличие от своих собратьев не слишком доверял технике и не забыл о той магии, что еще оставалась в крови потомков альвов. Он сумел пробудить древнейший артефакт, более тысячи лет хранящийся в святилище Огня — слиток солнца. Силы, накопленной живущим в янтаре светом, оказалось достаточно, чтобы выжечь все живое в пределах Лис-Арден и на несколько миль вокруг. Эльфы, успевшие укрыться в редких каменных строениях, под землей или у воды уцелели; все остальные были обречены. Спустя несколько часов после огненной бури на месте лесного города осталось серое, страшное пепелище: огромный котлован на месте озера, черная пережженная земля, присыпанные пеплом обугленные останки армии Леса… Его величество Огня умер, отдав ритуалу все свои силы; его похоронили вместе с опустошенным, расколовшимся на две части слитком солнца. Ни королей, ни королев у эльфов больше не было; власть взял на себя военный совет.

Вопреки ужасу, который вызывали изувеченные земли, эльфы не оставили их. Утратив почти все, они ожесточились. В их сердцах угасла любовь ко всему живому, и тот свет, что оставался в них как наследие альвов, истаял безвозвратно. После дня Огненной Купели главным делом эльфов стала война.

Свой единственный город, Лис-Арден, эльфы отстроили заново — на той же земле. Прежний Лис-Арден остался в славном прошлом, как сказка, в которую никто уже не верит, но новый — стал воплощением гордого, непреклонного, не знающего сомнений духа вымирающей расы. Безупречный город.

Котлован, оставшийся на месте высохшего озера, углубили и использовали для устройства подземных плантаций — увы, эльфы не могли полностью отказаться от растительной пищи, ибо от нее зависело их долголетие, но и зависеть от поставщиков

продовольствия они не хотели. Работа на полях под искусственными солнцами была крайне неуважаемой и трудились там в основном наемники-люди, либо эльфы, на которых было наложено дисциплинарное взыскание. У этой огромной подземной фермы была своя, не самая скучная история. Дети Леса не раз нападали на нее, изыскивая все новые и новые способы, от микроскопической пыльцы, проникающей по воздуховодам, до движущихся корней, вызывающих опасную вибрацию почвы.

На месте бывшего озера располагался мемориальный парк: в центре его располагалось подобие водоема, устроенное в виде неглубокой круглой чаши, заполненной жидким черным стеклом. Края чаши, облицованные темно-красным ониксом, располагались вровень с землей, а величина ее была такова, что стоящие диаметрально противоположно люди казались друг другу не больше лесной белки. В идеально ровной, спокойной поверхности черного стекла никогда и ничего не отражалось.

От водоема расходились радиальные дорожки, вымощенные тем же ониксом. По сторонам от них были установлены молочно-белые плиты из полированного до зеркального блеска подгорного камня — за их изготовление гномы не взяли с эльфов ни единой монеты, хотя потрудиться им пришлось немало. Подгорный камень, способный светиться в темноте и всегда теплый на ощупь, труден в обработке, зато отполированный по всем правилам, он отталкивает от себя любую грязь, воду или пыль, и всегда остается чистым и сияющим. Эти плиты были напоминанием о тех, кто навсегда остался в прошлом, горя и не сгорая в Огненной Купели. На белых светящихся поверхностях гномьими резцами были выведены имена — воинов, их прекрасных дам и целых кланов.

Сам город располагался концентрическими кольцами, расходящимися как круги по воде от центра — черного стеклянного озера. Все здания в кольце были одной высоты, и чем дальше от центра было кольцо, тем выше были составляющие его строения. Концентрические круги были прорезаны широкими прямыми улицами. Целый район Лис-Арден занимали здания военной академии: казармы, тренировочные комплексы, исследовательские институты и лаборатории, склады, информационные центры — некоторые из них были связаны открытыми галереями или подземными переходами, сообщение с отдаленными обеспечивали флюги; это стальное кольцо располагалось в середине города. Жилые кварталы высились ближе к окраине, центр был отдан науке, управлению и памяти.

От всех других выживших городов Лис-Арден отличался еще

и отсутствием общего для остальных элемента архитектуры: здесь не было башни брохусов. Башни — сторожевого поста, легко узнаваемой и привычной. Эльфы подобных ухищрений не признавали.

Вокруг города простирались мертвые земли — даже не мусорные пустоши. Земля здесь была слишком ядовита даже для неприхотливых ржавых растений; в этом районе были выстроены ангары для военной техники, боевых флюгов, арсеналы, химические заводы. Далее брало свое мусорное разнотравье; тут располагались испытательные и учебные полигоны.

Этот город поражал воображение. Лис-Арден вырастал на выжженных войной пустошах как остановленный взрыв. Здания, выстроенные из камня, многослойного стекла и стали, стояли ровно и невозмутимо, как солдаты на параде. Ничего лишнего, триумф функциональности и долга. Сердцем города было кладбище — то, что иные города прятали, отодвигали на окраину, Лис-Арден сделал своим смыслом. Город был подобен идеальному чертежу — выверен, отточен, лаконичен… и прекрасен. И если кому-нибудь из эльфов могло прийти в голову такое кощунственное сравнение, то если прежний Лис-Арден был как живой летний лес, то нынешний был лесом зимним, опутывающим пространство черными четкими линиями, страшным в своей безупречности.

Виша Вельда наблюдала панораму эльфийского города второй раз, но дух захватывало как в первый. Близился вечер, и постепенно все ярче становился свет, заливающий улицы, зажглись сигнальные огни на крышах высоких зданий внешнего кольца. К одному из них и пришвартовался моргенштерн. Лифт доставил его пассажиров внутрь здания, в центральный зал воздушного вокзала, откуда можно было попасть в город.

Затерявшись в толпе, Виша позволила ей нести себя, не задумываясь. Она пришла в себя, стоя у огромного окна — в руках дорожная сумка, за плечами рюкзак со всем собирательским добром, на плече проснувшаяся Уху. Сова с достоинством взирала по сторонам, не обращая внимания на любопытные взгляды. Постояв с минуту, Виша решила, что неплохо бы выпить чего-нибудь для храбрости. Интуиция подсказала ей, что вокзал вряд ли может обойтись без бара; вскоре она сидела у стойки, и вежливый эльф-бармен наливал ей блестящий, пахнущий озоном напиток. Пара глотков немного ослабила напряжение и Виша спросила эльфа:

— Простите за беспокойство, вам, наверно, такие вопросы ужасно надоели… но я здесь не на экскурсию. Я приехала учиться. Вы не подскажете, где я могу остановиться — так, чтобы

надолго?

— Надеюсь, ты не стал бы рекомендовать ей трущобы за городским кольцом?

Эльф, неслышно севший рядом с девушкой, не дал бармену и рта раскрыть. Виша обернулась.

— О, вот это неожиданность! — и немного неуверенно добавила: — Привет.

— Привет, Виша. Вряд ли я ошибся — не так много девушек с совой на плече и приметной татуировкой собирателя на руках сошло с «Облачного сна». Но для порядка уточню — ты Виша из дома Вельда?

— Я. Как я догадываюсь, нашей встрече я обязана альх-Хазреду?

— Верно. Он просил меня встретить тебя и помочь найти жилье. Лис-Арден большой город, а ты… — эльф не договорил и улыбнулся. Он был непохож на знакомых Више эльфов — коротко стриженный, одетый не в военную форму, а в темно-зеленый комбинезон с черными нашивками на рукавах, и совсем не строгий. Лицо его, подвижное и невозможно обаятельное, вызывало желание немедленно улыбнуться в ответ.

— Ну да, куда уж мне. Потеряюсь и буду под дождем плакать.

— Вполне возможно, тебе придется испытать и это. Повторю еще раз, Лис-Арден — большой город, это тебе не Одайн. Давай допивай и пошли, время позднее, а путь неблизкий.

— Слушай, с чего ты взял, что я вообще с тобой куда-то пойду? Я даже не знаю как тебя зовут!

— Правда? Неужели Альх ничего тебе не рассказывал о своих друзьях в Лис-Арден? Про тебя он рассказывал, и немало… — и эльф выразительно приподнял брови. — Можно?

И, не дожидаясь разрешения, он взял девушку за руку и развернул ее к себе тыльной стороной. Держа ее ладонь в своей, он провел длинными чуткими пальцами по завиткам красно-желтого узора.

— Впечатляет. Альх не врал… даже странно.

Тут он развернул ее руку, осторожно прикоснулся губами к запястью и, склонив голову, наконец-то представился:

— Я — Сорью из дома Клеис. Рад встрече с тобой, Виша.

Девушка немного опешила от такого обращения, церемонного даже для эльфов. Она даже забыла про то, какой была реакция бармена на появление ее собеседника: тот сначала отстранился, чуть ли не шарахнулся, затем взял себя в руки, но в их сторону старался не смотреть. Она отодвинула в сторону недопитый бокал, встала, вскинула на плечо рюкзак.

— Позволишь? — и эльф взял ее сумку. — Идем, мой флюг у

западного выхода.

Они вышли из огромного зала, заполненного прилетающими и улетающими пассажирами моргенштернов; выйдя на улицу, Виша со свистом втянула в себя воздух — она и забыла, каким может быть воздух Лис-Арден. Чуть горьковатым, чересчур свежим, всегда холодным — и все из-за добавок, производимых стоящими по периметру города обогатителями. Вокруг Лис-Арден не было лесов, поэтому, чтобы сделать воздух более пригодным для дыхания, было решено не разводить фермерские хозяйства, а вбрасывать в пустой воздух все недостающие вещества, производимые искусственно.

— Что, вспомнила, как оно бывает? — Сорью открыл дверь флюга, забросил сумку на заднее сидение, и жестом пригласил Вишу садиться.

— Как спирт для привыкшего к вину. — Ответила Виша, снимая рюкзак и усаживаясь, устраивая Уху на коленях.

Сорью сел в кресло пилота, закрыл дверцу, натянул управляющие перчатки. Его флюг поднялся в воздух, вывернув ребром гибкие металлические крылья, делающие его похожим на хищную птицу, и полетел. Эльф вел флюг легко, не без изящного хулиганства; в окно Виша успевала разглядеть улицы, похожие на движущиеся ленты в механизме, фасады домов, уловила краем взгляда огромную арену, на которой скрещивались и вспыхивали лазерные лучи, округлые бока других флюгов. Наконец, Сорью посадил свой флюг во внутреннем дворе полукруглого здания, расположенного неподалеку от центра Лис-Арден.

— Эй. — Выходить Виша не спешила. — Я же сказала, что не на экскурсию собралась. Мне бы место подешевле. А ты в самый центряк привез. Что это за дворец такой?

— Дешевле не найдешь. Это, как бы помягче выразиться, гауптвахта. Тюрьма.

— Что?! — Виша вытаращила глаза. — Тюрьма?! Посреди города?! Рядом с мемориалом Огненной Купели?! Да ты меня за последнюю дуру держишь!

— Ну-ну, не шуми. Сову свою испугаешь. Что находится под мемориалом, знаешь?

— Плантации ваши замечательные. Можно сказать, место силы.

— А кто на них работает, помнишь?

— Аааааа… — протянула девушка. — А здесь они живут, так сказать, недалеко от места службы.

— Наказания, Виша. Наказания. Во всяком случае, для эльфов. А люди живут вот там, — и Сорью показал на второе полукруглое же здание, расположенное таким образом, что оба

полукружия не соприкасались, а были развернуты одно по часовой стрелке, другое — против. — Я думаю, тебе там будет вполне удобно. Квартиры там небольшие, но удобные, есть балкон для Уху, а мои работники соседи мирные и неопасные.

— Твои… кто? Ты здесь кто, Сорью?

— Я? Цветовод. — И Сорью обезоруживающе улыбнулся. — Я здесь главный цветовод, Виша. Начальник гауптвахты, если говорить официально.

— Ничего себе… — и девушка с уважением оглядела спутника.

«Цветовод» — это была презрительная кличка эльфов, уличенных в снисходительном обращении с растениями, неважно, добровольном или вынужденном, как у тех, кто был наказан работой. Все остроухие, работающие на подземных полях, носили зеленые комбинезоны, не чая от них избавиться, не имели права на металлические украшения для ушей, но в ответ на брошенное в спину «цветовод» могли и ударить. Наемникам-людям было проще — они не заморачивались относительно моральности своего труда, их привлекала его высокая оплата и превосходные условия. Изредка среди них появлялся брохус, чтобы обработать новую партию семян и саженцев, чтобы они дали жизнь бессловесным и безвольным растениям, годным только в пищу.

Работы на подземных полях хватало всем: и техникам, и химикам, и сборщикам. Новых земель эльфы обрабатывать не собирались, поэтому им приходилось выжимать все из этих. Они создавали все новые удобрения и техники выращивания, чтобы каждый эльф каждый день мог получить свою долю растительной клетчатки — нет, это не были овощи в привычном виде, сырые ли, приготовленные ли. Эльфы превращали их в обработанные паром, спрессованные в брикеты порции полезных — да что уж там, жизненно необходимых им веществ. Есть — да, по жестокой необходимости. Но наслаждаться — ни за что.

Виша вышла из флюга, вскинула на спину рюкзак, посадила Уху на плечо и пошла вслед за Сорью. Он привел ее к самому дальнему входу в дом работников-людей. Они поднялись на лифте, как показалось Више, под самую крышу, и вышли.

— Вот твоя квартира, — и Сорью, пройдя по коридору, открыл крайнюю дверь.

Виша вошла и огляделась. Холл, из него арочный вход в комнату, одновременно спальню и гостиную, маленькая кухня в нише, дверь в ванну. Теплый пол, покрытый искусственными циновками, легкая плетеная мебель, подушки и покрывала в коричнево-бежевую клетку.

— Устраивает?

— Спрашиваешь… — Виша поставила на пол рюкзак и повернулась к эльфу. — И как мне тебя благодарить? Ума не приложу. Хотя…

Она наклонилась, открыла рюкзак, пошарила там и вытащила небольшую коробочку из своих, собирательских.

— Что-то мне подсказывает, что для тебя цветовод — это не проклятие. Если это так, то тебе должно понравиться. А если я ошиблась, то прошу прощения. Здесь шиповник. Собирала сама, в августе. Возьмешь?

Сорью протянул руку и взял шиповник. Открыл коробку, высыпал несколько ягод себе на ладонь, покатал, ссыпал обратно.

— Конечно, возьму. Спасибо, Виша. Ну, устраивайся тут. Вот ключи. О квартирной плате поговорим позже, когда ты определишься с работой, и не беспокойся — она здесь невелика, кому такое соседство надо. Номер моего коммуникатора — на столе. Был рад встрече. Пока!

Эльф вышел, притворив дверь. Виша решила разобрать вещи, принять душ и лечь спать, ибо искать на ночь глядя светило эльфийской науки неразумно. Она разулась и прошла в комнату. Огляделась, раздвинула шторы — и застыла. Вид из ее окна впечатлил бы кого угодно. С высоты как ладони были видны полукружие темно-красной ониксовой чаши, ровные дорожки, белые плиты. Квартирка Више досталось что надо — с видом на кладбище. Неплохо для начала, подумала она, нервно сглотнув, и принялась развешивать в стенном шкафу свои вещи.

Утром, выспавшись и приведя себя в порядок, Виша Вельда выбрала самые скромные брюки и рубашку, наскоро выпила заваренный с вечера настой листьев дикой смородины, и спустилась вниз, в общий холл. Первый же встреченный ею охотно сообщил, что информационный центр находится в восточном крыле. Подключив свой коммуникатор к инфокапсуле, девушка вытянула из нее план города, основные транспортные развязки, нашла дом профессора Эредиа — он был расположен на северной окраине квартала военных, в получасе лета от центра города. Решив не затягивать с неопределенностью своего положения, Виша собрала все документы, касающиеся ее познаний в области истории и реликварного дела, и отправилась к эльфийскому профессору-отшельнику.

К дому Эредиа девушка подходила с изрядно увядшей решимостью и почти нескрываемой дрожью в коленках. Серо-черная громада каменного цилиндра, рассеченного зеркальными полосами окон, не то чтобы глядела неприветливо — она вообще Вишу не замечала. Дверь оказалась под стать окнам — черное полированное стекло переливалось волнистой поверхностью,

превращая посетителя в колышущееся чудовище. Выдохнув остатки храбрости в холодный воздух, Виша позвонила. Прошло не больше минуты, дверь бесшумно открылась, пропуская ее в холл, больше похожий на приемный покой военного госпиталя, чем на уютное жилое помещение. Вверх вела широкая винтовая лестница без перил. Виша остановилась посреди холла, не зная, что делать.

Шаги, спускающиеся сверху, заставили ее чуть не пискнуть. Чьи-то подкованные сапоги, ступающие медленно и четко, вызванивали по полированному металлу ступеней подобие марша. Виша подняла голову и с трепетом и нетерпением ждала того, кто спускался.

Вскоре она увидела — сначала высокие серые сапоги, затем полы длинного сюртука цвета графита, а затем и лицо хозяина дома — и вот тут-то Виша не удержалась и тихо ахнула. Потому что всегда считала профессора Эредиа мужчиной, все говорили о нем именно так. А к ней спустилась женщина — очень высокая, худая эльфка, с чертами лица, совершенными в своей заостренности, напоминающими ледяные узоры на стекле. Она была похожа на февральский ветер, свистящий над черной водой.

— Чем обязана столь раннему посещению? — эльфка оглядела Вишу спокойными, ничего не выражающими глазами, переливающимися перламутром морской раковины.

— Доброго утра и простите за беспокойство. — Виша поклонилась так низко, как еще никогда еще не кланялась. — Я прошу чести увидеть профессора Эредиа.

— Только увидеть? — Голос у эльфки был низким, говорила она с едва заметным усилием.

— Не только. — Виша перевела дыхание. В ее голове почему-то крутилась дурацкая мысль: какой краситель, синтетический или травяной, вводила Эредиа в корни волос, что они приобрели такой ярко-синий цвет?

— Хорошо. А я уж было подумала, что превратилась в достопримечательность. Чего ты хочешь от меня?

— Профессор… Я Виша из дома Вельда…

— Я знаю, кто ты. — Эредиа прервала ее жестом пальцев, затянутых в серые перчатки. — Подробности твоего обучения в жалкой магистратской школе меня тоже не интересуют. Чего ты хочешь?

Виша поняла, что либо она высказывается решительно, либо повторяет недавний вылет с треском.

— Я хочу, чтобы вы взяли меня в ученики. Я реликварий.

Эредиа запрокинула голову и рассмеялась: так могла бы закаркать старая ворона, наблюдая за дракой воробьев.

— Я училась у Джесхета Ломара. Он рекомендовал бы меня вам… я в этом уверена.

— Вот как? — В глазах эльфки появился интерес. — А почему не написал рекомендации по всей форме? Был чересчур занят… догадываюсь, чем. Джесхет всегда любил начинающих. А ты?

— Что… я? — растерянно спросила Виша.

— Ты его любила?

— Да. — Виша не опустила глаз. — Любила. И если бы не братья…

— Понятно. Брохусы-утешители. Что ты успела взять от Джесхета, кроме его неосторожной любви? Погоди, не отвечай. Пройдем в сад, экзамены я провожу там.

Сначала Виша подумала, что ослышалась. Сад?! В Лис-Арден? В доме Эредиа? Но послушно зашагала вслед за эльфкой, направившейся вглубь дома. Как оказалось, цилиндр здания оказался полым внутри. Круглый внутренний дворик мог бы быть чудесным местом для вечернего отдыха… Дорожка, выложенная плитами черного камня, скручивалась в спираль, сужаясь к центру. Вдоль нее действительно были высажены растения — деревья, цветы в каменных чашах, кустарники. Все они были еле живыми — у одного огонь сглодал и внешнюю, и внутреннюю кору, обнажив заболонь, у другого ствол был расщеплен надвое, третье плавало в растворе дефолианта. И все были залиты совершенно прозрачным стеклопластиком, позволявшим сохранить растению остатки жизни и наблюдать за его нескончаемыми мучениями. Вишу, привыкшую видеть растения живыми и прекрасными, передернуло.

Профессор Эредиа ступала по спиральной дорожке не спеша, то и дело останавливаясь, чтобы приподнять бессильно обвисший лист, будто подбородок потерявшей сознание жертвы, или заботливо поправить корни, погруженные в кислоту. Она остановилась около молодой, наполовину сожженной сосны, исходящей смолой, присела на камень, скрестив длинные ноги, и жестом пригласила Вишу присесть рядом. Виша опустилась на колени, стараясь держать спину прямо и не горбиться.

— Покажи свои ладони.

Виша положила раскрытые ладони на колени.

— Так… девочка с характером. С твоим опытом идти в ночной Лес — весьма похвально. Какое клеймо ставили мастера Фрихольм?

— Кленовый лист, черенком вниз.

— Джесхет говорил, что твое прилежание оставляло желать много лучшего. Перечисли кланы, претендовавшие на императорский престол после мятежа Шой Де.

Виша с трудом перевела дыхание, сглотнула.

— И он, в кои-то веки, был прав. — Эльфка не смотрела на Вишу, глаза ее были полуприкрыты тяжелыми веками. — Какой стиль господствовал в литературе Арзахеля в период расцвета торговых городов?

— Барокко. — Виша выпалила ответ так, словно от этого зависела ее жизнь.

— Основные черты?

— Вычурность и избыточная пышность форм, перегруженность деталями, усложненность композиции, наслоение смыслов…

— Достаточно. Какая династия наследовала королю Огма?

— Морганы-ап-Керриг…

— Драго-ап-Крайт. — Эредиа приоткрыла глаза и бросила на девушку насмешливый взгляд. — Старшие орочьи руны… назови первую, шестую и последнюю.

— Эээ… Феху… Совуло… Дагаз… или Отила. Не помню.

— Виша из дома Вельда. Ты пришла проситься ко мне в ученики, не зная алфавита. — Профессор Эредиа смотрела на девушку не без интереса. — Все-таки люди — удивительная раса.

Она встала, протянула руку, похлопала по обугленному стволу; Више показалось, что сосна вскрикнула, не сдержавшись от боли. По стволу потекли свежие капли смолы.

— Я беру тебя, Виша. Но, поскольку успехи твои более чем скромны даже для магистратской школки, плата за мои уроки будет втрое больше обычного. Триста экв за час.

— Благодарю вас за честь. Я согласна. — И Виша, вскочив, поклонилась эльфке.

Пока она шла вслед за хозяйкой дома к выходу, в голове ее пронесся вихрь панических мыслей. Триста экв… мамочки мои… даже с моим заработком собирателя я смогу проучиться не больше месяца. Что ж делать-то?!

— Неподалеку от места, где ты живешь, есть довольно высокооплачиваемая работа, — отвечая на невысказанный вопрос, бросила через плечо эльфка. — Для тебя она не зазорна. Только когда будешь приходить ко мне на занятия, переодевай их форменный комбинезон… у меня в соседях — военные химики, а они довольно задиристы. Цветоводов изводят при любом удобном случае.

Виша, не рассуждая, кивнула. Совет был хорош, поскольку другой работы в Лис-Арден она вряд ли бы нашла.

— Не вздумай являться раньше, чем через месяц. Тебе необходимо восполнить пробелы в начальном образовании, привыкнуть к постоянной работе и научиться жить в Лис-Арден.

После этих слов дверь за спиной Виши закрылась.

Вернувшись домой, девушка первым делом залезла в душ, смыть липкий холодный пот, потом, завернувшись в полотенце, набрала в коммуникаторе номер, оставленный Сорью.

— Доброго дня. — Виша поздоровалась и откашлялась. — Сорью, не найдется ли у тебя работы для собирателя моего уровня?

— И тебе доброго. Уроки эльфов дорого стоят… убедилась?

— Ага. Так как насчет работы?

— Будет тебе работа. Приходи через час в «Шестеренку», это через два квартала от наших домов, пообедаем вместе и все обсудим. Увидимся.

Виша отложила коммуникатор в сторону (перед этим она отправила короткое сообщение братьям, которое состояло наполовину из проклятий в адрес алчных эльфов), сбросила полотенце и подошла к окну. Черное жидкое стекло, белые могильные плиты, освещенные мягким осенним солнцем, тонкое фарфоровое небо. Виша вздохнула — что ж, по крайней мере глазеть в окно вместо учения уроков ей не грозит.

«Шестеренка» оказалась вполне уютным заведением для этого города, не стремящимся запугать посетителя и напрочь отбить у него аппетит. Сорью ждал Вишу за столиком в стенной нише, потягивая какой-то пузырящийся напиток. Когда она присела, он улыбнулся ей как старой знакомой.

— Как тебе здесь?

— Неплохо. А чем здесь кормят?

— Тем же, чем и везде. Рыбные лепешки, мясо, сырные хлебцы… вот только растительная пища здесь особая, придется тебе привыкать. И никакого алкоголя, увы.

— Теперь понятно, почему эльфы так надираются у нас.

— Ну надо же иногда отдыхать. Что будешь есть?

— Не важно, что порекомендуешь. Сорью, так что там насчет работы?

— Не спеши и не переживай. Сначала поешь. Что-то ты бледная…

Пришлось Више, торопясь и не вникая во вкус, прожевать тарелку каких-то водорослей с рыбными стружками.

— Теперь ты доволен? — она отодвинула тарелку и отхлебнула того же сильно газированного напитка. Обычной воды, как оказалось.

— Теперь да. Виша, через две недели у меня уезжает один из ухаживающих за саженцами. Заработал на свадьбу и был таков. Хочешь занять его место?

— Конечно, хочу. Я все-таки на ферме росла, так что кое-что

умею. Тебе не придется за меня краснеть.

— Знаю, потому и предложил тебе эту работу. У меня есть еще пара вакансий техников, туда я тебя и на пушечный выстрел не подпущу. — И эльф засмеялся. — А теперь я тебя прогоню, у меня много дел. Да и у тебя тоже. Если ты не против, могу зайти к тебе вечером, прогуляемся по городу.

— Почту за честь, — Виша встала, улыбнулась и протянула эльфу руку.

Через несколько минут после того, как она вышла, за столик Сорью сел до сих пор стоявший у стойки эльф. Он был статен и высок — даже более чем все эльфы, волосы его были по старинной моде заплетены на висках и сколоты пряжкой на затылке. Даже темно-зеленый комбинезон сидел на нем как парадное одеяние. Сорью смотрел на него с нескрываемым восторгом, грозящим перейти в настоящее обожание.

— Счастлив видеть тебя.

— Взаимно, брат мой. Ты помог ей?

— Твое слово закон для меня. Если ты так заботишься об этой девушке, мое дело сделать для нее все возможное.

— Не столько я, сколько моя супруга. Сорью, как те саженцы, что я тебе дал?

— Невероятно! — Эльф покачал головой. — Они совершенно миролюбивы, общительны, доверчивы…

— Кроме тебя их никто не должен видеть. Пока еще рано.

— Да, они спрятаны, в моих личных апартаментах есть небольшая лаборатория, я постарался устроить их поудобнее… Скажи, откуда они? Или это тайна?

— Нет, никаких тайн. Они из нашего сада. И скажу тебе еще больше — они сами вызвались погостить у вас. Они знают, на что идут. Так что можешь быть с ними совершенно откровенен. А теперь мне пора, мой обеденный перерыв закончился. Пойду, иначе господин Сорью будет недоволен… — эльф засмеялся и встал.

— Не покидай нас. — Сорью смотрел на своего подчиненного с искренней мольбой в глазах.

— До встречи, брат. — Эльф ободряюще улыбнулся и направился к выходу.

Первые две недели Виша, как и полагается прилежному ученику, не отходила от инфокапсулы. Через пару дней к ее постоянному присутствию там привыкли, и никто из пришедших утром не занимал ее стул. Когда оказалось, что некоторые нужные Вишу сведения можно получить только в ифнокапсуле, подключенной к эльфийскому инфоцентру, Сорью устроил ей пропуск в корпус, где проживали его сородичи; там на нее

косились первое время, но потом привыкли, и заметив нешуточное усердие девушки (иногда она засыпала у экрана, уронив голову на подлокотник кресла), даже здоровались при встрече. Виша понимала, что теперь ей не будет ни снисхождения, ни поблажек, и поэтому старалась не упустить ничего.

Когда пришла пора выходить на работу, Виша получила полный комплект форменной одежды цветоводов и впервые облачилась в зеленый комбинезон. Сорью решил сам проводить ее к месту работы. Лифтовая кабина перенесла их вместе с другими работниками глубоко под землю, где под светом искусственных солнц, на грядках тщательно обработанной земли и в сосудах с синтетической почвой росли ненавидимые и необходимые эльфам растения. Виша проходила между зарослей карликовых яблонь, отягощенных сотнями неестественно красивых плодов, с интересом разглядывала прозрачные цилиндры, обвитые огуречными плетями; ей, с детства знакомой с фермерским трудом, эта картина была и знакома и странна одновременно.

Сорью привел девушку в один из отдаленных секторов плантации, отведенных под ягоды.

— Ты издеваешься? — Виша рассматривала ровные узкие грядки, засаженные кустиками полевой клубники. — Может, я морковку подергаю?

— Тут нужны как раз такие руки как у тебя. Ягода капризная, эльфы ее просто давят, в итоге в контейнерах каша. А у тебя пальцы чуткие, в меру сильные… так что вперед. Контейнеры на стеллажах, чем больше соберешь, тем больше заплатят.

Виша согласно кивнула. Мама была бы довольна, подумала она, дочка наконец-то занята семейным делом.

И еще две недели прошли не сказать, чтобы легко. С утра и до трех пополудни Виша работала под землей, после обеда ее уже ждали в эльфийском инфоцентре. В квартирку с видом на кладбище она возвращалась затемно, пила травяной чай и ложилась спать. Она совсем не заметила, как закончилась осень и в Лис-Арден пришло предзимье. Впрочем, особо замечать было нечего — только стал немного холоднее воздух, иногда ветер приносил редкий сухой снег, и небо над городом приобрело оттенок сизых голубиных крыльев. Ровно через месяц Виша получила на свой коммуникатор лаконичное сообщение от профессора Эредиа; та просто поставила Вишу перед фактом, что занятия начинаются первого дня первого зимнего месяца.

Глава четвертая. Коллекция дома Эредиа

Никогда еще зима не пролетала так быстро для Виши из дома Вельда.

Все ее время было занято — работой или учебой; некогда было печалиться или предаваться сожалениям. Утро она встречала вместе с бледным зимним рассветом, не успев как следует замерзнуть по дороге на работу, отогревалась на подземных полях. Когда ей совсем надоело собирательство, она попросила Сорью о другой работе и он отправил ее ухаживать за рассадой. Поздним днем, немного отдохнув, Виша будила свою сову и отправлялась к ближайшей станции наземки (теперь ей приходилось экономить), садилась в холодный узкий вагон, привозивший ее на северную окраину района военной академии, откуда было недалеко до дома профессора Эредиа; эльфка отнеслась к ее тотему неожиданно тепло и позволяла Уху делать все, что захочется. Уроки оказались совершенно не такими, как ожидала Виша. Эредиа то заставляла ее смотреть старые фильмы, еще беззвучные и нелепые, а потом рассказывала, как менялись мода и нравы в те далекие времена; и в раскрашенных, расфуфыренных актерах девушка начинала видеть отражения целой эпохи.

В другой раз эльфка могла принести какой-нибудь предмет из свой коллекции реликвий и работая только с ним одним успевала дать столько информации, сколько в ином учебнике не найдешь. Виша очень уставала, но каждый раз Эредиа приходилось буквально выгонять девушку домой. Если же Виша ныла и выпрашивала еще порцию знаний, то эльфка обычно начинала втолковывать ей основы, например, литейного производств у гномов времен расцвета Гридда, или приносила альбом старинных чертежей, выполненных на тонкой полупрозрачной бумаге, изображающих неведомые механизмы. Тогда Виша сдавалась. Первое время Эредиа сердилась на такое невежество.

— Ты глупая девчонка! Неужели тебе не надоели эти бесконечные цацки?! Сколько можно любоваться этими нелепыми платьями?! Во-первых, это дурновкусие. А во-вторых, на технических артефактах можно заработать гораздо больше, если это для тебя аргумент. Нет? И тем не менее, Виша, ты должна хоть немного разбираться в истории техники!

Виша согласно кивала, честно пыталась разобраться, как работали паровые двигатели последних мирных дней, или читала биографию Оле Моргенштерна, или пыталась запомнить

основные типы наземных машин, вышедших из употребления за сотни лет до ее рождения. А под этими книгами у нее неизменно прятался или альбом с картинами старых мастеров, или подшивка модных журналов…

Через два месяца занятий профессор Эредиа допустила Вишу в свой архив. Сделала она это просто, без церемоний, но Виша очень хорошо поняла, какая ей оказана честь. Теперь она могла свободно листать старые, довоенные, как выражалась эльфка, книги, и даже заходить в хранилище и рассматривать — а то и работать — с коллекцией дома Эредиа. Она превосходила коллекцию Джесхета Ломара на порядок; Джесхет свою собирал сам в одиночку, а эта была наследием не одного поколения эльфов. Виша была очарована; попадая в гулкую анфиладу комнат, уставленных музейными шкафами, она теряла голову, не помнила ни времени, ни усталости и готова была провести там хоть всю свою жизнь. Только изредка, время от времени, ей вдруг ни с того, ни с сего становилось настолько не по себе, что она поминутно оглядывалась, даже если в руках ее была подлинная вещь эпохи мирного сосуществования. Виша никак не могла понять, что в доме Эредиа способно вот так выводить ее из равновесия. Кроме самой хозяйки она никого не встречала в череде прохладных, пустых комнат, казалось, кроме нее никто чужой не бывал здесь вот уже много лет. В доме царили тишина, чистота, покой и строгий порядок. И все-таки что-то периодически дергало Вишу за сердечные струны как марионетку за нитки, заставляя ее волноваться, смущаться… а однажды даже тайком расплакаться, спрятавшись в ванной комнате. Она не решалась поделиться своими переживаниями с Эредиа, поскольку страх ее перед эльфкой был сильнее доверия к ней.

В один из таких невеселых дней к ней заявился Сорью — без предупреждения, на ночь глядя, когда Виша уже собиралась завести долгий разговор с подушкой.

— Привет! Так и думал, что ты еще не спишь. Одевайся и пошли, да поскорее. А меня моя подружка попреками замучает, если я ее выступление пропущу.

— А куда идти-то? — растерянно спросила Виша.

— Сегодня у цветоводов вечеринка, ваши девочки организуют. В смысле, люди. Одевайся быстрее!

Поскольку отдыхать Виша не приходилось вот уже несколько месяцев, она решила не пренебрегать таким приглашением. Флюг Сорью донес их до огромного полузаброшенного здания на окраине города. В одном из более-менее сохранивших вид залов и в прилегающих к нему коридорах и комнатах цветоводы и устроили себе праздник. В избытке было разноцветных

мерцающих надписей на стенах, полуобнаженных девушек, пенящегося грибного чая и музыки. Явно не хватало мест, где можно спокойно присесть, качественной крепкой выпивки и толкового бармена. Сорью тут же бросил Вишу и растворился в толпе. Виша крикнула ему вслед пару добрых слов и сцапала первый же попавшийся под руку сосуд с грибным чаем. Он оказался совсем неплох, и ей вскорости полегчало. Она пошла по полутемным коридорам, рассматривая встречных и кивая редким знакомым.

Ноги вынесли ее в большой зал, украшенный гирляндами люминесцентных шаров. Середина зала была пустой, желающие выступить девушки толпились у зеркальной стены, зрители же сидели прямо на полу, на циновках и плоских подушках. Виша отыскала свободное местечко и уселась. Как оказалось, не напрасно. Когда глаза ее привыкли к цветному полумраку, она разглядела самозваных артисток получше и, надо сказать, немало удивилась. Были они разного возраста, разной степени красивости, но одеты были все в одном стиле, который Виша, несмотря на свои знания, никак не могла определить. Длинные прозрачные юбки, короткие лифы, иногда накидки — и обилие фальшивого золота, поддельных драгоценностей, а то и просто цветных стекляшек, превращавшее девушек в разбогатевшие огородные пугала. Не удержавшись, Виша хихикнула.

— Нас бы за такие россыпи лишили воскресного сладкого, которое мы получали раз в месяц… или поставили бы на пару сотен глубоких приседаний, тоже вариант, — кто-то подпихнул Вишу, усаживаясь рядом на тощую подушку.

Виша оглянулась — смутно знакомое лицо, светлые легкие волосы… запах весеннего леса…

— Погоди, они сейчас еще танцевать начнут, — посулила незнакомка. — Вообще живот надорвешь. Что они сделали с шаммахитской школой… уму непостижимо. Позор и падение.

— С какой школой?

— С шаммахитской. Ты вряд ли знаешь о ней, она ушла очень давно, Шаммах был по ту сторону Безымянного хребта, так что увы. А ведь были времена… Я помню, как танцевала моя подруга, Лалик. Я видела ее во дворце властителя Шаммаха, в зале Полночного Часа. Ты не поверишь, как она была хороша! И как танцевала! Из всех нас шаммахитский стиль подчинялся ей одной. — Девушка прикрыла глаза и мечтательно продолжила: — Представь — черный мраморный пол, тонкие колонны, уходящие в небо, сияющее тысячами звезд, невозможные, сладкие розы Шаммаха, льющийся атлас занавесей, шелк и кашемир подушек, и сладости на золотых подносах, такие сладости, что… — она не

договорила и закусила губы.

— И посреди всего этого великолепия, в свете звезд и свечей, танцует моя Лалик: десять кос, нежно-смуглая кожа, тонкий рисунок хной на босых ногах, ступающих прямо по сердцам смотрящих. Она не приглашала полюбоваться собой, не хвалилась мастерством, не искала себе покровителя — Лалик каждым своим шагом славила Любовь, как истинная дочь Нимы.

Она замолчала, опустив голову.

— Как тебя зовут? — вопрос вырвался у Виши, как незаслуженная удача из рук проходимца.

— Вот так сразу? Мы ведь уже виделись… ты уже забыла мое имя? Хотя, если вспомнить, сколько ты тогда выпила… Сегодня зови меня Лис, Виша. О, смотри, началось!

И действительно, началось. На середину зала вышла девушка — худощавая, светлокожая, одетая в темно-красные одежды, увешанная гирляндами искусственного радужного жемчуга, и принялась выделывать такие движения, что, будь они исполнены искусно и с наслаждением, зрители (особенно мужчины), несомненно, оценили бы ее танец. Но у тощей блондинки не было ни искусности, ни таланта, да и особой радости на лице ее тоже не было заметно. Виша полминуты терпела, а потом отвернулась и захихикала.

— Без слез не взглянешь, — откомментировала Лис. — Дай выпить, что ли. На такое без анестезии смотреть нельзя.

Она отхлебнула грибного чая из вишиной кружки.

— И почему девушки-цветоводы выбрали именно этот стиль? Ох ты…

Уже другая танцовщица, выйдя из вереницы пестрых претенденток, приседала под музыку, стараясь удержать на голове длинную палку; палка падала вот уже третий раз.

— Зачем меня Сорью сюда приволок? — сама себя вслух спросила Виша, отводя глаза от странных упражнений.

— Его подружка будет танцевать. А она, кстати, очень даже неплоха. Вон, смотри, в белом с золотом, темноволосая такая…

— Небо мое синее, Лис, она же толстая!

— А ты глупая. Шаммахитские танцы тощим малявкам вроде тебя заказаны. Жалкое зрелище. Вот, как раз ее очередь. Смотри и завидуй молча.

И она оказалась права. Подружка Сорью двигалась легко, улыбалась искренне, и танец ее оказался весьма зажигательным; по крайней мере, Сорью, сидевший в первых рядах, глаз от нее не отрывал.

— Слушай, а это… даже красиво. И волнующе… почти как ты рассказывала, — Виша обернулась к соседке. — А ты тоже так

умеешь?

— Обижаешь. Я умею намного лучше.

— Так почему не пойдешь и не покажешь, как это должно быть?

Лис почти уныло вздохнула.

— Мне нельзя. Не к лицу.

— А может, ты просто трусишь? Или не умеешь…

— Виша. — Лис заговорила серьезно, и Виша слышала каждое ее слово в оглушительном гаме праздника. — Виша, ты забыла, как я поделилась с тобой, тогда, в «Мертвецкой»? А ведь я дала тебе ничтожную часть своего умения. Если я буду танцевать здесь и сейчас, мало вам не покажется. Теперь мой танец не для людей.

— Кто ты? — Виша, заглянув в светло-серые глаза Лис, вспомнила, какой заказ она им сделала, куда хотела их отправить. — Тойво говорил, тебя зовут как цветок, и ты смогла приглушить его… а это вообще невозможно!

— Надо же, мальчик почти запомнил мое имя, — улыбнулась Лис. — Вот было бы интересно, если… Виша, знание моего происхождения тебе сейчас не нужно. Да и не ради тебя я здесь сегодня.

— А ради кого?

— А вот, полюбуйся, — и она указала на эльфа, сидящего рядом с Сорью. Эльфов в зале было мало, но даже если бы их собралась толпа, этот выглядел бы королем среди подданных. Он что-то сказал Сорью, поднялся и исчез в толпе.

— Ты что, следишь за ним?

— Конечно. Мало ли что.

— Что, боишься, кто-то станцует лучше тебя? — не удержавшись, съязвила Виша.

— Нет, она боится, что я окажусь в страшной опасности, а она не успеет меня спасти. — Эльф словно вырос у них за спинами. Он опустился на пол, обнял вишину собеседницу, прильнувшую к нему как гибкий стебель. — И теперь я понял, откуда такое внимание к тебе, Виша. Вы ведь одного поля ягоды. Собеседник намекает тебе на свое немереное могущество, а ты в ответ дерзишь. Напрашиваешься. Вот если бы ты еще танцевала, вместо того, чтобы заниматься артефактами…

— Вот еще! — Запротестовала Виша. — То есть зачем мне это непотребство… в смысле, есть и более приличные занятия…

Она замолчала, понимая, что несет какую-то оскорбительную чушь. Но эльф и его подруга, вместо того, чтобы обидеться, расхохотались.

— И вот так всегда! — вытирая слезы, сказала Лис. — С тех

пор, как Лимпэнг-Танг ушел из этого мира, искусство артиста стало неприличным. Да и радости заметно поубавилось. Ладно, друг мой, нам пора. Еще увидимся, Виша.

— А если вдруг… как вас найти? — девушка спросила, не надеясь услышать ответ. И ей вдруг стало немного страшно.

Уже вставшая Лис остановилась. Улыбнувшись, она наклонилась к девушке.

— Даже здесь, в этом безысходном и безупречном городе, есть вещи, которые помогут тебе найти меня. Будь внимательна, ты же реликварий.

После ухода своих нежданных собеседников Виша еще недолго посидела, приходя в себя, не замечая ни музыки, ни людей. Потом поднялась и пошла искать Сорью. Она нашла его в одном из самых темных закоулков, занятого и не расположенного к общению. И тут совсем некстати в ее памяти всплыли картинки, словно полускрытые струями воды, — закрытые глаза Тойво, слипшиеся мокрые стрелы ресниц, металл висков брохуса под ее пальцами, теплый пар, поднимающийся белыми клубами… Виша усилием воли сосредоточилась, покашляла, постучала носком сапога по стене, и, не услышав ответа, окликнула эльфа.

— Виша, иди куда шла… — Сорью даже не обернулся.

— Пойду, как только ты скажешь, откуда взялся тот эльф, что говорил с тобой. И как его найти в вашем безблагодатном городе.

— Что?! Что ты сказала? — Сорью отодвинул свою подружку, повернулся лицом к Више.

— То, что слышал. Золотая моя луна, кто он? И откуда у него такая пряжка на волосах? Таких ваши мастера не делают уже тысячу лет, две хранятся в частных музеях, еще одна в коллекции герцога Арзахельского. Знаешь, Сорью, такие вещи не носят вот так, запросто, как твой собеседник.

Сорью что-то тихо сказал на ухо своей девушке, она понимающе кивнула, неожиданно тепло улыбнулась Више и убежала.

— А если я скажу тебе все, что знаю о нем, ты поделишься своим знанием о той, с которой он ушел? О его супруге?

Такого ответа Виша не ожидала. Она подошла к эльфу поближе, заглянула ему в лицо.

— Расскажу. Хотя особо нечего рассказывать. Я даже не знаю, как ее зовут.

Сорью жестом пригласил девушку присесть; подоконник у выбитого окна был широким и вполне удобным, ветра не было. Они сели рядом, почти соприкасаясь головами, как заговорщики.

— Впервые я встретила ее еще в Одайне. Она предложила мне и моим друзьям очень странное и очень опасное задание. Мы

отказались. И вот сегодня она подсела ко мне, как ни в чем не бывало. Мне показалось, ей не хватает подружки, что ли. Ну, с кем можно поехидничать, поболтать о пустяках, вспомнить веселое прошлое. И она хотела танцевать, но не пошла.

— А ты не расскажешь о тех странностях, без которых вряд ли обошлась ваша первая встреча? — усмехнулся эльф.

— Эээ… она сняла все мое опьянение — а оно было страшным — в один миг. И дала мне дар танцевать так, что весь мир лежал у моих ног в тот вечер. И мне показалось, что она знает обо мне все. И любит меня.

Сорью понимающе кивнул.

— Когда я встретил его, он одним прикосновением вылечил мою экзему. Всего три месяца назад я не снимал перчаток, а если и снимал, то вместе с кожей. Профессиональное заболевание, куда деваться. И он знал, что я цветовод не только по должности. Виша, тебе можно это знать… я люблю растения. Люблю и слышу. Совсем как эльф ушедших времен. Поэтому он дал мне саженцы из своего сада — чистые, доверчивые души, открытые и светлые. — Сорью лучезарно улыбнулся. — Я готов умереть за них.

Виша не нашлась, что сказать. Помолчав, она продолжила.

— Сегодня она рассказывала о своей подруге, которая танцевала во дворце властителя Шаммаха, когда… о боги, когда же это было?! Сотни лет назад! А для нее это будто вчерашний вечер… и она смогла приглушить Тойво, что в принципе невозможно. В этом мире нет никого сильнее карателей.

— Виша, чего она хотела от вас тогда, в Одайне?

— Чтобы мы отправились в Ирем, город-призрак, нашли храм Нимы — а кроме меня, никто и не знает, кто это вообще! А я помню, потому что картинки ее храма часто рассматривала вместе с Джесхетом. Она просила привезти ей поющий кристалл из рук богини.

— А меня он попросил вырастить саженцы. И высадить их на наши поля. Виша, ты все еще не понимаешь, кто они?

— Нет. — Виша была растеряна. — Нет, я ничего не понимаю.

— Значит, еще не время. — Сорью ободряюще потрепал ее по волосам. — Не обижайся. Понимание придет само, когда будет нужно. Постарайся не забыть то, что она сказала тебе. Это важно.

— Ну, я пока на память не жалуюсь. Сорью, ты можешь быть уверен, я сохраню твои слова в тайне.

— Знаю. — Эльф улыбнулся. — Довольно на сегодня, Виша. Мне пора уходить, ты со мной?

— А… как же твоя подружка? Мне не хочется портить тебе вечер.

— В моем флюге вполне поместятся трое. Давай вытряхиваться из этого безобразия. Меня эти ходячие ювелирные прилавки до икоты довели, в жизни так не смеялся.

Спустя несколько недель после этого вечера Виша занималась в доме Эредиа. Эльфка выглядела несколько рассеянной, почти не слушала девушку, думала о чем-то своем. Виша, рассказав о своих изысканиях по поводу эволюции торговых путей в эпоху мирного сосуществования, замолчала. Профессор Эредиа сидела напротив нее, опустив глаза, оперев острый подбородок на крепко сжатый кулак; Виша уже успела привыкнуть и к неестественно синему цвету ее волос, и к неизменному серому сюртуку, застегнутому наглухо, и к отстраненно-язвительной манере общения, и к заостренным, украшенным гравировкой серебряным наконечникам на ушах. Теперь она понимала, почему Джесхет упорно именовал эльфку «он». Девушка уже успела понять, как велико оказалось ее везение — знаний, полученных здесь, ей хватит, чтобы стать лучшим экспертом у себя в Одайне; если, конечно, ей позволят остаться хотя бы на год.

— Вот что. — Эредиа прервала молчание первой. — Я довольна твоим прилежанием, Виша. Все-таки Джесхет не брал в ученики кого попало.

У меня сегодня особый день, и я приглашаю тебя разделить его со мной. Праздника, вроде того, на который тебя таскал бездельник Сорью, не обещаю, но думаю, тебе будет интересно.

Она привела Вишу в последнюю комнату музейной анфилады, обычно скрытую за массивной дверью. Посреди небольшого зала стоял письменный стол — редкий образчик искусства краснодеревщика, заваленный бумагами, свернутыми в трубку пергаментами, мелкими вещицами, словом, всем тем барахлом, что годами пылится в музейных запасниках. Вдоль стен стояли все те же застекленные витрины, сами стены были украшены портретами в массивных позолоченных рамах; и если рамы были искусными репликами, то сами портреты были пугающе подлинными. В углу комнаты стояло удобное легкое кресло, рядом с ним, на подставке, небольшая инфокапсула. Окон не было, с потолка лился ровный, спокойный свет.

— Это то, о чем я подумала? — не веря своим глазам, спросила Виша. — Я видела эти портреты в учебнике…

— Да, я позволила снять с них копии. Так Джесхет рассказывал тебе про главное сокровище семьи Эредиа? Это архив Миравалей, самой знаменитой династии эригонских ратманов. — Эльфка с видимым удовольствием уселась в роскошное кресло, стоящее за письменным столом, и уложила длинные ноги в сапогах прямо на драгоценную столешницу

красного дерева.

— Небо мое синее… — выдохнула восхищенная ученица. — Это ж надо… Значит, это…

Она указала на ближайший к ней портрет, с которого, сквозь толщу столетий и сеть трещин, на нее смотрели невеселые угольно-черные глаза остроносого, смуглого мужчины. Он был одет строго, почти сурово, в простой черный камзол, единственным украшением которого был воротник из вишневого бархата, искусно вышитый золотой нитью, и такие же манжеты. Его широкие брови сходились у переносицы, придавая лицу настороженное выражение, которое смягчалось едва заметной улыбкой, а в черных гладких волосах, несмотря на уже не юный возраст, не было даже намека на седину.

— Это Риго Мираваль?

— Да, он самый, Риго-Ворон, один из лучших ратманов Эригона.

— А это кто? — и Виша указала на висящий рядом портрет седовласого, немного грузного мужчины, глядящего спокойно и немного высокомерно.

— А это его отец, Сириан Мираваль.

— Надо же, они совсем не похожи! Зато вот с этим парнем Риго точно был в родстве! — И Виша подошла поближе, чтобы лучше рассмотреть одного из Миравалей.

Действительно, фамильное сходство этих двух портретов было очевидно. У юноши, на которого указала Виша, были те же черные глазищи, брови, сходящиеся у переносицы, острый крупный нос. Но его губы уже не намекали на возможность улыбки — они улыбались, улыбались и глаза; и вообще, этот Мираваль явно был не такой деловитый как все остальные.

— Это сын Риго, Арчеш-младший. Мой любимец, — немного смущенно призналась Эредиа. — Я посвятила не один год этому семейству, знаю о них многое, о некоторых, например, о том же Сириане, почти все. Но Арчеш, это совсем особая история. Вот, посмотри, — эльфка, вытянув длинную тонкую руку, указала на тщательно выписанный художником распахнутый кружевной ворот белоснежной рубахи, — видишь медальон?

Виша подошла поближе и пригляделась. Действительно, на груди Арчеша был изображен круглый медальон.

— Что скажешь?

Виша на минуту задумалась.

— Материал — черное золото. Судя по легкости композиции и тонкости работы, кто-то сумел уговорить эльфа-ювелира сделать это произведение искусства. Сюжет тоже не совсем обычен — обнаженная девушка, похожа на танцовщицу. Мне так

кажется… она словно ждет своей музыки, чтобы начать танцевать.

— А ты ничего не слышала о таких медальонах? Не красней, о них почти никто не знает. Считается, что их было всего пять, по числу хозяек — они сами, собственно, и изображены на своих медальонах. Это дочери Нимы, ученицы храмовой школы танцев.

— Храмовые реликвии? Но откуда на шее у эригонского ратмана подвеска храмовой танцовщицы? Самый известный храм Нимы был в Иреме, возможно, при нем и была школа танцев, но вряд ли там обучались мужчины.

— Хороший вопрос, Виша. Арчеш-младший вообще темная лошадка. Судя по семейным летописям, обстоятельства его рождения были не самыми обычными. Мне стоило немалого труда разобрать все эти полунамеки, откровенную ложь и стыдливую полуправду — и выяснить, что Арчеш был незаконнорожденным. Сын своего отца, но от другой женщины. Не Мореллы Мираваль.

— А кого? — Виша смотрела на эльфку, от любопытства приоткрыв рот.

— Полной уверенности у меня нет, но все указывает на то, что матерью Арчеша была как раз одна из танцовщиц Нимы. Отсюда и медальон, очевидно, ее подарок.

— Похоже на старую сказку, — улыбнувшись, сказала Виша. — Из тех, что читают девочкам на ночь. Тайная любовь танцовщицы и ратмана, подмененный наследник и все такое. Интересно, какой была та дочь Нимы? Наверно, роскошной красавицей, из тех, ради которых предают интересы семьи, бросают жен и пускаются на всяческие безумства.

— Я бы так не сказала… — усмехнулась эльфка. — Даже среди людей встречаются куда более красивые и роскошные женщины.

— Откуда вы знаете? Вряд ли ее портрет заказывали для фамильной галереи, не тот случай.

— Верно, но на наше счастье сохранилась одна вещь, светильник, сделанный Луиджи Арриго по рисунку старого судьи Арчеша, или как его называют, Арчеша-Садовника. Он очень хорошо рисовал. Возможно, эта танцовщица какое-то время жила в его доме и он, желая сохранить память о ней, и заказал такой необычный портрет. Луиджи оставил особую запись в своей книге заказов, ведь он нечасто работал по чужим эскизам. Хочешь посмотреть?

Виша только кивнула. Эредиа улыбнулась и, подойдя к одной из витрин, достала морскую раковину. Осторожно вставила светоэлемент, включила его. Бока раковины засветились ровным, розово-золотым светом и стало видно, что на ней вырезана гемма

— портрет молодой женщины. Виша вглядывалась в сияющее лицо и чувствовала, как у нее последовательно отнимаются голос, ноги и способность рассуждать здраво. Не сказать, что танцовщица Нимы была такой уж дивной красавицей, но как быть, если видишь среди музейных древностей портрет того, с кем разговаривал с месяц тому назад?

— Виша, что с тобой? — Эредиа почувствовала неладное. — Ты так побледнела, будто твоя сова проснулась не вовремя.

— Я ее знаю. — Хрипло прошептала девушка. И повторила громче: — Я ее знаю.

— Не поняла. — Эредиа даже удивилась.

— Я видела ее. И говорила с ней. У себя, в Одайне, и здесь, в Лис-Арден. Это точно она, я уверена.

— Что ты говоришь, девочка, — впервые в голосе эльфки проскользнули теплые, беспокойные ноты, — ты не в себе. Возможно, ты видела кого-то похожего…

— Нет! — Виша не знала, как ей убедить Эредиа. — Понимаете, не такое уж особенное у нее лицо, да и ростом она не вышла, но спутать ее с кем-то невозможно.

— Виша, присядь. — Профессор усадила девушку в свое кресло, сама присела на край стола. — Успокойся. Ты утверждаешь, что видела и говорила с человеком, жившим — если жившим — тысячу лет назад. Так?

— Так. — Упавшим голосом подтвердила Виша.

— Хорошо. Что ты можешь о ней сказать, кроме того, что ростом она не вышла? Какая она? О чем вы говорили? Чем она тебе запомнилась?

Виша задумалась. Может ли она рассказать профессору Эредиа все без исключения? Она ведь обещала Сорью, что будет осторожна и оставит свое знание при себе, поскольку оно касалось не ее одной. Девушка подняла глаза, поймала взгляд проницательных, острых светлых глаз и поняла, что попалась.

— Ты мне не доверяешь. Или, скорее всего, связана обещанием молчать. И то, и другое понятно. Но ты уже проговорилась, Виша. Я не буду сегодня настаивать на объяснении, но вопросы мои, даже не прозвучавшие, вопросами и останутся. И ответы за тобой. У тебя есть время их обдумать. Урок закончен, Виша. Тебе пора уходить.

Уже в дверях, ожидая, когда они откроются, Виша обернулась и спросила:

— Скажите, чем замечателен сегодняшний день? Вы сказали, он особенный для вас.

— Сегодня годовщина смерти моего отца. Как тебе известно, это он спас архивы Миравалей. Когда он привез их, я была еще

ребенком… отец позволял мне часами играть с этими бесценными реликвиями. Возможно, это и определило мое призвание.

В Лис-Арден пришла оттепель — неприглядная, неуютная, неспокойная. Здешняя зима тоже особой красотой не отличалась; не то, что белые пышные зимы Одайна, привычные для Виши. Безупречный город становился в холода еще строже и суше, если такое вообще было возможно. Но оттепель сделала его нездоровым и нервным; небо приобрело оттенок белесого рыбьего брюха, вспучилось бесформенными тучами, воздух пах сырым подвалом, в котором десятилетиями держали химикаты, один за другим прошли три сильных дождя вперемешку с мокрым снегом. Все это сделало атмосферу Лис-Арден болезненно раздраженной, как если бы аскет позволил себе напиться до пьяных слез, а потом возненавидел всех, кто эти слезы видел.

В тот день Виша, прежде чем спускаться под землю, нашла Сорью. Апартаменты начальника гауптвахты и главного цветовода были расположены на промежуточном уровне, выше основных плантаций, и занимали немало места. Сорью, сидящий в легком кресле из металлических трубок и работающий со своей личной инфокапсулой, терялся в огромном кабинете, больше похожем на тренировочный зал.

— С чем пожаловала? — Эльф закрыл экран инфокапсулы и кивнул девушке на второе кресло. — Садись и рассказывай. На тебе лица нет, а значит, скучно мне не будет, и я не зачту тебе прогул.

— Сорью, я ее видела.

— Что, так скоро? — поразился эльф.

— Нет, не ее саму, а ее портрет. Профессор Эредиа оказала мне честь и пустила в свой фамильный музей. Так вот, в коллекции эригонских древностей есть светильник, морская раковина с геммой тысячелетней давности — это ее портрет, Сорью.

— Ты в этом уверена? — недоверчиво приподнял бровь эльф.

— Небо мое синее, вам меня не запугать! — Виша приподнялась и стукнула кулаком по столу. — Терпеть не могу, когда меня переспрашивают о том, в чем я совершенно уверена! Да, да, да! Это она, точно такая, какой я видела ее месяц назад. И, надо сказать, тысячелетие на ней не сказалось.

— Что такое тысяча лет для подобных ей? — эльф улыбнулся. — Рассказывай дальше.

— А что еще рассказывать? — Виша пожала плечами. — Я не удержалась, брякнула, что знаю ее, мол, встречала не один раз. Разумеется, профессор Эредиа заинтересовалась таким

знакомством. Пришлось мне уйти в глухую оборону… она дала мне отсрочку, но все свои вопросы она мне задаст, уж будь уверен.

— Ничуть не сомневаюсь. Бедняжка Виша, попала меж двух огней… — Сорью встал и подошел к двери, ведущей в лабораторию, о чем извещала узкая табличка. — Тебе стоит больше доверять своему учителю. Я знаю Вильму Эредиа не первый год, она добрее, чем кажется. А сейчас пойдем со мной, отвлечешься.

Виша послушно встала и они прошли длинным коридором, миновали несколько небольших помещений, занятых оборудованием и закрытыми высокими контейнерами. За одним из них Сорью отодвинул в сторону стенную панель и, набрав цифровой код, открыл тяжелую дверь. За ней оказалась просторное помещение, похожее на лабораторию селекционеров, с высоким потолком, прекрасно поставленным светом, имитирующим интенсивность и качества солнечного, с оросительной системой, протянувшей хромированные трубки вдоль стен, топырящей разбрызгиватели над участками почвы.

— Мой тайный сад, — Сорью пропустил Вишу вперед. — Заходи, познакомлю тебя с моими питомцами.

Виша шагнула вперед, с наслаждением втягивая влажный, вкусный, душистый воздух. Раз, другой… ее легкие трепетали, словно листья, омытые дождем.

— О боги… бывает же такое… — Виша едва не плакала от непонятного счастья, обнимавшего ее тысячами лепестков. Сорью положил ей руку на плечо, успокаивая.

— Я сам первое время только на коленях мог здесь стоять. И даже сейчас сердце замирает.

— Что это такое, Сорью? — Виша повернулась к эльфу, заглядывая ему в лицо мокрыми глазами.

— Это просто сад, Виша. Почти все растения тебе знакомы, кроме редких цветов, но их у меня пока немного. Они особенные — к ним не прикасались ни мысли брохуса, ни воля безумного бога. Это чистые, любящие души. Они не одержимы желанием поглотить весь мир, не питают к нам ни малейшей злобы, готовы делиться собой и питать нас.

Сорью пошел вдоль стены, по которой вился плющ, ласково гладя темно-зеленые побеги.

— Посмотри, какая красота! — эльф показал девушке на небольшой куст лилейника, росший в металлической емкости. — Раскрылся только сегодня, для тебя, наверное.

На упругом стебле, возвышающемся над гибкими узкими листьями, светился карминно-красный цветок, с нежно-белыми

прожилками на лепестках, изящно отогнутых вовне.

— Да… красавец, ну просто сердцеед, — Виша осторожно погладила стебель, дрогнувший от удовольствия. — Как он называется?

— Это амариллис.

— Что?.. — Више, и без того оглушенной воздухом живого сада, словно по голове ударили, и, не в силах более держаться на ногах, она присела прямо на пол, рядом с ней опустился эльф.

— Амариллис, цветок из семейства лилейных. А если ты еще где-то слышала это имя от кого-то особенного, — эльф приложил палец к губам, — то не стоит кидаться им попусту. Только если тебе действительно будет что ей сказать.

— Кому, Сорью? Почему вы, эльфы, всегда говорите загадками, как же это меня раздражает! — Виша прикусила нижнюю губу. — Точно такой же цветок на гемме украшает вырез ее платья. Я могла бы и сама догадаться, да? Сама вспомнить ее имя…

— Ты и вспомнила. Теперь не забудь. С их именами всегда такая морока — кажется, вот оно, дрожит на губах, но не выговаривается никак, не дается…

— Так кто же она, Сорью?

Эльф иронически приподнял бровь.

— Неужели тебе так трудно выговорить это слово? Она — богиня.

— Сорью, о чем ты говоришь? Какие боги в нашем мире?! — Виша развела руками. — Хватит нам и того спятившего дерева, возомнившего себя властелином. Мы не верим в богов, Сорью, мы забыли о них, не поклоняемся им вот уже сотни лет, так с чего бы это им вдруг вспомнить о нас? Мы тут заперты в этой бесконечной войне, ходим по кругу, а круг сужается, и нет нам спасения. Какие боги, Сорью? Наш мир распадается на две части, корчась от ужаса и продолжая убивать сам себя. Если и есть в нем боги, то я не желаю их видеть. А уж служить им и подавно.

Виша замолчала. Она не вытирала слезы, не пыталась их остановить.

— Знаешь, когда-то Джесхет рассказывал мне, что боги — это правила, по которым живет все сущее. Что они плоть от плоти мира, принадлежат ему, как вода принадлежит морю. Он называл их — сотворенные творцы.

— Общение с эльфами не прошло для него даром, — Сорью осторожно прикоснулся к мокрой вишиной щеке, стирая злые человеческие слезы. — Это знание наших предков. На первый взгляд, совершенно умозрительные конструкции, игры разума, бесполезные как… как вот этот цветок.

Эльф уселся удобнее, скрестив ноги, уложив ладони на острые колени.

— Подумай сама, Виша, что, если однажды тебе пришлось покинуть свой дом? И вот ты вернулась, и не узнала его. Брошенный сад зарос сорной травой, кто-то разбил окна, везде паутина и грязь. Что ты будешь делать?

— Убираться, — буркнула Виша. — А цветовода пошлю сорняки полоть.

— Так и они. Вернулись в некогда оставленный дом… наверное, пришли поначалу в ужас. А теперь вот наводят порядок.

— Нашими руками, как я понимаю.

Сорью засмеялся.

— Помилуй, Виша, когда это боги действовали сами?! При их могуществе это опасно, да и зачем тогда мы?

— Она сказала мне, что не может здесь танцевать… — начала понимать Виша.

— А ты представь себе — она танцует, а земли бывшего Шаммаха накрывает снегопадом. Или просыпается спящий вулкан. Или птицы падают дождем с неба. Наш мир и без того на пределе. Божественного танца ему не выдержать.

Виша провела ладонями по лицу, крепко потерла глаза.

— Я бы не отказалась сейчас от какого-нибудь из творений Бриарея. Как жаль, что у вас запрещены крепкие зелья. Ох…

— Прости, ничем не могу помочь. Я законы не нарушаю. — И эльф погрозил девушке пальцем.

— Разумеется. Ладно, Сорью, ты растишь сад. А я зачем понадобилась?

— Насколько я помню, ты должна найти поющий кристалл. Место поиска тебе указали, команду помощников подобрали. Осталось дело за малым — принять решение тебе самой. Виша, я не собираюсь сейчас спорить о степени самоубийственности такой миссии, — и эльф поднял вверх руки. — Я свое решение принял. Чего и тебе желаю.

Уже уходя из огромного кабинета начальника гауптвахты Виша остановилась и неуверенно сказала:

— Сорью, мне кажется, что за мной кто-то следит. Понимаю, это звучит смешно, кому я тут нужна в вашем городе. Но иногда мне хочется спрятаться в шкаф или бежать сломя голову. Ты никого не замечал рядом со мной?

— Ну, если не считать того, что некий брохус регулярно шлет мне запросы касательно твоего здоровья и благополучия, тобой никто особо не интересовался.

— Брохус?! — Виша покраснела. — Тойво Маарви?

— А ты ждала кого-то другого? Пожалуй, я дам тебе сегодня

отгул. Все равно работать не сможешь. Ступай домой и выспись в кои-то веки.

Дневной сон оказался желанен, но тяжел; Виша проснулась с ощущением незаслуженного похмелья. Даже душ не помог ей совладать с тяжестью в сердце и путаницей в голове. Но все же ей было не настолько плохо, чтобы пренебрегать занятиями с профессором Эредиа. Наскоро поев, Виша машинально натянула на себя форменную одежду цветоводов, накинула поверх комбинезона куртку — за окном вялыми хлопьями падал мокрый снег. Уху дремала на спинке кресла. Виша подумала, и не стала ее будить.

Уже сидя в полутемном вагоне наземки, Виша сообразила, что зря так оделась, но возвращаться по такой погоде было выше ее сил. Она сидела, прислонившись головой к мокрому холодному окну, пытаясь вернуть ясность мыслям.

Когда Виша вышла из вагона, ветер, будто только того и дожидавшийся, с размаху сорвал с нее капюшон, залез за шиворот, залепил глаза и нос липким снегом. Задыхаясь и щурясь, девушка почти бежала по прямым улицам, стараясь держаться в тени и не привлекать к себе внимания. Она уже вышла к повороту, за которым стоял дом Эредиа, как ей неожиданно преградили дорогу.

— Вы только посмотрите, кто к нам пожаловал!

Виша подняла взгляд — перед ней стояла стайка эльфок, одетых в черные с серебряными оплечьями мундиры. Это были военные химики, «Отравы», как они сами себя называли. Не участвующие в военных действиях (если не считать обязательной для любого эльфа гарнизонной службы после окончания академии и регулярных сборов), они тешили свою ненависть, создавая мощные дефолианты, новые горючие смеси для оружия «Углежогов» — орков, сородичей эльфов, предпочитающих огнеметы. Их соратники, «Аспиды», оставались верны искусству фехтования, впрочем, весьма изменившегося. Химики славились тем, что никогда не обслуживали невоенные заказы. Все лекарства готовились в лабораториях медиков, пищевые добавки и витамины синтезировались в ведомстве Сорью. Как правило, отравами становились девушки маленького роста и не слишком сильные, которых не приняли в ряды аспидов.

— Да это же цветовод!

Виша оглянулась — судя по тому, что четыре эльфки заходили ей за спину, удрать по-простому не выходило. Не зная, чего ожидать, она растерянно молчала.

— И даже не потрудилась снять свои омерзительные зеленые тряпки… — немного удивленно протянула одна из отрав, отводя

от лица мокрые острые пряди волос. — Удивительная наглость, разве нет?

— Достойная наказания, я бы сказала. — Сказавшая это отрава шагнула к Више.

— Что, приехала заработать на наших бедах? — и она ударила Вишу по лицу, резко, коротко, почти не замахиваясь. Девушка отшатнулась, закрываясь руками. Кто-то толкнул ее, кто-то обхватил сзади за плечи, не давая возможности защищаться.

— Мне придется научить тебя вежливости и уважению к нашим обычаям, человеческое отродье… — эльфка стиснула вишино горло, в руке ее блеснуло узкое лезвие скальпеля. Глаза отравы блестели как мокрые ягоды, дыхание отдавало резким запахом кислоты.

Что произошло потом, описать нелегко. Сначала вскрикнула одна эльфка, потом та, что замахнулась на Вишу скальпелем, упала навзничь — на ее груди, вцепившись ей в горло, сидел зверь. Виша стояла, не в силах даже пошевелиться. Рванув пару раз лежащую жертву, зверь бросил ее и одним прыжком оказался рядом с девушкой. Это был волк, матерый, поджарый, с белыми подпалинами на шее. Он поводил в стороны окровавленной мордой, скалил клыки и тихо, злобно рычал. Виша зажмурилась, когда влажная от эльфийской крови морда ткнулась в ее руку. Отравы, кроме одной, лежащей на камнях мостовой в темной расползающейся луже, разбежались. Виша посмотрела на мертвую эльфку, взгляд ее против воли задержался на разорванном горле, из которого толчками выбивалась уже иссякающая кровь, ей стало совсем дурно и она пошатнулась.

— А ну не смей!

От звуков этого голоса, резкого и пронзительного, девушка чуть не завопила от радости. Профессор Эредиа встряхнула ее, несильно хлопнула по щеке.

— Виша, ты мне нужна!

Девушка открыла глаза, несколько раз резко выдохнула и хриплым, не своим голосом спросила:

— Где волк? Он…

— Он спас твое лицо, а может, и жизнь. А теперь корчится в нестерпимых муках в ближайшей подворотне. Пошли, мы должны найти его и отвести ко мне домой. Только сделай милость, не ори, когда увидишь его. Ты привыкла совсем к другому…

Виша еще не окончательно пришла в себя, поэтому задавать вопросов не стала, а послушно пошла за Вильмой Эредиа. Идти пришлось недалеко. Рядом с домом Эредиа был небольшой сквер — несколько симметрично расставленных имитаций друз горного хрусталя, подсвеченных фиолетовыми светоэлементами,

невысокая каменная стена по периметру. Там, на холодном мокром камне, лежал мужчина — длинный, худой, совершенно голый. Он застонал, стон его перешел в вой… и Виша увидела, как расплываются контуры его тела, как человеческий облик тает, уступая место звероформе. И еще она успела увидеть руки мужчины — от кончиков пальцев до сгиба локтя покрытые невообразимо красивой татуировкой.

— Джесхет?! — девушка задохнулась, прижала пальцы к губам.

— Я же просила тебя не орать. — Оборвала ее эльфка. — Слезами ты ему тоже не поможешь.

Эредиа шагнула к зверю.

— Джесхет, приступ только начался. Ты должен вернуться в мой дом, здесь слишком опасно. Пойдем, друг мой…

И она прижала к волчьей морде руку. Волк дернулся, потом обмяк и повалился наземь. Эредиа показала Више ладонь — в ней был медицинская губка, очевидно, пропитанная снотворным. Вдвоем, спотыкаясь и оскальзываясь на мокрых камнях, они дотащили зверя до дома. Там они торопливо отнесли его, оставляя на чистейшем полу грязные следы, до отдаленной комнаты. Когда зверя уложили прямо на кровать, Эредиа закрыла дверь. Виша стояла, трясясь от холода и страха, ничего не соображая. Эльфка стянула с себя насквозь мокрый сюртук, швырнула его в угол и присела на край кровати.

— Смотри, он уже приходит в себе. И это после дозы, рассчитанной на сутки покоя!

Волк дернулся, его прошила крупная дрожь, он оскалил зубы, зарычал… тело его вытягивалось, исчезала серая шерсть, и через несколько минут перед Вишей был Джесхет Ломар. Когда он открыл глаза, в них было столько боли, что даже эльфка вздрогнула. Как оказалось, она успела приготовиться — в голую разноцветную руку Джесхета, чуть ниже сгиба локтя, впился медицинский инъектор.

— Это немного ослабит боль… — Эредиа провела ладонью по лбу Джесхета, стирая пот. — Ты справишься.

И, оглянувшись на стоящую в оцепенении девушку, добавила:

— Это белковая лихорадка. Самое редкое профессиональное заболевание. Как ты помнишь, тотемом Джесхета был волк. Он умер, но часть его все еще жива в сознании нашего друга… и пытается получить свою долю в его теле. Обычно человек в состоянии держать свою звероформу под контролем, но если его вывести из равновесия, то это может спровоцировать приступ. Это неизлечимо, но и незаразно. Так что не стой столбом, а принеси воды и смой кровь с его лица.

Приступ продолжался около часа. Више этот час показался вечностью. Она сидела напротив профессора Эредиа, на придвинутом к кровати стуле и смотрела, как белковая лихорадка ломает тело Джесхета. Когда все закончилось, и обессиленный человек впал в забытье, они вдвоем с эльфкой поменяли постельное белье, окровавленное и порванное, надели на Джесхета майку и легкие брюки, уложили его поудобнее и оставили отдыхать. Эредиа закрыла дверь, посмотрела на девушку и покачала головой:

— Тебе не помешает горячий душ. Пойдем, я провожу тебя в гостевую комнату, сегодня переночуешь у меня.

Позже, вымытая, переодетая в пижаму самой эльфки Виша сидела с ней за столом в небольшой гостиной и пила горячий грог — почти такой же вкусный как у Бриарея.

— Не воду же после такого пить, — так откомментировала появление крепкого напитка у себя в доме Эредиа. — Если у тебя есть вопросы, Виша, самое время их задавать.

— Значит, все это время мне не мерещилось, — Виша отхлебнула горячий, щиплющий язык напиток, — и Джесхет действительно жил в вашем доме? А я-то думала, откуда это чувство… его присутствия. Мне было стыдно спросить вас об этом, я боялась, что вы поднимете меня на смех.

— Джесхет приехал ко мне еще год назад, после первого приступа. Попросил убежища. Я была готова оставить его прямо тогда, но он не в силах был расстаться с тобой. Только когда его накрыло так, что он не успел уйти из дома, а ты по случайности задержалась и пришла часом позднее, он понял, что ваше время закончилось. Приди ты вовремя, кто знает, чем закончилась бы такая встреча.

— Но сегодня он спас меня, — Виша стиснула пальцы так, что побелели косточки на кулаках. — Я не верю, что он может причинить мне зло… даже и в таком состоянии.

— Контроль звероформы очень мучителен и не всегда успешен. А потом, ты уверена, что смогла бы жить с таким Джесхетом? Уверена, что хотя бы не боялась его?

Виша замолчала.

— А вы его не боитесь?

Эредиа усмехнулась.

— Я знаю Джесхета Ломара без малого тридцать лет. Нам привелось быть и врагами, и друзьями. И если он попытается порвать мое горло, я пристрелю его без малейшего сомнения. Именно поэтому он и пришел ко мне…

— Понятно. Получается, что он следил за мной?

— Иногда. Сегодня город совсем больной, эта оттепель всех с

ума сводит. В Академии молодняк бесится — углежоги подпалили казарму аспидов, медики вместо пыльцевых прививок обкололи цветоводов какой-то дрянью, от которой у тех мозги вскипели… Давно такого не было. Вот и Джесхет почуял неладное, у него чутье всегда было отменное, а уж сейчас тем более. Вышел встретить тебя, чтобы никто не обидел — и, как оказалось, вовремя.

— Неужели ему ничем нельзя помочь?

— Ничем. Белковая лихорадка неизлечима. Ею не болеют, ею умирают, Виша. Со временем приступы учащаются, их даже провоцировать не нужно, сами приходят, и однажды тело не выдерживает таких перегрузок и… — Эредиа поджала губы. — Собственно, не так долго уже осталось. Это пятый приступ за последний месяц.

Она внимательно посмотрела на девушку. Виша залпом допила горячий грог и налила себе полный стакан.

— Слишком много событий для одного дня… — пробормотала она себе под нос. — А что с той… которой он помешал? Так и лежит там, под дождем, в луже собственной крови?

— Виша, это не твоя забота. У дома Эредиа найдется, кому поручить подобные дела. И пить тебе больше, пожалуй, не стоит. Ступай спать. Завтра Джесхет придет в себя и вы сможете повидаться.

Поскольку у Виши не только слипались глаза, но и голова отказывалась что-либо соображать (только потом девушка вспомнила, что сама эльфка так и не отпила из своего стакана), ей не оставалась ничего, кроме как встать, пошатываясь, добрести, держась за стены, до комнаты и рухнуть в кровать. И почти мгновенно уснуть, провалиться в темную бездонную пропасть, где гаснут все звуки и краски.

Когда утром следующего дня Виша заглянула в комнату, где оставила Джесхета, осторожно, едва дыша приоткрыв дверь, чтобы не потревожить его сон, то оказалось, что тревожить уже некого. Кровать была пуста, на столике лежал использованный инъектор, окровавленные медицинские губки валялись на полу. Виша вошла, присела на кровать, помолчала с минуту… а потом опустилась на подушку, прижимаясь к ней лицом, изо всех сил вдыхая запах — так хорошо знакомый, так когда-то любимый.

— Опоздала? — в дверях стояла Вильма Эредиа. — Может, оно и к лучшему. Он вряд ли бы позволил тебе… да и себе.

— Вы знали? Знали, что он сбежит? — не поднимая головы, спросила девушка.

— Догадывалась. И потом — ты ведь уже перевернула эту

страницу, так зачем оборачиваешься? Иди вперед, Виша. Смирись с тем, что ничем не можешь помочь ему и что его любовь покинула тебя. Продолжай учиться жить без него. У тебя это неплохо получалось. И прости ему, что он не хочет видеть страх в твоих глазах.

— Спасибо. — Виша поднялась, повернула бледное лицо к эльфке. — Вы очень жестоки. Сейчас это как раз то, что нужно.

Тут она сморщилась, пытаясь не выпустить слезы из глаз, потерпела в этом сокрушительное поражение… Профессор Эредиа села рядом, обняла девушку, притянула ее к себе и позволила выплакать терпкое сердечное горе, промочившее насквозь серый строгий сюртук.

Оттепель закончилась; на ее место пришли холода, последние перед весной. Размякший, распустившийся город выстудило в одночасье, сухим ветром унесло остатки нездоровой влаги.

Ни Вильма Эредиа, ни Сорью не позволили Више прервать работу или обучение. Оба настояли на немедленном продолжении прерванных занятий, не оставляя девушку ни на минуту в покое. Сорью отправил ее собирать ягоды для золотого масла, и боль от уколов древесных колючек странным образом отвлекала от шипа, засевшего в сердце.

История с нападением, закончившемся для одной из отрав более чем печально, чудесным образом была замята. Теперь у наземки Вишу встречал казавшийся ей немым эльф в форме младшего военного советника (нашивки на рукаве говорили о его работе в военном инфоцентре), который провожал ее до дома Эредиа, а потом отводил до той же наземки. Попытка девушки хотя бы здороваться была пресечена в зародыше и ей ничего не оставалось, как всю дорогу молчать, чувствуя себя конвоируемой преступницей. Профессор Эредиа начала читать Више курс прикладного искусства эльфов — от времен четырех Королей до преображения Лис-Арден, устроив девушке пропуск в Обитель Памяти, лучший музей обитаемого мира. По выражению самой Виши, ей продохнуть было некогда, голова раскалывалась… но она была благодарна за такую заботу. Жизнь опять продолжалась.

Глава пятая. Немного истории

Когда Сорью впервые пригласил Вишу помочь ему в тайном саду, девушка сначала ушам своим не поверила, а потом чуть не запрыгала от счастья. Они прошли тем же путем и вновь девушку с головы до ног окатило чувство ни с чем не сравнимого наслаждения — чистым, живым воздухом.

— У меня подросли саженцы душистого горошка, — Сорью стоял, закрыв глаза, с блаженным выражением лица. — Можешь высадить их вдоль стены, потом протянешь для них нити-опоры. Я должен идти, сегодня прибывает брохус, отшибать ум очередной партии семян, так надо его встретить. Говорят, прислали кого-то особенного. Я вернусь за тобой. Наслаждайся.

Поначалу Виша обошла весь сад, улыбаясь и благодаря каждый лепесток, каждый стебель. Она не отказывала себе в удовольствии погладить упругие листы, потрогать теплые почки; впервые в жизни она разговаривала с растениями и, похоже, ее понимали. Потом она нашла контейнеры с торфяными ячейками, из которых тянулись к свету тонкие бледно-зеленые стебельки с мелкими листочками. Виша выбрала для них место, взяла лопатку и принялась за работу: выкапывала ямку, доставала ячейку и осторожно высаживала росток в почву. Она вела себя с саженцами как с детьми, ласково и открыто. Высадив все ростки, девушка полила их, обрызгала водой и уселась на перевернутое ведро, любоваться делом рук своих. Виша чувствовала себя отдохнувшей, полной сил и почти счастливой. Ее не смущало даже то, что сегодняшний урок она приготовила из рук вон плохо: не от лени (новенькая заключенная, эльфка-медик, из тех, что колдовали с прививками для цветоводов, разбудила ее, уснувшую уже заполночь у инфокапсулы, и не без сочувствия выпроводила из инфоцентра), а только лишь потому, что материала по заданной теме — военная история эльфов — в свободном доступе оказалось очень и очень мало. Явно недостаточно, чтобы заслужить разрешение поработать в зале Миравалей, куда Виша напрашивалась вот уже вторую неделю.

Из блаженного оцепенения Вишу вывело появление Сорью. Эльф неслышно прошел по саду, одобрительно кивнул ей.

— Отличная работа. А сейчас пошли, тебе пора. Сегодня тебя ждут в доме Эредиа пораньше, так что можешь отправляться как только переоденешься.

Спорить было не о чем, и Виша послушно вернулась домой, переодеть темно-зеленую форму цветовода. Как только она застегнула куртку, заурчал коммуникатор. Увидев на экране имя

запросившего контакт — Тойво Маарви — Виша несколько замешкалась, смутившись. А потом ответила.

— Как ты, Виша? — голос Тойво тоже звучал несколько смущенно, что придало девушке храбрости.

— Да вот, работаю. И учусь. А ты какими судьбами в Лис-Арден?

— Не поверишь — по работе. Не знаю, надолго ли… может, встретимся?

— Конечно. Только я почти все время занята. Тебя совсем поздний вечер устроит?

— Вполне. Где встречаемся?

«У меня» — чуть не брякнула Виша. Ей совсем не стыдно было сознаться себе, что она будет очень рада увидеть Тойво… и не только увидеть.

— Давай в «Шестеренке», — ничего другого Виша предложить не могла, поскольку вела неведомый ей доселе монашеский образ жизни. Ни в одном другом месте Лис-Арден, пригодном для спокойного отдыха, она не была. Если не считать сада Сорью.

— Согласен. Зови, когда освободишься.

Закончив разговор, Виша еще немного поулыбалась и отправилась получать нагоняй от профессора Эредиа.

Выслушав более чем скромный ответ Виши, эльфка не без сарказма спросила:

— Что, в свободном доступе больше ничего не нашла?

— Не нашла, — призналась Виша. — А открывать военные архивы мастер инфоцентра отказался даже за большие деньги.

— И сколько ты ему предлагала?

— Тысячу экв. Братья подкинули мне на бедность, так что…

— Ясно. Что ж, Виша, не будет тебе сегодня зала Миравалей. Вместо него придется посетить музей военной истории. Тот, что при Академии. В Обители Памяти экспозиция бедновата.

Виша вытаращила глаза как только могла.

— Да кто ж меня туда пустит?!

— Деточка, просто возмутительно, насколько низко ты ценишь возможности дома Эредиа. Я, к твоему сведению, глава Совета Памяти и могу распоряжаться любыми музейными фондами и архивами. И мое появление в Академии никого не удивит, у меня там много друзей, некоторые достались в наследство от отца.

— Вы будете там прогуливаться, окруженная славой, а мне в каком-нибудь темном углу голову отрежут, потому что уши на ней не той формы… — тихо пробурчала Виша.

— Виша, не уши делают эльфа. К тому же ночью обычных посетителей в музей не пускают. Времени еще достаточно, так что

ступай пока в свою комнату и почитай.

Эльфка протянула девушке здоровенный том в фиолетовом переплете. Раскрыв его, Виша прочла название — «Военная история эльфов», и имя автора — Хадор Эредиа.

— Отец был блестящим историографом, — не без гордости сказала эльфка. — Сейчас это основной учебник военных историков-первокурсников.

И Више ничего другого не оставалось, как отправиться в комнату, где она не так давно ночевала, и приняться за чтение. Одолеть учебник за полдня и вечер — ей случалось и за меньшее время, но те учебники были не такими толстенными. И не такими интересными. Несмотря на то, что история войн совсем не привлекала Вишу, она не могла оторваться от книги, написанной боевым генералом Эредиа.

Рисунок на первом форзаце книги открывал мир тех эльфов, которые давно стали достоянием прошлого. Два короля — его величество Воздуха, за плечами которого подобно крыльям простирался плащ, и его величество Огня, держащий в руке пылающий факел. И две королевы — ее величество Воды, проливающая из фиала тонкий ручеек влаги, и ее величество Земли, украсившая свои косы венком полевых цветов. Под этими фигурками были нарисованы главы эльфийских кланов, числом более четырех десятков, каждый под своим гербом; особняком стояли вольные лесные стражи, вооруженные луками, показавшимися Више скорее изящной деталью их образа, чем оружием. Этот рисунок обрамляла гирлянда из листьев и цветов, когда-то традиционный, а теперь невозможный для эльфов растительный декор.

Последний форзац Виша разглядывала не менее получаса, стараясь запомнить изящно выписанную схему, изображающую новый мир. Шесть облеченных властью лордов и подчиняющиеся им общественные институты и сообщества. Первой была, разумеется, армия: эльфы-аспиды и орки-углежоги, на схеме их изображали две фигурки — легкая, с двумя мечами за спиной, и массивная, с тяжелым ранцем на плечах. Титул лорда-командующего армией не был наследуемым, его получали за исключительные боевые заслуги и талант стратега. По традиции особняком стояло подразделение «Симхан» — боевыми эльфийскими флюгами командовал лорд-воздухоплаватель. Он же занимался всеми делами, связанными с военной техникой.

Четыре лорда держали в подчинении тыл. Военную Академию возглавлял лорд-учитель; развитие науки, занимающейся исключительно военными нуждами, направлял лорд-наблюдатель, ему же подчинялись информационные центры.

Лорд-эконом имел в своем ведении весьма обширное ведомство: все городское хозяйство, гауптвахта, запасы продовольствия, арсеналы, склады военной химии. Лорд-целитель отвечал за работу медиков, изыскания фармакологов, также под его попечение было отдано душевное равновесие расы, и ни одно назначение на пост или перевод из гарнизона в боевой отряд, или из патруля в разведку не проходило без контроля его ведомства.

Возглавлял этот военный совет лорд-маршал, помогавший шести лордам находить общий язык, координировать свои действия и держать в состоянии постоянной готовности массивный военный механизм. Он обладал исключительным стратегическим мышлением, невозможной выдержкой, опытом и знаниями. Эта должность, как и остальные, была выборной; и если шестерых выбирали профессиональные сообщества, то лорда-маршала выбирали шестеро уже избранных.

Виша просидела над книгой весь день и весь вечер, с трудом оторвавшись на короткую трапезу. В результате она одолела ее более чем на треть, подолгу задерживаясь, чтобы хорошенько рассмотреть рисунки. Когда за окнами стемнело, за ней зашла профессор Эредиа.

— Что, захватывает? Достаточно на сегодня, нам пора. Вот, возьми это, тебе придется переодеться.

«Это» оказалось формой студента Академии. Виша не стала спорить и быстро надела темно-серые брюки, китель и черную рубашку. Они вышли в предвесеннюю, холодную и сырую ночь, сели в флюг (вел его все тот же молчаливый вишин провожатый) и вскоре очутились на небольшой музейной площади. Эредиа, не тратя слов, прошла мимо постового, охранявшего вход в музей, едва кивнув ему; Виша шла вслед за ней, не поднимая головы. Внутри было пусто, сумрачно и тихо.

— Общий свет я обычно не включаю. Экспозиции освещены точечно и только выигрывают от этого, а если понадобится, можно осветить отдельно зал. Пойдем. Можешь оторвать глаза от пола, на нем ничего интересного не валяется.

Что бы ни происходило потом в ее жизни, Виша никогда не забывала этот ночной визит в музей военной истории эльфов. Полутемные, иногда совсем мрачные залы, шаги, гулким эхом отлетающие от высоких потолков и каменных стен, выхваченные пятнами света голографические фигуры, застывшие в чеканных позах. Ей казалось, что волей странного волшебства она оказалась на страницах учебника Хадора Эредиа и идет сквозь главы, мимо рисунков, вдаль и вглубь.

Первый зал был посвящен самой первой войне, в которой приняли участие эльфы, и благодаря которой они стали

самостоятельной расой.

— Начнем с начала. То есть с мифологии. Какой же уважающий себя народ упустит случай породниться с богами?

И Вильма Эредиа жестом пригласила Вишу следовать за ней.

Когда они вошли в зал, он постепенно заполнился голограммами, изображавшими чудесных существ — похожих на эльфов, высоких и очень красивых, за плечами которых плавно ходили огромные крылья. Последними появились еще двое — одетая со сказочной роскошью женщина, судя по выражению лица не на шутку разгневанная, и мужчина, весь в сером, скорее печальный. Они стояли в центре зала, а крылатые создания окружили их, как растревоженная стая птиц.

— Никкар и Эвриала, дети Старших Богов, — оглядываясь по сторонам, уверенно сказала Виша. — И альвы. Те, кем были эльфы и орки до дня Гнева.

— Совершенно верно. И момент выбора — за кем идти и кому служить.

Эредиа прошла к стене, где в неприметной нише прятался пульт управления учебной программой и запустила следующую иллюстрацию мифологической истории мира.

Следующие голограммы проявлялись постепенно, располагаясь по кругу, и изображали грандиозные батальные сцены, которые — будь такая возможность — Виша могла бы рассматривать часами, поскольку очень любила всяких мифологических существ. А их в битве участвовало предостаточно: молодые виверны, грифоны, мантикоры… На одной из последних картин над телом погибшего альва склонялись те же бог и богиня, Никкар и Эвриала, любовники-враги. Они держали его за руки и постепенно альв исчезал. Поддерживаемые богами, с земли вставали две новые сущности — бескрылые, остроухие, разные и похожие одновременно эльф и орк. Они выпрямлялись и вставали, повернувшись спиной друг к другу, отталкивающиеся половины разбитого целого. Орк принимал из рук Эвриалы тяжелый меч, Никкар протягивал эльфу лук и стрелы.

— Мы приняли сторону порядка, они предпочли хаос. Признаться, всегда им завидовала. Идем дальше.

Эльфка отключила учебную программу и прошла в следующий зал.

За залом первой пра-войны следовала целая анфилада комнат, посвященных истории войн древнего мира. Залы чередовались — война с людьми, война с орками, война с людьми… и так далее. Вишу поразила экспозиция, посвященная Году Зимы — она увидела выстуженные, мертвые леса, эльфов,

лежащих в снегу, обратив белые лица, на которых не таял снег, к низкому зимнему небу, где вместо солнца сиял прозрачный черный кристалл с вырезанной вертикальной чертой — руной Иса.

— Это единственный случай, когда орки использовали магию в войне. Мы тогда сильно потеснили их, а жить им хотелось не меньше нашего. Так какая это руна, Виша?

— Иса. Руна льда. — Виша покраснела, вспомнив, как осрамилась со старшими рунами.

— Как ты видишь, собственно экспонатов в первых залах почти нет. И то, какие здесь могут быть артефакты? Перо из крыла альва? Меч короля Тенариана, разбившего войско Одайна и закрепившего за эльфами их земли? Орочья руна?

— Можно было бы сделать реплики, — подала голос Виша. Голограммы ей очень нравились, но вещей, которые можно потрогать руками, все же не хватало.

— Мы не держим в этом музее реплик, — несколько надменно ответила профессор Эредиа. — Так что не вздумай в следующих залах цапать экспонаты без разрешения.

Военная история нового времени начиналась для эльфов после падения Лис-Арден. Залы, отведенные этому периоду, отделялись комнатой, ничем не украшенной и совершенно пустой. Как если бы прошлое не перестало что-то означать, но перестало быть значимым. И можно было начинать заново, писать хронику на чистом листе, заполнять экспонатами пустые комнаты. Над входом в следующий зал Виша прочитала надпись: «Войны закончились. Началась Война».

Профессор Эредиа проводила Вишу по залам, посвященным эволюции вооружения и показывала, как менялось оружие эльфов, приспосабливаясь к новым врагам.

— Мы так и не нашли в себе сил отказаться от легких мечей и искусства танца со смертью; конечно, стальные клинки пришлось модифицировать. А с другой стороны, вся эта стрельба, столь любимая людьми, в новой войне оказалась совершенно бесполезной. Стрелять в дерево — что за нелепость… а вот перерубить его — совсем другой разговор. Вот, полюбуйся, с чего начинали первые аспиды.

На открытом стенде размещались повидавшие виды, послужившие на своем веку плазменные мечи — такие вышли из употребления не менее полусотни лет назад. Тогда еще не умели создавать достаточно стабильное магнитное поле, удерживающее плазменный клинок, и поэтому надежностью это оружие не отличалось; теперь его не без снисхождения именовали «горелкой» и использовали разве что в показательных целях.

— Смотрится трогательно, не правда ли? Эти игрушки из последней партии, их разрабатывал тогдашний лорд-наблюдатель в бытность свою обычным оружейником.

И Эредиа взяла со стенда старинный меч аспида — в отключенном состоянии он выглядел как эфес без лезвия, с полой рукоятью и массивной гардой. В полой рукояти, выполнявшей функции воздухозаборника, крепился искусственный кристалл. Эльфка щелкнула защитной задвижкой и кристалл соприкоснулся с воздухом. Виша инстинктивно шагнула в сторону.

— Не бойся, я в молодости была не худшей в отряде.

Воздух уходил в рукоять с тугим свистом; поверхность гарды, защищающая руку, была покрыта слоем металла с измененной структурой, способным генерировать постоянное и мощное магнитное поле, удерживающее вырывающийся плазменный клинок. Вильма Эредиа взяла второй, парный меч, запустила и его. Когда она, двигаясь легко и бесшумно, проделала первые каты аспида, Виша поневоле залюбовалась — настолько хороша была эльфка.

— Было время, когда это представлялось самым лучшим, на что мы способны. — Эредиа отключила мечи и вернула их на место. — Пока не появился тихоня Кейри Гааль, сумевший переубедить нас. Ты когда-нибудь видела аспида в боевых перчатках в действии? Нет? Сейчас исправим.

Эльфка подошла к стоящему особняком стенду, сняла с распорок перчатки — такие же, как у Виши, только с блестящей, словно металлизированной внутренней поверхностью, и надела их. А потом привычным щелчком пальцев скинула с ушей серебряные наконечники и шагнула в расположенную рядом со стендом учебную голограмму.

Виша стояла, раскрыв рот, заворожено наблюдая танец аспида. Со стороны казалось, что эльфка двигается, плавно поводя руками; ладони ее были напряжены, но пусты. И только рассекаемые напополам стволы, летящие во все стороны ошметки веток и брызги листьев указывали путь невидимых клинков. По воле аспида они могли становиться широкими или узкими, длинными как у старинного меча-двуручника или короткими как кинжал. Такое волшебство было возможно благодаря природным способностям эльфов и гению Кейри Гааля. Из учебника Хадора Эредиа Виша узнала, что Кейри Гааль — к слову сказать, в настоящее время возглавляющий ведомство отрав, тех милых девушек, одна из которых недавно чуть не покалечила Вишу, изобрел карпалим — вещество, изготовляемое из живых поющих кристаллов.

В нынешнем Обитаемом мире от кристаллов зависело очень

многое. Когда-то, давным-давно, живые поющие кристаллы использовали в своих практиках танцовщицы Нимы; тогда не особо задавались вопросом, каким образом кристаллы рождают мелодию, синхронную настроению и характеру хозяйки, и как еще их можно использовать. Знали только, что кристаллы сами выбирают себе танцовщицу, и у одной будут звучать как хор мартовских котов, а у другой смогут уловить тончайшие оттенки эмоций и передать их чудесной музыкой. Гораздо позднее, уже во времена после разделения земель, люди первыми смогли использовать кристаллы как источники энергии, настраивая их на особую частоту звучания. Живых, природных кристаллов было не так много, поэтому пришлось озаботиться созданием их искусственных аналогов. В этом, как и в добыче живых кристаллов, смогли преуспеть только цверги. В своих подземных лабораториях они выращивали источники энергии, от которых зависел весь мир.

В стеклянные формы, дно которых было покрыто слоем порошка из драгоценных камней, растертых в мельчайшую пыль, помещали живые камни. После долгой, мучительно тонкой настройки они начинали звучать так, что частицы драгоценной пыли спекались в мелкие кристаллы, подобные по своих свойствам породившему их. Разумеется, они были намного слабее и далеко не такими чуткими, но все же их было достаточно — и они были намного дешевле.

Кейри Гааль, бывший обычным военным химиком, непривычно тихим и незадиристым для эльфа, в один прекрасный день продал все, что осталось от фамильных ценностей (его предки до дня Огненной Купели были ювелирами), и купил один живой поющий кристалл в личное пользование. Продавшего его цверга, вероятно, хватил бы удар, если бы он увидел, как Кейри распорядился своим новым приобретением: безжалостно растер его в мельчайшую пыль, на основе которой и начал эксперименты. Он поставил на кон все — и выиграл. Созданный Кейри Гаалем материал, карпалим (на староэльфийском это означало «проворный»), нанесенный на внутреннюю поверхность перчаток, позволял эльфам концентрировать ту часть природных сил, которые они одни способны были улавливать, и преобразовывал ее в силовые поля. Эльфы никогда окончательно не отказывались от практики общения с родными стихиями, и теперь это сослужило им добрую службу. А острые уши помогали им находить невидимые потоки и вихри; чтобы не раздражать их чувствительность лишний раз, эльфы-аспиды носили металлические, обычно серебряные наконечники.

Закончив демонстрацию, Эредиа вышла из голограммы,

посмотрела на свою оценку (она оказалась максимально высокой), довольно хмыкнула и, аккуратно сняв, уложила боевые перчатки на место. Потом она закрыла чувствительные уши и, не без удовольствия выслушав вишины восторги, направилась дальше.

Следующий зал был отведен углежогам. Орки были первыми, кто пришел на помощь эльфам после падения Лис-Арден. Они собрали выживших, выходили раненых, обороняли границы выжженной пустоши от остатков армии Леса. Эльфы приняли их помощь — просто и спокойно, как принимает старший брат руку младшего, который, когда пришла беда, был очень далеко, но вернулся, как только смог. С тех самых пор эльфы и орки шли одной дорогой; возможно, по мнению многих она вела в никуда, но иного пути для себя потомки альвов не видели.

В этом зале Виша увидела, как менялись тяжелые доспехи углежогов, защищающие их от попадания дефолиантов и пламени.

— Вот, попробуй, примерь, — и Эредиа опустила на плечи Више подобие рюкзака, вместительные баллоны для напалма или дефолианта. Даже пустые, они легли весьма ощутимо, заставив девушку согнуться.

— Держи, — и в руках Виши оказался распылитель, крепящийся к гибким металлическим шлангам, отходящим от баллонов. — И попробуй выпрямиться.

Виша честно попыталась — но и заплечный груз, и тяжесть в руках тянули ее вперед и вниз. Эльфка засмеялась и помогла девушка снять оружие.

Походив вдоль экспозиции, налюбовавшись доспехами — и опаленными боевыми, и нетронутыми выставочными, Виша спросила профессора Эредиа:

— Скажите, а почему здесь нет посвящения павшим в день Огненной Купели? Это была страшная битва, но разве можно представить военную историю эльфов без нее?

Эльфка ответила не сразу.

— Этот зал открывают один раз в году. Мы справляем свою тризну в одиночестве, не приобщая к ней остальной мир. У меня нет свободного доступа в этот зал, а даже если бы и был… идем дальше, Виша.

Следующий зал был огромен — иначе размещенные в нем экспонаты, боевые флюги, попросту не убрались бы. Это был единственный зал реплик — в мире, где ресурсы были обозримо исчерпаемы и немногочисленны, было бы непозволительной роскошью держать рабочие машины без дела. Виша, с позволения своего профессора, залезла в каждый флюг, чувствуя себя

ребенком на параде военной техники.

В свое время, еще до ее встречи в Джесхетом Ломаром, альх-Хазред, желая произвести на нее впечатление, подолгу рассказывал ей об устройстве флюга.

Насколько моргенштерны были велики и медлительны, настолько же флюги были изящны и быстры. К вытянутой округлой капсуле крепились два крыла, способных поворачиваться вокруг своей оси и при этом достаточно гибкие. В крыльях располагались небольшие двигатели, работающие на искусственных кристаллах, настроенных под определенный живой, находящийся в самой капсуле и оживляющий основную силовую установку. Управление флюгом обеспечивали перчатки, подобные боевым. Благодаря карпалиму крылья флюга слышали руки пилота и повторяли все их движения.

Виша, сидя в реплике последней модификации боевого флюга, вспоминала, как альх-Хазред демонстрировал ей свое мастерство.

Чтобы разбудить поющий кристалл, флюгеры использовали камертоны; они носили их на шее и берегли как зеницу ока. Обычно цверги, находя живой кристалл, достаточный для флюга, выращивали под него комплект вспомогательных кристаллов и настраивали камертон; однако бывали случаи, когда флюгеры подстраивали к поющему кристаллу свой собственный голос и определенные образом пропетая терция запускала основную силовую установку. Альх-Хазред предпочитал камертон. Он ударял им по тяжелому золотому браслету, который получил в наследство от деда и никогда не снимал. Затем шаммахит надевал управляющие перчатки, разминал пальцы и кисти, дожидаясь, пока звучание поющего кристалла у него над головой не превратится в несложную мелодию, напоминающую тягучую музыку его утерянной родины. Он укладывал руки на подлокотники кресла, начинал тихо подпевать кристаллу и в какой-то момент его флюг словно просыпался.

Аль-Хазред был отличным флюгером, бесстрашным и доверчивым. Поднимая флюг, он плавно выворачивал ладони ребром к полу и крылья машины повторяли его движения, как если бы были его живым продолжением. Уже в воздухе флюгер задавал положение крыльев, от которого зависели скорость полета и возможные маневры; если флюгер сближал ладони, скорость мгновенно возрастала, разводил — и флюг замедлял движение. От того, насколько были синхронизированы кристаллы самого флюга, карпалим перчаток и интуиция флюгера, насколько гармоничным было их сочетание, зависели все качества полета.

Профессор Эредиа позволила Више оставаться в музее почти до утра. Она не стала напоминать ей, что завтра чуть свет на работу, что нельзя за один раз все углядеть и все потрогать. Похоже, эльфка сама любила ночной музей и не спешила его покинуть. И только когда Виша, присевшая в зале трофеев рядом с симбиотом, залитым в прозрачный стеклопластик, клюнула носом так, что чуть не свалилась на пол, профессор решила, что на сегодня хватит.

Она сама довезла девушку до дома. Засыпая на ходу, Виша добрела до своей квартиры. В длинном коридоре было тихо, все обитатели спали крепким предутренним сном. А у вишиных дверей, сидя на полу, прислонившись спиной к стене, так же крепко спал кто-то в ядовито-оранжевом комбинезоне брохуса.

— Тойво? — даже сквозь сон Виша почувствовала весьма чувствительный и заслуженный укол совести. Она совсем забыла о назначенном свидании; чудеса эльфийского музея затмили все.

— Виша? — брохус мгновенно проснулся, протер глаза каким-то детским жестом и улыбнулся. Похоже, он совсем не сердился. И Више стало еще стыднее.

— Прости меня, — девушка протянула брохусу руку, помогая встать с пола. Продолжая несвязно извиняться, она открыла дверь, пропустила гостя вперед. — Я даже не знаю, что и как сказать…

— Будет тебе, Виша. — Тойво с интересом оглядывался. — Главное, мы все-таки увиделись. Ты уж извини, но я ужасно спать хочу. Я ведь не так давно пришел, в «Шестеренке» оказалось вполне весело… — и он душераздирающе зевнул.

— Ох, и я тоже. Я всю ночь провела в музее, такого нагляделась… нет, на работу я завтра не пойду. Усну под кустом, и какой от меня толк? — и Виша зевнула не менее выразительно.

— Тогда укажи мне место, куда можно упасть, и до завтрашнего утра я тебя не побеспокою.

Виша с минуту смотрела на брохуса, потом покачала головой и улыбнулась.

— Ну уж нет, сегодня моя очередь затащить тебя в свою кровать. Она прямо за тобой. Туда и падай. Места нам хватит, а вот за одеяло не ручаюсь.

Она подошла к постели, из последних сил стащила с себя сапоги, брюки и китель, через голову стянула рубашку и упала на подушки. Тойво, не сказать, чтобы очень уж озадаченный, подошел к противоположному краю кровати, скинул свой форменный комбинезон и обувь, и опустился рядом с Вишей. Когда оба улеглись и одеяло было по справедливости — две трети девушке, жалкий огрызок брохусу — поделено, Тойво успел

только взять Вишу за руку… уже через минуту оба спали.

Виша проснулась ранним утром, разбуженная назойливым писком бестактного будильника. Машинально повозив ладонью по полу, она нашарила пискливца и одним точным хлопком заставила замолчать. Потом все-таки встала, добрела до кухни, напилась воды и одним глазом заглянула в коммуникатор. Ее ждали два сообщения: от Сорью и от профессора. Сорью уложился в одно предложение — «Объявляю тебе благодарность за три месяца безупречной службы и поощряю одним выходным днем и премиальными в размере ста экв». Профессор обошлась тремя словами: «Сегодня уроки отменяются». Виша посмотрела на кровать совсем другими глазами, в один момент оказалась под одеялом, прижалась к безмятежно спящему брохусу, наслаждаясь теплом спящего тела, и преспокойно уснула.

Проснулась она просто от того, что выспалась; такого с ней не случалось уже давно. Потягиваясь, Виша перевернулась на другой бок и увидела, что Тойво все еще спит, повернувшись к ней спиной. Она тихо подвинулась ближе, прижалась к нему и провела рукой по прохладному плечу. Више стало немного стыдно, что брохус всю ночь проспал не укрытый, и, возможно, замерз; она накинула на него одеяло и прижалась к его спине еще крепче.

— Так вот как просыпается твоя совесть… — Тойво тихо засмеялся, повернулся к Више, — Она является в облике теплого одеяла…

Виша засмеялась в ответ, уткнулась носом в шею брохуса и несильно дернула его за ухо; Тойво же, воспользовавшись ее доверчивостью, резко дернул край одеяла и поспешил подмять его под себя. Такого вероломства Виша простить не могла и поэтому не без удовольствия стукнула брохуса по голове подушкой. Через минуту кровать была похожа на фабрику постельных принадлежностей после взрыва, в ней кипела замечательная драка, закончившаяся еще более замечательным примирением. И снова Више было хорошо как никогда; ее наполняла уверенность в том, что эта толика счастья — для нее.

Тойво покинул Вишу, когда было уже сильно за полдень, только после того, как его вызвал сам Сорью и мягко, но настоятельно предложил явиться для выполнения своих обязанностей. Брохус нехотя встал, оделся, наскоро выпил в кухне какого-то вишиного травяного чаю, подошел к двери и обернулся, потому что в затылок ему врезалась пущенная меткой рукой маленькая подушечка… Виша лежала на животе, подпирая подбородок кулачками и болтая в воздухе босыми ногами. Она сверкнула вишнево-карими глазами из-под белесой челки и

показала Тойво язык. Брохус не устоял и подошел к ней.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — призналась Виша, прижимаясь к оранжевому комбинезону Тойво. — Вот не хочу, и все.

— Ну… если ты позволишь, к вечеру я вернусь. — Тойво взъерошил вишины волосы, отчего она стала похожа на обесцвеченного ежика. — Ты только не пропадай на всю ночь, или оставь мне пару подушек под дверью, а то пол в коридоре довольно-таки жесткий.

— Договорились, — Виша поцеловала брохуса в кончик носа. — Пожалуй, я буду ждать тебя здесь. Так что завидуй мне.

И она плюхнулась в постель и укуталась по самые уши.

В течение следующих двух недель брохус каждый вечер возвращался в общежитие наемных работников. День он проводил под землей, выполняя работу для Сорью, потом наскоро обедал в общей столовой, стараясь не привлекать к себе внимания, потом снова делал что-то, облегчающее жизнь цветоводов. И спешил к Више, которая к тому времени уже возвращалась от профессора Эредиа. Они проводили сумеречные, лиловые вечера ранней весны, сидя на широком низком диване, закутавшись в мохнатые покрывала, обложившись десятком подушек и предусмотрительно заварив целый чайник настоящего липового цвета — Виша сама собирала его и хранила целый год для особых случаев. Примерно для таких, как этот. Они говорили обо всем на свете; брохус с удовольствием слушал вишины рассказы о вылазках в Лес, о жизни на ферме, об учебе у эльфийского профессора. О себе Тойво рассказывал немного, отчасти потому, что о жизни брохусов Виша знала от своих братьев, отчасти же потому, что предпочитал слушать и спрашивать. Оба отдыхали рядом друг с другом, ни одна забота не смела потревожить их, и постепенно воздух Лис-Арден становился для них не таким уж и горьким.

В этот вечер Виша задержалась против обычного — профессор допустила ее до работы в зале Миравалей и оторваться от архивов эригонских ратманов было весьма сложно. Когда она вернулась домой, Тойво ждал ее, меряя шагами комнату из угла в угол.

— Вечер, Тойво, — Виша кинула на вешалку непромокаемую куртку, стащила сапоги и подошла к брохусу. — Сердишься, что я опоздала?

— Вечер, Виша, — брохус улыбнулся, отчего его худое некрасивое лицо посветлело, и растрепал ее волосы. — Хочу пригласить тебя на прогулку.

— Куда?! — поразилась Виша. — На прогулку? Хороша парочка, нечего сказать — брохус и цветовод… да мы и двух

кварталов не пройдем, как нас какой-нибудь аспид прирежет. Я, конечно, могу переодеться в штатское и прикинуться запоздавшей туристкой, но вот тебя, как не переодевай, не замаскируешь.

— Собственно, я и не предполагал, что мы отправимся прогуливаться по окрестностям Академии. Я тут нашел одно место… хочу, чтобы ты его тоже увидела.

— Ух ты. — Виша уважительно посмотрела на брохуса. — Куда это тебя занесло? Я, по правде говоря, заметила, что ты немного сам не свой последние пару дней. Засыпаешь из рук вон плохо даже для брохуса, вопросы невпопад задаешь… как будто научился нервничать. Что-то случилось?

— Надо же… — Тойво поцеловал девушку. — Какие мы наблюдательные. Мне тут новую работу предложили. Само по себе удивительно, от нас обычно спешат избавиться, сделал свое дело — и выдавливайся, прыщ. Не порти общей картины. А тут сам лорд-наблюдатель…

— Что ты сказал?! — Виша даже рот открыла от изумления. — Кто-кто?!

— Лорд-наблюдатель. Между прочим, он вполне лоялен в общении, я бы сказал, даже уважителен.

— И как ты к нему попал?

— Получил приглашение на коммуникатор. Сначала подумал, что это чья-то дурацкая шутка, но когда через полчаса за мной прилетел его личный флюг, пришлось поверить. Он и предложил мне — а что, сама увидишь. Одевайся и пошли.

Виша, только что не повизгивавшая от любопытства, мигом переоделась и вскоре они уже сидели в вагоне наземки, следя как проплывают за окном огни Лис-Арден.

Ехать пришлось довольно долго; Више показалось, что они уже пересекли городское кольцо и оказались за пределами города. Когда она высказала свое опасение спутнику, он только улыбнулся:

— Мы уже минут десять как покинули Лис-Арден. Скоро приедем. Дальше района ангаров и химзаводов наземка все равно не идет, так что прогуляемся по разнотравью, — мрачно пошутил брохус. — Пройдемся пешком, там не очень далеко.

— До чего не очень далеко? — спросила Виша.

— До испытательных полигонов.

— Ничего себе. Знаешь, на такие свидания меня еще никто не приглашал — ночью шарахаться за городом, шариться по мусорным пустошам в поисках эльфийских полигонов, про которые такие слухи ходят, что я бы и днем туда носа не сунула.

— Я рад, что заинтересовал тебя. — Ухмыльнулся Тойво. — А то ты совсем заскучала…

Довезя своих пассажиров до последних ангаров с боевыми флюгами, наземка сверкнула боковыми полосами сигнальных огней и повернула обратно. Тойво и Виша наглухо застегнули куртки, натянули капюшоны и, переглянувшись, отправились вглубь темнеющих за ангарами мусорных пустошей. Тойво прихватил пару люминесцентных фонарей, к тому же было довольно ясно и лунный свет немного разбавлял темноту весенней ночи. Они шли быстро, почти не спотыкаясь и не задерживаясь; Више было не привыкать быстро и тихо передвигаться в темноте, а брохус, казалось, не шел, а парил над землей.

— Как здесь тихо, — почти пожаловалась Виша, обходя разросшийся приземистый кустарник. — В Лесу все дышит, все говорит… а тут как на погосте. Хоть бы травка какая прошуршала.

— Это точно. Тишина здесь мертвая. А значит, неприятная. — Заключил брохус. — Уж я-то знаю, что говорю. Хотя… может, это они только при нас так затихли.

— И стоят нам страшные рожи в спину. — Виша взяла брохуса за руку. — Пошли отсюда побыстрее.

— Уже почти пришли. Видишь ту громадину справа? Это личный полигон лорда-наблюдателя. У меня есть пропуск.

— А у меня? — споткнувшись, Виша остановилась. — Мне что, ползком туда пробираться?

— Зачем? У тебя есть я. — И Тойво тихо засмеялся. — Твоего присутствия никто не заметит. Я блокирую их восприятие. Ты только стой рядом и старайся двигаться синхронно со мной. Сможешь?

— Смогу. Надеюсь, ты с места в пляс неожиданно срываться не будешь? — и Виша дернула брохуса за ухо. — Спасибо тебе, Тойво, давно я так не развлекалась. Пожалуй, с тех самых пор, как встретила в Лесу клыкастого любопытного мальчишку.

— Кого? — поразился брохус. — В Лесу — мальчишку?

— Ну да. — Самодовольно ответила Виша, улыбаясь тому, что смогла удивить брохуса. — Потом как-нибудь расскажу. Кажется, мы пришли.

Действительно, они стояли в тени, которую пересекал ровный луч прожектора, освещающий вход в невысокий ангар. У входа стоял часовой, над дверью была расположена автоматическая турель.

— Теперь веди себя тихо, пока я не разрешу. На счет три — идем вместе. Раз… два…три… — и Тойво спокойно шагнул в полосу света. Виша, замирая и кусая губы, шагала след в след, стараясь даже дышать в такт брохусу.

— Личное разрешение лорда-наблюдателя. — Тойво протянул часовому свой пропуск. Тот просмотрел его, невозмутимо оглядел брохуса и кивнул, разрешая пройти внутрь. Виши он в упор не заметил, как если бы она была тенью брохуса, волочащейся за ним по земле.

Как только они вошли, брохус сделал несколько шагов и остановился. Виша ткнулась ему в спину и недоумевающее пискнула.

— Здесь слишком много посторонних глаз, — тихо сказал Тойво, кивая на камеры слежения, расположенные по периметру коридора. — Смотри, что у меня есть.

И он вытащил из кармана небольшую металлическую штуковину, похожую на растолстевшего майского жука. Брохус сжал «жука» пальцами, тот щелкнул, по его спинке пробежала синяя полоска.

— Все, теперь нас не видно. Эта штука затирает все, вместо движущегося изображения остаются только помехи. Пошли.

В самом здании они миновали еще два поста охраны, спустились по пандусу вниз и остановились у массивных дверей. Тойво набрал код («Лорд не очень осмотрительно набирал его у меня на глазах… а я помню числа до пятидесяти символов длиной…» — прошелестело в голове у девушки менто брохуса), дверь бесшумно ушла в стену и они вошли в темное, прохладное помещение. Брохус повернул выключатель и запустил мягкое верхнее освещение, потом предусмотрительно закрыл дверь и, взяв Вишу за руку, сделал приглашающий жест.

— Проходи. Не скажу — будь как дома, тебе это ни к чему, но можешь хорошенько осмотреться. — Он выглядел довольным, прямо как мальчишка, забравшийся в лабораторию класса химии накануне общего практикума.

Виша огляделась. Помещение было довольно большим, по периметру располагались лабораторные столы, несколько инфокапсул, какое-то оборудование, отчасти даже не распакованное и не настроенное. Посреди находилось нечто, никогда воочию Вишей не виденное, но настолько хорошо знакомое по рассказам братьев, что она безошибочно определила его назначение.

— Да это же пост брохусов! — И она изумленно оглянулась на Тойво, ища подтверждения.

— Ага, — брохус кивнул и добавил: — Не совсем обычный… не стандартный.

— Я и обычного-то не видела… — Виша подошла поближе.

Пост брохусов представлял собой два десятка специально оборудованных мест, расположенных по кругу, замкнутых в

кольцо. Рабочим местом брохуса было кресло, где он мог провести положенные ему четыре недели транса, подключенный к системе жизнеобеспечения, а также к общей для его соратников ментальной сети.

— Хочешь, покажу как мы работаем?

И Тойво Маарви привычно устроился в ближайшем кресле: уложил голову на выгнутую эластичную мембрану, сделал вид, будто подключает к височным дискам разъемы связи, затем вытянул ноги, скрестил руки на груди, закрыл глаза и захрапел. Вид у него был безмятежный и бессовестный.

— Так вот как зарабатываются самые большие деньги в мире! — Виша захихикала. А потом представила своих братьев — как они полулежат в таких же креслах, от их спин тянутся полые трубки, уходящие куда-то вглубь системы жизнеобеспечения, лица сосредоточены и печальны. А рядом такие же брохусы, и их выбритые головы венчают полукруглые обручи, заходящие с затылка на виски. И все обручи соединены в цепь, закольцованы, чтобы ничто не потревожило, не поколебало волю брохусов, хранящую покой всего города. Виша представило себе это, и ей стало грустно. Она присела на соседнее кресло, на самый краешек.

— Что случилось? — Брохус открыл глаза и смотрел на Вишу. — Откуда вдруг печаль?

— Не знаю. Вспомнила братьев… невесело у вас тут.

— Как сказать. Иногда случаются всякие экстренные случаи… — и брохус сделал большие глаза. — Но обычно… да, особого веселья на вахте нет.

— Послушай, — у Виша расширились глаза — до нее, наконец, дошло. — Небо мое синее, это что ж такое? Пост брохусов — у эльфов? Зачем?! У них же нет таких способностей!

— Нет, — подтвердил Тойво, улыбаясь.

— И они вас терпеть не могут, считают, что вы только мешаете вести их священную войну!

— Именно так, — брохус улыбался еще шире.

— Тогда за каким… они все это затеяли? — и она выразительно обвела взглядом зал. — Это же стоило уйму денег, и вообще…

— Да уж, немало. Особенно если учесть то, чего ты еще не заметила. Как говорится, найдите десять отличий. — И он выразительно повел руками.

Виша огляделась — уже внимательнее, стараясь вспомнить все, о чем рассказывали Тень и День. Она осмотрела соседнее кресло и брови ее поползли вверх.

— Тойво, они же все именные! Смотри, на мембране имя —

Клаус Рифен. А здесь, — она изогнулась и заглянула за плечо, — о, а здесь ты — Тойво Маарви. А у тебя кто?

— У меня — Лори Штеллер, мой учитель, между прочим. Он среди нас самый старший. И самый сильный. Это обычные брохусы с годами слабеют, а мы только набираем обороты…

— Погоди-ка… так этот пост рассчитан только на карателей?! — Виша встала с кресла и попятилась.

— Ну да. Там дальше имена моих хороших знакомых, с кем-то учился, с кем-то работал.

— Ты так спокойно говоришь, будто вы в каком-нибудь цверговском банке штаны просиживали. Ничего себе работка у вас…

— Работа как работа. Скажешь, твое собирательство безопаснее? И не отвлекайся, ты пока только одно отличие нашла.

— Ну ладно. Итак. Вместо двадцати мест — десять. Раз. Кресла именные, видимо, рассчитаны на конкретных брохусов, откалиброваны, так сказать. Два. Все брохусы уровня карателей. Три. А это что такое?

Виша подошла поближе к оставленному креслу, залезла в него с ногами, стараясь заглянуть вглубь, за спинку.

— Насколько я знаю, обычный пост предполагает соединение всех брохусов в единую цепь, для этого эти ваши короны жуткие. А тут, смотри, от каждого звена идет что-то вроде кабеля… и все сходится в… Тойво, это что такое?

— Ты сто раз это устройство видела, Виша.

— Ну да. Только оно было раз в десять меньше. Ты хочешь сказать, что это действительно емкость для живого кристалла?

— Именно так. Как мне объяснил лорд-наблюдатель, самый лучший усилитель — мощный, чистый, надежный — это именно кристалл. Я пока не до конца понимаю, чего он пытается добиться, замкнув нас в цепь, да еще выведя наше менто через такой усилитель. И где он такой кристалл возьмет, ума не приложу.

— А я знаю. — Виша перестала разглядывать сплетения проводов и села. — И ты тоже. В храме Нимы, в Иреме. Я не так давно штудировала один труд по сакральной скульптуре, там храму Нимы немало внимания уделили. Я помню, что на вершине храма была площадка, куда допускались только сами танцовщицы, будто там проводился некий ритуал, во время которого они танцевали перед своей богиней. И там была статуя Нимы, по свидетельствам очень красивая, и в руке у нее был поющий кристалл, величиной с ладонь. Храм Нимы до последнего оставался действующим и при этом закрытым. Так что

некая вероятность того, что кристалл все еще в руке богини, есть.

— И именно за ним нас и пытались отправить в Ирем. Смотри-ка, а у наших эльфов уже появились конкуренты…

— Ну хорошо. — Виша снова встала и прошлась вокруг поста. — Допустим, что храм сохранился, и статуя цела, и кристалл на месте. И даже больше — мы добрались до него и привезли сюда, и запустили всю эту установку. Зачем? Тойво, какое у всего этого назначение?

— Спроси чего полегче, Виша. — Брохус пожал плечами и собрался было еще что-то добавить, но вдруг замер, настороженно прислушиваясь к тишине ангара. Через несколько секунд он вскочил и, схватив Вишу за руку, потащил ее к стоящему в углу шкафу.

— Эй, ты чего?

— Тихо! — прошипел брохус. — Сюда идут, крапиву им под простыни! Спрячься здесь, — и он втолкнул ее в недра шкафа, предназначенного, по-видимому, для служебной документации, — я постараюсь выпроводить их. Не бойся, я тебя не оставлю. Все, сиди тихо.

Он оглянулся и закрыл дверь шкафа.

С минуту Виша пыталась устроиться поудобнее в углу, стараясь занять минимум места; и только она прекратила копошиться и замерла, как комочек пыли, за пределами шкафа зазвучали голоса. Виша затаила дыхание и прислушалась. Один голос — негромкий, немного встревоженный — это Тойво, другой — удивленный, но вполне дружелюбный, а вот третий… резкий, холодный и такой знакомый. Голос Вильмы Эредиа. Виша зажмурилась.

Тойво поприветствовал эльфов и попытался объяснить свое присутствие любопытством и желанием немного привыкнуть к новой технике. Судя по тому, что обладатель незнакомого Више голоса не стал хвататься за штатное оружие и звать охрану, объяснения были поняты и приняты, и вскоре и брохус, и эльф начали обсуждение какой-то из деталей установки; как оказалось, Тойво обнаружил немалые познания в технике. Но удивляться Више было некогда, поскольку второй визитер, насколько она могла определить по отчетливому постукиванию каблуков, начал обходить залу, останавливаясь перед собранным оборудованием. Прошло не так много времени (Виша даже не успела испугаться как следует), когда шаги остановились перед злополучным шкафом. Девушка мысленно распрощалась со всем сущим.

— Какое ничтожное содержание для такого обширного вместилища. — В проеме распахнутой дверцы Виша, сквозь зажмуренные ресницы, видела знакомый силуэт. — Зачем такой

огромный шкаф? Неужели вы предполагаете, что после этого опыта останется настолько много документации?

— Шкаф стандартный, Вильма. — Лорд-наблюдатель даже не обернулся. — Лучше обратите внимание на усилитель менто-сигнала. Не слишком ли велико гнездо для кристалла?

— Хорошо. — Эльфка захлопнула дверцу шкафа и направилась к говорящим. Виша выдохнула и стала похожа на сдувшийся воздушный шарик. Эльфы пробыли в зале брохусов еще около получаса, после чего ушли, оставив Тойво привыкать к своему именному креслу.

— Ты жива? — брохус открыл дверцу и присел рядом. — Жива… Когда она сунулась сюда, я думал, у меня глаза из орбит вывалятся.

— А я думала, что вообще умру. — Виша приоткрыла глаза. — Они ушли?

— Ушли. Может, и мы пойдем? Хватит с тебя приключений на сегодня.

— Вполне. Помоги мне встать, кажется, я от страха забыла, как ходить.

Тойво помог ничтожному содержанию покинуть обширное вместилище и оба они уселись в кресла, бессильно откинувшись на спинки. На вишином запястье запищал коммуникатор.

— Ну кто еще, в такой час?!.. — но, поглядев на мерцающий экран, девушка осеклась. — Тойво, это профессор Эредиа. Ты ведь не дашь ей меня убить, правда?

И она открыла сообщение.

— Странно. Профессор приказывает нам сейчас же идти в ангар боевых флюгов. И все. Никаких объяснений, кроме указания, как туда пройти. Что будем делать?

— Я так думаю, выбора у нас нет. Идем, куда позвали. Похоже, мы угодили в историю.

Часть вторая

Глава первая. Приключение

Выйдя из здания той же дорогой, что и пришли, они направились прямиком к ангарам, темневшим в отдалении приземистыми громадами. Ходьбы было около получаса; все это время они промолчали, обдумывая как бы им выкрутиться. Очутившись возле указанного ангара, они остановились, потом, не сговариваясь, крепко-крепко обнялись и стояли так несколько минут. Тойво первым разомкнул объятия — но только для того, чтобы поцеловать Вишу. Прошло еще несколько минут.

— Ну что, пойдем? Перед смертью не надышишься. — И брохус взял девушку за руку и решительно повел ее вглубь здания.

Как только они вошли, раздался громкий щелчок и под сводами ангара загорелись длинные трубчатые лампы. Тойво и Виша поневоле зажмурились, ослепленные ледяным, пронизывающим светом. Когда они проморгались и смогли спокойно оглядеться, то оказалось, что ангар, рассчитанный на несколько десятков боевых флюгов, пуст, если не считать пары довольно потрепанных машин, стоящих по левую руку от входа. Правда, рядом с ними стоял еще один флюг, не эльфийский, выглядящий как свежеоблизанный леденец.

— Где же все? — с комичным недоумением спросила Виша.

— А ты ожидала, что тебя здесь армия поджидает? — знакомый голос раздавался со стороны эльфийских машин. На крыле одной из них сидела профессор Эредиа, на плече ее дремала сова; кивком головы эльфка подозвала к себе пришедших.

— Это новостройка. Предназначена для подлежащих капитальному ремонту флюгов. Я надеялась, что у меня есть еще хоть неделя, чтобы успеть подготовить тебя, Виша. Но, судя по тому, что я сегодня увидела, у меня и часа нет.

Эредиа свесила длинные ноги с крыла флюга и спрыгнула наземь; потревоженная Уху бесшумно взлетела, сделала круг под потолком ангара и опустилась на плечо законной владелицы.

— Опять же, то, что вы оба здесь — редкая удача. Иначе мне пришлось бы вызволять Тойво, добром бы его не отпустили. А еще одного карателя его уровня им придется поискать. О, а вот и ваши спутники.

Брохус и Виша обернулись. В ангар вошли трое — два эльфа, одетые в мундиры подразделения «Симхан», белые с темно-синими оплечьями, и шаммахит.

— Виша! И ты здесь! — Шаммахит без церемоний обнял

девушку, потом поклонился брохусу.

— Привет и тебе, альх-Хазред, — все еще не пришедшая в себя Виша во все глаза глядела на эльфов — узнать в разодетых флюгерах виденных в чем мать родила Ику и Иво было не так легко. — И вам, господа хорошие. Тойво, ты хоть что-нибудь понимаешь?

— Догадываюсь смутно. — Тойво крепко сжал ее пальцы. — Может, спросим у профессора Эредиа? Вряд ли кто-то лучше нее знает, почему и зачем мы здесь.

— Разумные слова, Тойво Маарви. Времени у нас немного, поэтому слушайте внимательно. Мы — я и еще несколько членов Военного совета, их имена вам знать ни к чему — берем на себя ответственность отправить вас с заданием, тем самым нарушая волю всего остального совета и, возможно, обрекая себя на смерть. Это мы обсуждать не будем; Виша, закрой рот, не позорься. По нашему мнению, то, что задумали наши собратья, чревато такими последствиями, что думать о мелких личных обстоятельствах неуместно.

Эредиа внимательно посмотрела на братьев-эльфов и едва заметно улыбнулась.

— Приношу извинения за ваше разжалование. Но теперь это не столь важно; из командиров в рядовые, конечно, обидно, а вот дезертирам вся субординация до одного места… сами понимаете.

Эльфы переглянулись и неожиданно для всех захохотали.

— Теперь о том, для чего вас собрали. Вы полетите в Ирем, найдете там храм Нимы, отыщете статую богини и заберете у нее *поющий кристалл,* который она держит в руках. И уничтожите его. Не спрячете, не расколете — уничтожите безвозвратно. Это понятно?

Все кивнули, будто действительно все поняли.

— Полетите на двух флюгах. Один — и Эредиа кивнула в сторону потрепанной машины — для эльфов. Не надо так морщиться, все не так плохо. Мои мастера только не отполировали внешнюю броню. А в остальном это самый лучший вариант из имеющихся; полный боекомплект, дополнительная энергоустановка, и еще кое-что интересное. Камертон настройки — рядом с приборной панелью. Второй — разумеется, этот неприличный летающий балаган вашего дружка-шаммахита. Уж не знаю, как он договаривается со своей энергоустановкой, но быстрее и маневреннее его не летает даже лорд-воздухоплаватель. Все понятно? Тойво и Виша летят с альх-Хазредом, а вы — профессор Эредиа повернулась к эльфам — прикрываете их спины.

— Простите, но кто же за нами погонится? Альх летает куда

хочет, а пропажу этого потрепанного флюга вряд ли так скоро заметят, не бог весть какое сокровище. — Виша высказалась и замолчала, закусив нижнюю губу.

— Кого точно пустят по вашему следу, сказать не могу. Но то, что это будут кусачие и резвые гончие, несомненно. А ваше сокровище — это он, — и Эредиа кивком указала на брохуса. — Самый сильный из найденных нами карателей, без него установка бесполезна. Все, достаточно слов. Что делать, вы знаете. Выполняйте.

И эльфка отошла в сторону. Иво и Ика, молчавшие все это время, синхронно поклонились ей, прижав руки к бокам, и направились к своему флюгу.

— Небо мое синее, хоть бы слово сказали… — оторопело проговорила Виша.

— А зачем? — альх-Хазред не сдвинулся с места. — Им все и без слов понятно. А вот мне — нет. Помнится, мы в том же составе уже получали подобное предложение, причем за весьма солидное вознаграждение и в более любезной форме. Так все отказались, помните? Почему же сейчас одного пинка этой госпожи достаточно, чтобы отправить нас по тому же адресу, причем без осязаемой выгоды? — он вызывающе выставил вперед подбородок и из его любезно-наглой улыбки выглянула пара десятков поколений предков-шаммахитов, торговцев от бога.

— Как я могла забыть, что спасение мира не может быть аргументом для шаммахита… — профессор Эредиа сокрушенно покачала головой. — Да и обаяния мне недостает, особенно в сравнении с вашим милым божеством. Чем же мне заплатить тебе, альх-Хазред? Деньгами? Вряд ли они тебя заинтересуют, даже и в достаточном количестве. Ну а как же священный город твоих предков? Ирем Многодивный, сокровище Шаммаха? Неужели тебе не хочется увидеть его собственными глазами, альх-Хазред, увидеть, и запомнить, и рассказывать потом немногим оставшимся соплеменникам, как он прекрасен… его свивающиеся в клубки улицы, мраморные дворцы и храмы, мосты, выгнувшие спины над водами Лиала… — Издевательская нота в голосе эльфки была еле уловима. — Ты ничего не потеряешь, отправившись туда, а найти сможешь гораздо больше, чем ожидаешь.

— Неужели? — шаммахит прищурился, будто приценяваясь. — Что, например? Гарем властителя, брошенный им впопыхах и чудом сохранивший свою прелесть? Или парочку кладов, зарытых где-нибудь на видном месте? Виша, не пинай меня, я знаю, что говорю. Глупо бросаться сломя голову, не очень-то понимая, куда и зачем. Этим, — и он кивнул в сторону эльфов,

молча наблюдавших за людьми, — этим, конечно, вполне достаточно одного ее слова. А мне одного приказа маловато, я вообще по приказу не работаю. Так что либо мне все объяснят — главным образом, чему мы должны помешать и зачем, либо ищите себе другого флюгера.

Эльфка с интересом посмотрела на шаммахита.

— Вот как. А я ведь прихватила с собой пару антикварных цацек подороже, думала, ты польстишься. Ваш народ всегда ценил вещи дороже знания, но ты, судя по всему, особенный. Скажи мне, альх-Хазред несравненный, флюгер волей богов, когда в последний раз ты испытывал наслаждение от полета — такое, чтобы не помнить себя самого? И когда ты в последний раз летал над незнакомыми землями?

— Звучит заманчиво, — понимающе склонил голову шаммахит. — Одну выгоду я засчитываю.

— Мои смутные опасения не лучший мотив для решительных действий. — Тойво тоже решил высказаться. — Думаю, будет лучше, если вы объясните нам, что в действительности происходит. И чего будет стоить наша неудача. Простите нам наше неверие, но… вы застали нас врасплох. Виша, кажется, сейчас заплачет.

— Что?! Да ничего подобного! — Виша больно закусила изнутри щеку, обычно это помогало ей удерживать слезы в положенных им пределах. — Просто как-то невесело убегать вот так, даже не собравшись, не попрощавшись ни с кем, неизвестно почему и зачем. У меня такое чувство неприятное, будто мне нечем заплатить за номер в гостинице и я сбегаю, как трусливый мошенник, даже как следует штаны не застегнув…

— Хорошо. Будь по-вашему. Но рассказ будет краток, уж не обессудьте.

Эльфка помолчала, словно взвешивая слова — какие говорить, какие оставить при себе.

— Идея создать установку, аналогичную сторожевому посту брохусов, но настроенную на карателей и значительно сильнее разгоняющую их менто-волну, принадлежит лорду-маршалу. В юности он оказался свидетелем того, как один каратель вывел из окружения отряд аспидов, и так впечатлился, что сумел преодолеть вековые эльфийские предрассудки и всерьез занялся изучением феномена брохусов. Шло время, идея его обретала все более четкие очертания и искренних сторонников. Особенно значимой оказалась поддержка старейшины орков. Вас, людей, наши внутренние дела не касаются, но имейте в виду — несмотря на то, что наши кровные братья разделили нашу судьбу, от своей они тоже не отказались. Городов они никогда не строили, так что

и терять их им не пришлось. Война тоже не была им в новинку, так что судьбу солдат-бессрочников в нашей армии они приняли легко и не без удовольствия. Вроде как вполне гармоничная картина: легкие аспиды и ходячие танки-углежоги, полное взаимопонимание, общность интересов и общая же беспросветность и бессмысленность… ибо победа в этой войне суждена не нам.

— Какая ирония… — эльфка криво усмехнулась и пожала плечами. — Века миновали, прежде чем народ альвов воссоединился — и все для того, чтобы одновременно улыбаясь и проклиная, шагнуть в бездну. Однако при всем том эльфы не забыли, что орки сумели каким-то неведомым способом сохранить свои поселения вдоль Безымянного хребта. Никак не укрепленные, малонаселенные, они должны были пасть под пятой Леса первыми по нашу сторону гор. А вот не пали. Стоят до сих пор, обитаемые, жилые… Когда лорд-маршал понял, что даже его установки и самых сильных брохусов ему не хватит, чтобы выполнить задуманное, он с тоски чуть не удавился. Метался, как бешеный пес в клетке, со всеми единомышленниками перессорился… на его счастье, одним из посвященных в идею повторения Дня Огненной Купели — но уже для Леса — оказался глава углежогов, сын последнего шамана.

Эредиа замолчала, переводя дыхание.

— Когда лорд-маршал рассказал шаману о своем бессилии, тот сначала напомнил ему о существовании тех самых поселений, а потом спросил — мол, как ты думаешь, брат мой, кто защищает наши земли? А теперь ответь мне, Виша, что было единственной драгоценностью, ценимой орками?

Не задумываясь, девушка сказала:

— Алмазы темной крови, да. Правда, ни один из них не сохранился, и вообще у этих реликвий статус легендарных. Они ведь не для украшения были. У орков целая мифология вокруг этих камней выстроена…

— Расскажешь ее своим спутникам потом, — прервала ее эльфка. — Только не забудь про должное почтение, потому как сила в этих алмазах не мифологическая, а вполне реальная. Оказывается, в каждом из орочьих поселений есть святилище, в котором хранится один из сохранившихся с незапамятных времен камней. Они и обороняют свой народ, не позволяя Лесу нападать.

Эльфка оглядела слушателей, резко выдохнула и продолжила.

— Мы теряем время. Короче, я не буду в подробностях расписывать замысел лорда-маршала и его техническое воплощение. Итог примерно таков: брохусы-каратели излучают

особые менто-волны, их цель -

не удержать в повиновении, а уничтожить чужеродный разум. Кристалл соединяет эти менто и усиливает, а затем направляет разогнанную волну на орочьи святилища с их реликвиями. Первый же эксперимент на куцем подобии установки выдал такие результаты, что весь Совет поддержал лорда-маршала. Отраженная волна выжигает в растениях саму способность мыслить, убивает их сознание, превращая просто в клеточную массу. Растущую, цветущую, дающую плоды — и совершенно бессмысленную. Если вас опередят, и привезут сюда кристалл, и найдут еще одного карателя, и запустят эту адскую машину… то ее мощности, помноженной на алмазы темной крови, хватит, чтобы убить душу Леса. Навсегда.

— Это ужасно… — только и смогла сказать Виша.

— Но так уж вышло, что среди эльфов до сих пор есть те, кто сохраняет любовь к потерявшим рассудок братьям. Отец в жизни бы не поверил… — Эредиа оборвала себя и продолжила: — Нас немного и мы вынуждены молчать. И подтверждать свою лояльность… помнишь мой пыточный сад, Виша? Как тебя там ломало… да будь я именно той Эредиа, какой меня считают, ты вылетела бы на мостовую за одну только гримасу сострадания!

Виша кивнула и опустила глаза.

— Зато репутация дома Эредиа от таких демонстраций только укреплялась. И я получила доступ туда, куда тот же дом Клеис и близко не подойдет. Поэтому вы все сейчас стоите здесь — стоите и пялитесь на меня как на утопленника, вместо того, чтобы убираться подальше из Лис-Арден! Я и мои друзья рискуем жизнями не для того, чтобы я могла читать вам тут лекции… Ну что, Тойво Маарви, теперь цена вашей неудачи тебе очевидна? А ты, альх-Хазред, согласен помочь потерявшим надежду эльфам задаром? Тебя я не спрашиваю, — взгляд эльфки, обращенный на девушку, неожиданно потеплел, — ты давно ждешь этого приключения. С того самого дня, как Джесхет Ломар сбежал умирать в одиночку, оставив мне испачканные кровью простыни и вторично брошенную им девочку, захлебывающуюся слезами, ошалевшую от жалости к себе. Вы все — беретесь за это дело или мне все придется делать самой? — в жемчужно-серых глазах Вильмы Эредиа вскипал холодный гнев; казалось, она видит их насквозь — и это зрелище ее не вдохновляет.

— Не беспокойтесь, госпожа. Никто из ваших флюгеров не сможет меня догнать, уж поверьте. Я полечу в Ирем. Ваша правда, иначе я превращусь в захудалого каботажника. — Альх-Хазред улыбнулся так, словно солнце просияло из-за туч, и низко поклонился эльфке.

— И я полечу. — Тойво протянул руку, взял узкую ладонь Вильмы и церемонно, не хуже эльфа, поцеловал ее. — Берегите себя.

— Ну, договорились, наконец. — Профессор Эредиа вновь вернулась к своему холодному, язвительному тону. — Однако я не верю своим глазам — вы все еще здесь?! Марш по машинам! Чтобы через пять минут вашего духу тут не было!

Альх-Хазред, дожидаясь, пока раскроется над ними крыша ангара, надел управляющие перчатки — тыльная их сторона, покрытая тончайшим слоем карпалима, была стандартного для всех флюгеров черного цвета, а вот внешняя была богато расшита золотыми нитями, выводящими затейливый шаммахитский узор; размял пальцы и кисти, готовясь принять управление. Когда едва слышный металлический лязг оповестил его о том, что путь свободен, он вытянул из-за ворота камертон и легонько стукнул им о массивный золотой браслет, наследство легендарного предка-пирата. По кабине поплыл приятный, вибрирующий звон, и ему почти сразу отозвался кристалл, питающий силовую установку флюга, а за ним запели, задрожали упругие крылья, готовые нести машину вдаль и ввысь. Шаммахит, отрешившись от всего на свете, откинулся в кресле флюгера, прикрыл глаза и запел. Эта песня была похожа на посвист ветра над прокаленной степью, на гудение тяжелого полуденного воздуха; не было в ней особой выразительности и мелодия ее была небогата, но само время вязло в ней как пчела в меду и погружалось в дрему, и то, что внутри флюга казалось спокойным и неторопливым, за его пределами было молниеносным. Так, Више виделось, как альх-Хазред неспешно проделывает руками все такие же мягкие, плавные движения и крылья флюга, слегка изгибаясь и вибрируя, становятся их продолжением. Добившись за считанные минуты почти полной синхронности движений своих рук и крыльев машины, флюгер несильно сжал пальцами подлокотники кресла, и его флюг замер, ожидая приказа, дрожа от нетерпения. Шаммахит улыбнулся, открыл глаза и легким движением кистей поднял флюг в воздух. Следом за ним поднялись и эльфы. В черном мокром небе зависли два флюга — потрепанный и блестящий, похожие на видавшую виды дворнягу и холеного породистого пса, собравшихся вместе на поиски приключений. И поскольку долго выбирать дорогу не пришлось — все карты были загружены в инфокапсулы флюгов, и цель была определена — то, нарушая все правила, пилоты погасили бортовые огни, и их корабли растворились в ночи, и лишь короткий порыв ветра помнил о том, что еще секунду назад они были еще здесь.

Вильма Эредиа, переводя дыхание, все еще не веря в то, что

ей удалось опередить своих сородичей, начертала вслед исчезнувшим в небе флюгам древний жест благословения — когда-то именно им эльфийские короли напутствовали тех, кто отправлялся в дальний путь и не надеялся на возвращение.

Тойво, впервые очутившийся во флюге шаммахита, вертел головой, пытаясь разглядеть в полумраке подробности довольно просторной для флюга кабины. Кресло пилота располагалось впереди, за ним — два пассажирских места; собственно, этим сходство машины альх-Хазреда с обычными флюгами и заканчивалось. Альх-Хазред, любивший свою машину как дом родной, обустроил капсулу по своему вкусу и нраву.

Капсула флюга была традиционно овальной, слегка вытянутой с одного конца формы; верхняя часть изготавливалась из стеклопластика, меняющего степень прозрачности от почти полной до непроницаемой — в зависимости от интенсивности солнечного света и от желания пилота. Кресло флюгера располагалось в вытянутой части капсулы, оно было самым большим и удобным; по левую сторону от него в металлических когтях покоился шар силовой установки — стальная сфера надежно защищала поющий кристалл, дающий жизнь машине, а по правую сторону была смонтирована инфокапсула, из которой вечно торчали какие-то провода, часть защитных панелей отсутствовала, однако все это не мешало ей работать — причем быстро и безотказно. Сразу за пилотским креслом пол кабины плавно повышался, и со стороны инфокапсулы уступами, одно над другим располагались пассажирские кресла, а с другой — Тойво сначала глазам своим не поверил, настолько это было нетипично — было обустроено ложе. Именно ложе, поскольку назвать это место просто кроватью язык не поворачивался. Оно занимало почти всю левую сторону капсулы до стенки грузового отсека, и было обустроено и разукрашено не хуже, чем опочивальня во дворце властителя Шаммаха в былые дни. Подниматься к нему надо было по трем низким ступеням, устланным черным медвежьим мехом, черное же атласное покрывало по низу украшала шелковая вышивка, превращавшая мягкую ткань в раскрытый павлиний хвост, бесчисленные подушки — разноцветные парчовые, бархатные, меховые и маленькие белые лебяжьи — рассыпались как драгоценности из опрокинутого сундука. И все это великолепие осенял невысокий (сколько высота капсулы позволяла) балдахин из фиолетового газа, расшитого серебром.

— Ничего себе… — брохус вот уже десять минут таращил глаза, забыв, где он и что вообще происходит. — Это музейный экспонат или можно потрогать?

— И поваляться тоже можно, — не оборачиваясь, ответил флюгер. — Только разувайся. И раздевайся, разумеется.

За пассажирскими креслами проходила стенка, отделявшая грузовой отсек; там располагались крошечная кухонька, вмещавшая холодильный шкаф, откидной столик и нагреватель для воды, собственно контейнеры для перевозки — был даже массивный сейф, и туалет. Под полом, кроме обязательных баков с дефолиантами и воспламеняющейся жидкостью для огнемета, также были оборудованы места для перевозимого груза. Помимо необычного спального места в глаза бросались также роскошный ковер, постеленный под ноги флюгера и золотая статуэтка, представляющая копию одного из фрагментов иремского храма Нимы — она украшала сферу энергоустановки. На нее Тойво пялился еще больше, чем на балдахин.

— Послушайте, вы все. Мы что, действительно летим в Ирем? — Виша отвела взгляд от беспросветного ночного неба, разливающегося за полупрозрачной сейчас стенкой капсулы. — Меня как будто по голове стукнули, я ничего не соображаю. Пару часов назад я была уважаемым наемным работником в местной тюряге, а сейчас чувствую себя каким-то спасителем мира. Вот ведь бред!

— Виша, ты похожа на спасителя мира, как плевок на потоп… извини, такая у нас поговорка.

— Спасибо, Альх… очень лестное сопоставление.

— Виша, тебе страшно? — и Тойво, сидевший выше, наклонился и взъерошил вишины волосы.

— Ну… пока вроде нет. Уху спокойна, а значит, все хорошо… эй, ты! Ты что делаешь? — этот возмущенный возглас относился к флюгеру, который вдруг свел ладони так, что они почти соприкасались пальцами, резко подбросил их и пропел короткую фразу на шаммахитском. Флюг замер и прянул вверх. Потревоженная сова, задремавшая на спинке вишиного кресла, захлопала крыльями, недовольно ухнула.

— Проснись, детка! — флюгер обернулся, подмигнул девушке и вычертил руками замысловатый узор. Повинуясь ему, флюг полетел гораздо быстрее, да еще и по сложной траектории, как будто наперегонки с нетрезвой летучей мышью. — Не страшно, говоришь? Сейчас сделаем!

— Альх, прекрати!

На приборной панели, слабо светившейся перед флюгером, запищал коммуникатор и из небольшого динамика раздался голос Ики:

— Альх-Хазред, я подписался прикрывать твою задницу, а не кувыркаться в небесах как клоун. Что у вас там происходит?

— Ничего страшного, Ика. Только хотел развеселить Вишу.

— Ааа… Вы лучше делом займитесь, карты посмотрите, выберите покинутое поселение для первой остановки. Я, знаешь ли, во сне давно уже не летаю. — И динамик замолчал.

— В следующий раз развесели меня как-нибудь по-другому, альх-Хазред… — Виша скорчила флюгеру в спину страшную гримасу. — И спасибо, что встряхнул. Сколько нам до Ирема лететь?

— Ну, разбежалась. Для начала доберемся до Маноры — это не считая покинутых поселений, где мы будем отдыхать. К оркам, я так думаю, заглядывать не будем? Вот… От Маноры до Мисра, а вот оттуда уже в земли Шаммаха, в Ирем. А там, глядишь, если все получится, можно и в Арр-Мурра податься…

— Типун тебе на язык! Давай без этого обойдемся, пожалуйста.

— А можно я карты посмотрю? — брохус смущенно улыбнулся.

— Да милости прошу! Присаживайся тут… и вообще, будь как дома.

Тойво аккуратно ступая, перебрался к инфокапсуле, уселся на среднюю ступеньку, крытую черным мехом, и принялся перелистывать на экране изображения земель. Виша, понимая, что сейчас ей тоже лучше заняться чем-нибудь осмысленным, чтобы справиться с ситуацией, для начала отправила сообщение братьям — чтобы не беспокоились, потом встала, перебралась в грузовой отсек и принялась инспектировать его содержимое. Оказалось, что о снаряжении позаботились, причем основательно: еда, вода, медикаменты, подходящая одежда — все было собрано основательно и с толком. Судя по показаниям приборов, баки с дефолиантами и горючкой были полны, распылители отлажены.

— Ну как, нам не забыли дать в дорогу пару бутылок из запасов Бриарея? — поинтересовался флюгер.

— Альх, ты же кроме воды ничего не пьешь, даже грибной чай отвергаешь!

— Так это я о вас беспокоюсь, надо же вам как-то лететь все эти дни, дети мои. Хотя… кровать еще есть, но я боюсь, что вы слишком стыдливы, чтобы ею воспользоваться… — и довольный собой шаммахит засмеялся.

— Очень смешно… — хмыкнула Виша. — А если серьезно, нас выдернули на ночь глядя, а я, между прочим, весь день работала, сначала в теплицах, потом в архиве… устала я.

— Дело говоришь. — Ответил флюгер. — Я вот тоже не озаботился заранее выспаться, а к рассвету и вовсе сморюсь. Так что еще пара часов — и будем садиться. Тойво, как там на картах,

есть что-нибудь подходящее?

— Есть. Первое поселение примерно в часе лета, второе — двух или трех. Оба небольшие, но где спрятать флюги, думаю, найдем.

— Вот и прекрасно. Повтори все это нашим сопровождающим…

Брохус переключил коммуникатор и передал эльфам предложение шаммахита. Помедлив, Ика ответил:

— Согласны. Однако прошу принять первый вариант посадки. Через час.

— Почему? — встрял в разговор альх-Хазред. — Устать вы не могли, вы вообще не устаете. Флюг капризничает?

— Похоже на то, — ответил эльф. — У нас по правилам одна норма загрузки, а по приборам — совсем другая.

— Какая разница? — шаммахит прекратил зубоскалить и сделался абсолютно серьезен.

— Почти пятьдесят мер в минус.

— Нехорошо. Разбалансировка вам все управление попортит. Садимся в… как оно там называется, Тойво?

— Лунный Клык. Странное название для маленького городишки.

— Это же пограничье, Тойво. Там когда-то была башня сторожевая, вот из-за нее город так и назвали, собственно, сначала это был гарнизон, а уже потом…

— Хм… — Нарочито громко кашлянул флюгер. — Кажется, я попал на урок истории…

— Ладно, ладно… — Виша не стала обижаться. — Раз вам неинтересно, я замолкаю. Пойду подремлю, пока вы тут так заняты.

Спустя час вновь раздался тихий писк коммуникатора, на этот раз говорил Иво.

— Наш навигатор показывает группу строений, уже в пределах видимости. Думаю, заявлять о своем прибытии мы не станем? Где будем садиться?

— Сейчас решим, — и флюгер попросил Тойво: — Слушай, парень, увеличь план города и глянь, нет ли там чего-нибудь вроде склада или театра, но только под крышей.

— Есть. Не пойму, что это такое, но в плане выглядит достаточно большим. Вот точные координаты. — Похоже, брохусу понравилось быть штурманом у знаменитого флюгера.

— Отлично. Я иду на посадку. А вы пока позависайте, малышня.

Смотреть на альх-Хазреда было одно удовольствие: шаммахит весь сиял, казалось, он общался со своим флюгом как с большой,

послушной и живой игрушкой. Стеклопластик капсулы стал почти прозрачным, но кроме все той же холодной, непроницаемой ночи ничего не было видно. Флюгер опустил машину, выставил крылья, сведя их почти вплотную, и включил внешние осветители. Прямо перед ними проявились контуры большого здания, не слишком высокого, зато довольно обширного. Ко входу вела широкая лестница, усеянная обломками и мусором.

— Добро пожаловать! — и альх-Хазред прямо-таки вплыл в провал когда-то огромных дверей, рассчитанных на толпу посетителей. Они сразу оказались в просторном круглом зале, и пилот отвел флюг в сторону, чтобы освободить место для эльфов, и посадил его.

— Где это мы? — спросил, озираясь, Тойво.

— Неужели не узнаешь?… — Виша оглядывалась, выхватывая из расступающейся пыльной мглы все новые подробности: амфитеатр кресел, поднимающийся под самый потолок, невысокий барьер по кругу зала, смутно различимые в вышине осветительные приборы и какие-то крепления. — Это же цирк… а мы на его арене. Очень символично, по-моему. Циркачи всегда были самыми безрассудными из артистов. Если захотите, потом расскажу, я в архиве Миравалей такие подробности про божественных циркачей раскопала…

В это время эльфийский флюг, поднимая клубы едва начавшей оседать пыли, влетел на цирковую арену и опустился на нее.

— С прибытием! — альх-Хазред был доволен — видимо, в «Симхане» знали свое дело. — Ждем, пока тут приберутся, и выходим. Посмотрим, что у вас там по дороге отвалилось. Виша, метлу в руки и — твой выход!

Когда пыль осела, шаммахит, девушка и брохус вышли из флюга, на арене их уже ждал Ика — Иво остался за управлением.

— Ну вот что. Давай-ка приподнимись на высоту роста, и посмотрим для начала, что у вас там с содержимым баков — может, какой-то просто не до конца заполнили, или на заводе с комплектацией напутали.

Иво выполнил просьбу шаммахита, поднял флюг в воздух и открыл нижнюю палубу. На первый взгляд, все было в полном порядке, но когда Ика полез осматривать баки с горючей жидкостью, то стоящая ближе всех Виша услышала сначала длинный свист, а затем за ним последовало короткое и выразительное эльфийское ругательство, как и все эльфийское сквернословие непереводимое в силу своей запредельной непристойности. Ика отошел в сторону, лицо его помимо воли выражало крайнюю степень изумления.

— Иво, выгрузи первый бак с горючкой, и осторожно переверни.

Хорошо видимый за стеклопластиком эльф кивнул и вслед за этим из недр флюга медленно выдвинулся кронштейн, на котором крепился продолговатый бак; когда он попал в полосу света, стало ясно видно, что в стенке бака вырезано приличных размеров отверстие.

— Ого. Интересный вариант: модель «Оставь свой след на земле!». Виша, отойди-ка в сторону, — и аль-Хазред скомандовал эльфу: — Переворачивай, сольем остаток и нейтрализуем пеной.

Медленно и бесшумно бак переворачивался, но из него не выпадало ни капли жидкости; шаммахит и эльф недоуменно переглянулись, а брохус вдруг громко засмеялся и сказал:

— Ну, это вы вряд ли пеной нейтрализуете…

После этих слов из перевернутого бака в желтую пыль с гулким стуком вывалилось тело. Все невольно шарахнулись в стороны, и только брохус продолжал хохотать. Тело полежало с минуту, потом поднялось сначала на четвереньки, и затем и на ноги. Судя по всему, это был гном. С темно-красными волосами, свитыми в толстые жгуты, длинными руками и таким огромным ртом, что даже страшно было, как он сам себя за обедом не проглотил. Гном, похоже, проспал мертвецким сном весь полет, и теперь приходил в себя — пытаясь понять, где он и кто все эти люди.

— Маульташ?! — Виша попятилась от изумления. — Небо мое синее, ты как сюда попал?

— Это я ему помог.

Все как по команде обернулись на этот голос — звонкий, детский, совершенно неуместный здесь, среди пыли и векового запустения. Говоривший сидел на крыле флюга альх-Хазреда, болтая ногами и с интересом разглядывая собравшихся. Это был светловолосый мальчик, одетый в простые полотняные рубаху и штаны и босой. На груди его болталось самодельное ожерелье из ярко-оранжевых ягод, за поясом торчала палка.

— Ну ничего себе. — Шаммахит протер глаза, сморгнул и снова уставился на гостя. — Вы все это видите?

— Ага. — Виша кивнула. — У нас у всех общая галлюцинация, причем у меня это не в первый раз.

— А… может, ты нам объяснишь… — брохус явно не знал, как говорить с детьми.

— Что именно? — мальчишка вскинул бровь. — Про Маульташа или про меня?

— Про Маульташа. — Сглотнув, ответил брохус.

— Он мне нравится. — Сообщил, улыбаясь, мальчик. — Он

очень добрый и веселый, хотя язык у него как у гадюки. Мама делает вид, что сердится, когда я пою его песни, это так смешно… а потом сама отцу повторяет и хихикает. Он был в эльфийском городе, пел для тех, кто танцует со смертью, и немного не рассчитал со своими словами. Эльфы такие обидчивые и глупые, хотели его наказать. Я терпеть не могу наказаний! — парень нахмурился и воздух вокруг его головы заметно заискрился. — Я привел его в большой заброшенный дом на окраине, где стояла эта машина, — и он кивнул на флюг эльфов. — И спрятал в ней.

— Понятно. — Вежливо кивнул брохус. — А чем же вы так бак разворотили? Там же многослойный металл…

— Слышь, ты, мыслепила, — гном пришел в себя и даже почти не шатался, — у каждого уважающего себя гнома есть резак.

Гном попытался вытащить резак из чехла, висевшего на ремне, но вместо него вытащил из кармана штанов плоскую золотую флягу, посмотрел на нее, громко икнул, зашатался и чуть не упал.

— А еще уважающий себя гном не ходит без фляжки с настойкой серого мха. — Не без зависти констатировал Ика. — Спится с нее превосходно, так, что ли?

— Ага. — Гном вновь обрел равновесие и оглядывал всех собравшихся прищуренными блестящими глазами.

— Возьмите Маульташа с собой. — Мальчик просительно улыбнулся. — Прошу вас, возьмите. С ним весело.

— Раз ты просишь за него, конечно, возьмем. — Неожиданно для всех первым согласился Ика. — Пусть летит с нами, чего уж там.

— Вот здорово. — Мальчик благодарно улыбнулся. — Ну, мне пора. Еще увидимся!

Он встал на крыло флюга, примерился, легко перепрыгнул на крышу и, сделав шаг куда-то в сторону, исчез. Растворился в клубах пыли.

— Ну и дела. Друг, ты давай отойди в сторонку. А ты, Иво, закрывай брюхо и сажай машину. — Шаммахит выглядел малость озадаченным, но, как ни странно, довольным. Главное, с машиной все в порядке, а гном флюга не обрушит. — Давайте на ночлег устраиваться, все устали, особенно Виша. Спим до полудня, а там поглядим, что и как.

Глава вторая. Плавающие сады Маноры

Шаммахитское ложе во флюге альх-Хазреда оказалось не только роскошно изукрашенным, но и весьма удобным. Виша, брохус и флюгер разместились на нем без боязни, что придется поворачиваться с боку на бок по команде. Как там устроились эльфы и гном — неизвестно, а вот гости шаммахитского флюга, обложившиеся подушечками, укрытые легкими одеялами и опустившие балдахин, чувствовали себя как во дворце. Они еще немного поболтали — совсем малость — и уснули усталым крепким сном, самым сладким — таким, какой приходит лишь под утро, часов в шесть, да и то при условии, что прободрствуешь всю ночь.

Полдень следующего дня застало их сидящими на широких ступенях входа в цирк. Флюги, готовые продолжать путь, остались на арене, а путники решили выйти на воздух и немного отдышаться.

Открывшийся их глазам пейзаж был вполне достоин украсить собой стены «Мертвецкой». Цирк, в котором флюги нашли приют на ночь, располагался на небольшой площади, поросшей мусорным разнотравьем. Невысокие и когда-то красивые здания разрушались, брошенные и никому не нужные. Чернели дверные проемы, по стенам ползли корявые трещины, в оконных провалах проглядывали смутные очертания прежней жизни. Над одной из дверей все еще держалась вывеска — «У старого клоуна»; когда-то это был маленький уютный ресторанчик, с цветными фонарями на столах, мозаичным полом и деревянными резными ставнями. Теперь от него веяло серой, унылой жутью; клоун был не просто стар — клоун был мертв. Рядом с ним доживала свой век «Красотка» — во всяком случае, именно это слово, выложенное из потускневших зеркальных плиток, можно было прочесть над огромным окном, щерящимся осколками стекол. Внутри можно было разглядеть опрокинутые или перекошенные парикмахерские кресла, разбитые витрины и какой-то мусорный куст, вольготно разросшийся в мраморной вазе посреди зала — возможно, на месте душистых комнатных роз. Куст был тускло-рыжего цвета, колючий и некрасивый. По левую сторону площади начиналась аллея, уводящая к реке. На месте деревьев были традиционные для этих мест гранитные столбики, частью поваленные; в начале аллеи белела чаша фонтана, наполовину заполненная заплесневелой водой, отвратительной даже издалека. День выдался пасмурный, какие нередко бывают ранней весной, с северо-востока тянул тихую песню промозглый, безрадостный

ветер.

— Тихо-то как. Даже не по себе, так и тянет песню заорать, — сообщил уже совсем протрезвевший Маульташ. Гном принял известие о цели путешествия со стоическим спокойствием и даже не без интереса.

— Не надо. — Попросила Виша. — Тут и без того жутко, а ты своим ревом еще разбудишь, кого не надо, в недобрый час.

— Да кого тут будить? — недоуменно переспросил гном. — Растения этими землями брезгуют, окраины и те не полностью зарастают. Звери? Натравишь на них свою сову, пусть полетает, поухает. Люди? Убрались восвояси лет сто назад, не меньше.

— Я бы не была так в этом уверена. Мой учитель бывал в потерянных поселениях. И однажды встретил там людей — но таких, что счел за благо перекинуться в волка и удрать. Об этой встрече он вспоминал без особого удовольствия, я бы сказала, даже со страхом.

— А кто твой учитель?

— Профессор из Одайна, Джесхет Ломар, если тебе это что-нибудь говорит.

— Представь себе, говорит. Он консультировал моего папашу, и во всем, что касалось антиквариата, мой хрыч смотрел долговязому профессору в рот. Ладно, с песнями подождем. Уважаемые, может, посвятите нас в свои планы? — этот вопрос Маульташ адресовал флюгерам, уже с десяток минут что-то тихо обсуждавших.

— Непременно. — Ика кивнул. — Маршрут примерно такой: Манора — Миср — Ирем. Два мертвых города и один город-призрак. Мелкие стоянки не считаем. Напрямую лететь, увы, невозможно — остановиться негде, не в лесу же отдыхать. Остаются небольшие покинутые поселения. В этом направлении почти никто не передвигается, так что летим спокойно. Пока вы спали, Иво перенастроил связь — оставил только канал для внутренней связи между машинами и максимально защитил его. Не знаю, как долго мы сможем наслаждаться безмятежным полетом. Наше отсутствие уже обнаружили, а Вишу и Тойво сможет прикрыть Сорью… но не надолго.

— Мне была назначена аудиенция у лорда-маршала, — сообщил, смущаясь, брохус. — Сегодня вечером, в шесть пополудни.

— Ну вот. Как только ты на нее не явишься, прозвенит первый звонок. Потом тебя поищут в Лис-Арден — до утра и без особого успеха, надо полагать. И даже если Сорью сумеет их как-то задержать, они дадут второй звонок.

— Могу сказать, когда прозвенит третий. — Альх-Хазред

перебил эльфа. — У меня тоже назначена аудиенция — правда, не такая пафосная, но тоже ничего себе: у лорда-эконома возникла надобность в моих услугах. Приватная перевозка небольшого груза. Не спрашивайте, подробностей и сам не знаю. Я должен был явиться в его резиденцию завтра, точно в полдень. Надо же, сам себе не узнаю — от такого заказа отказался…

— Меньше, чем через двое суток, военный совет спустит на нас весь «Симхан», — упавшим голосом подвела итог Виша.

— Ну, не весь, — утешил ее Ика, машинально подергивая свою оплетенную металлической лентой бородку-косичку. — Самое большее — пятерых.

— Но это будут лучшие пятеро, — мрачно парировал Иво. — Мы с тобой им не соперники.

— Это мы еще успеем выяснить, — сказал шаммахит. — Значит, у нас двое суток форы. Более чем достаточно. Если повезет, они даже не поглотают поднятой нами пыли. Так что хорош рассиживаться, пора в дорогу.

— А… это… — неуверенно протянула Виша. — Раз уж у нас такая фора, может, вы дадите мне часок, осмотреться тут?

— Ты хочешь сказать, пошариться? — неделикатно уточнил шаммахит. — Неужели ты надеешься найти что-то стоящее в этой помойке?!

— Понимал бы чего. — Невежливо ответила девушка. — Я первый раз в покинутом поселении!

У нее горели щеки и блестели глаза; впервые за последние сутки она выглядела прежней Вишей — не послушно следующей, куда поведут, а лезущей напролом — туда, где интересно.

— Короче, я такую удачу не упущу. — Девушка встала, расправила плечи и огляделась по сторонам. — Уху мою не будите, она этого не любит. Я сама пройдусь, не Лес. Загляну хотя бы в соседние дома…

— Эй, ты только что запретила мне даже петь, а теперь сама собираешься гулять?.. — возмутился гном. — А если там сидит какой-нибудь монстр и только и ждет, пока ты подойдешь поближе? Я с тобой.

— Да вы что, с ума посходили? — изумился Ика. — Нас не на прогулку отправляли, кажется. Альх, призови своих людей к порядку!

— Слушаюсь, мой светлый господин. — Альх-Хазред иронически поклонился эльфу. — Виша, твою глупость мы обсудим позднее. А сейчас марш в машину, я повторять не стану. И не скалься так. Давай, давай…

Через десяток минут двух флюгов, летящих к югу, и след простыл. Осела пыль, поднятая двигателями, и в брошенном

городке вновь воцарился мертвый покой.

Альх-Хазред с легкостью вел свой флюг, ловя руками-крыльями потоки воздуха, лавируя в его завихрениях; пределом этой легкости были восемь часов — потом наступала усталость, руки флюгера теряли гибкость и чуткость. Конечно, шаммахит мог лететь и десять, и пятнадцать часов без отдыха, но это было чревато потерей его синхронности с флюгом, а то и падением. Пока «Симхан» не дохнул им в спину, рваться нужды не было; разумнее было беречь силы. Около восьми часов пополудни флюги сели в поселке, расплющенном возле шахты. Земляной вал из отработанной породы, сгруженной огромными кучами, окружал несколько десятков жилых домов, весьма скромных и по размерам, и по убранству (они более походили на вагоны, чем на дома), технические сооружения и неожиданный в этих диких местах храм. Прибежищем им послужили приземистый, обширный ангар, в котором тихо ржавели остатки шахтерского оборудования.

В городке было настолько неприютно и некрасиво — причем так было всегда, даже в самые лучшие его времена, если только таковые бывали, — что путники решили немного отдохнуть перед очередной порцией сна, не выходя из флюгов. Эльфы и гном отдали дань восхищения флюгу альх-Хазреда; они все вместе расселись кто на сидениях, кто на полу, Виша забралась в кресло флюгера. Немного сушеных до несъедобности яблок, синтетические конфеты и содержимое фляжки Маульташа составили их первый ужин. Они жевали, тихо переговаривались; Тойво был беспокоен и чувствовал себя не лучшим образом.

— Что случилось? Ты сам не свой… — Виша заглянула брохусу в глаза. — Или это тайна?

— Плохое здесь место. — Тойво коротко вздохнул. — Если бы можно было выбирать, ни за что на свете не остался бы тут.

— А что не так? Шахтерский поселок не курорт, конечно, но переждать-то можно.

— Виша, я знаю, что мои менто гораздо острее твоих, но если не боишься — попробуй прислушаться к здешнему воздуху… приглуши свой голос… позволь этому месту дотронуться до себя.

Виша пересела на меховую ступеньку поближе к брохусу, опустила голову на руки и затихла. Минут через пять она вздрогнула и прижалась к Тойво.

— Вот… ну ничего, все это дело прошлое и мы скоро улетим отсюда.

— А что, собственно, не так? — осведомился гном. — Я и не в таких дырах бывал. Чего это вы так насупились?

— Точно не скажу, я побоялась слушать, — ответила Виша. —

Это отвратительное место, Маульташ. Они здесь людей убивали.

— Древнее поле битвы? — поинтересовался Иво. — В этих местах вполне возможно.

— Нет, поля сражений молчат. Или тихо стонут, но их голос вызывает скорбь и почтение, не страх. А здесь… — Тойво передернуло. — Гулкие, утробные звуки, вой, перемешанный с чавканьем. Здесь не сражались, нет. Я не хочу об этом говорить.

— Неужели ты все это так остро чувствуешь? — Ика посмотрел на брохуса с состраданием. — Мне жаль тебя.

— Я могу не прислушиваться, — Тойво погладил Вишу по голове. — И тебе хватит напрягаться, расслабься. Переключи внимание.

— Согласна. Маульташ, может ты споешь нам? Обещаю, эти эльфы не будут пытаться наказать тебя за твой ядовитый язык. Спой, будь другом — ну, например, «Пьяный аспид и береза».

— Знаешь что, девочка, — гном прищурил свои и без того узкие глазки, — помнится, ты мне уже как-то раз кое-что обещала. На полном серьезе. Посул твой был хорош, так что я тогда постарался от души. И что же получил в награду? Ты отбыла под утро на плече у этого красавчика, — гном кивнул в сторону флюгера, — вообще никакая. Только и могла, что хихикать. Я такие обломы не забываю.

— Маульташ… — Виша засмущалась. — Ладно тебе… Ты тогда был великолепен, правда. И если бы я так не напилась…

— Хорош подлизываться, малявка. — Ухмыльнулся гном. — Щас спою, так и быть.

Маульташ вытащил из-за ворота цепочку, на которой крепился живой кристалл. Это был редчайший случай, чтобы эта драгоценность использовалась по своему древнему назначению — создавала для своего хозяина музыку. Гном уселся поудобнее, расправил плечи и запел.

Яблоко было не очень-то спелым,
И даже — возможно — немного червивым,
И, в общем, на ветках немало висело
Тех, кто бы мог стать альтернативой.

Не было в нем красоты крутобокой,
И пламенных красок не наблюдалось,
Просто росло оно, сука, высоко,
И падать к ногам моим не собиралось.

Это и было причиной стараний
В кровь раздираясь и страха отведав,

Лезть на вершину и делать желанье
Греющей сердце греховной победой.

Но — не случилось. Не дотянулся.
Яблоко там же, глаза мне мозолит.
Ну и виси. И пусть тебе будет
Холодно, скучно, несладко, небольно.

— Еще одна история облома, — откомментировал песню Ика, подергивая себя за оплетенную двумя металлическими ленточками бородку. — Маульташ, тебя что, часто так кидают?

— Не поверишь — через одну, — вздохнул гном. — Это тебе в наказание, Виша. Не обижай меня больше. А сейчас, так и быть — господа эльфы, заткните свои уши! — моя новая песня, за которую мне чуть не оторвали язык вместе с головой — «Эльфка в храме Калима».

Надо отдать эльфам должное — над чудовищно неприличной и смешной песней они хохотали громче всех.

Гном пел почти час и гнетущее сердце настроение почти развеялось. Не сговариваясь, беглецы решили поспать все вместе, благо флюг шаммахита позволял. Они улеглись и, выслушав напоследок колыбельную от Маульташа, легко задремали. Всю ночь отдыхающие флюги вздрагивали от легких сотрясений земли — это оседала почва в выработанных недрах; сквозь сон людям чудился шорох гравия, перетекающего в открывающиеся каверны. В два часа ночи неумолимый Ика разбудил экипаж альх-Хазреда и они вновь отправились в путь.

Эльфы запросили пощады, немного не дотянув до девяти утра; местом третьей стоянки стал уже один из пригородов Маноры. Когда-то здесь были чудесные виноградники, судя по всему, городок жил за счет виноделия. Маульташ, услыхав об этом от Виши, все порывался разведать, не осталось ли чего от стародавних запасов в городских погребах. Однако поразмыслив, рассудил, что пить уксус, в который наверняка превратилось здешнее вино, ему совсем неохота и вместе со всеми завалился спать. Еще один перелет — и перед ними была Манора.

Было около трех часов пополудни, когда экипажи флюгов собрались за подобием обеда, состряпанным Вишей на скорую руку. Наскоро прожевали сублимированные брикетики непонятного вкуса, запили их витаминным настоем, общее мнение о котором выразил Маульташ: выхлебав предложенную кружку, гном скривился, изломав рот наподобие синусоиды, и сказал:

— Такого отстоя не подают даже за столом моего папаши. Виша, это точно не растворитель для сортира?

— Точно. Тот пахнет лучше, — страдальчески сглатывая, отозвался альх-Хазред. — Это больше похоже на содержимое сортира…

— Скажите, какие мы капризные! — Виша попробовала и отставила кружку на крыло флюга, заменившее им стол. — Беее… кто хочет мою порцию?

— Вот он, — Ика кивнул на Иво, который со стоическим спокойствием тянул желтоватый раствор из кружки. — Смотри, как старается растянуть удовольствие.

— Пошел ты… — Иво поставил пустую кружку на крыло и неприкрыто, бесстыже рыгнул. — Виша, убереги это до той поры, пока мы не начнем помирать от авитаминоза. А пока давай обойдемся водой.

— Согласна! Я просто хотела, чтобы мы подкрепились немного, кто знает, чем нас встретим Манора и когда мы сможем поесть…

Когда-то, давным-давно, Манора была самым красивым приморским городом, какой только можно себе вообразить. Причем главной причиной ее невообразимого великолепия стало то, что поначалу угрожало самому ее существованию. Море. Тихое, коварное, бирюзовое море Покоя. Выстроенная на самом краю прибрежной земли, Манора с течением лет стала постепенно опускаться, грозя когда-нибудь опуститься на морское дно и стать прибежищем рыб и прочих морских обитателей. Но в планы городского магистрата подобное расточительство никак не входило; южные изворотливые люди нашлись и в этот раз. Те здания, что представляли историческую и художественную ценность и размещались не так близко к морю, укрепили и оставили на своих местах. А те, что располагались почти у кромки воды, в чьих подвалах уже плескалась вода, а фундаменты крошились и трескались, попросту перенесли туда, где море уже не могло повредить им — на насыпные острова, соединенные дорогами-дамбами, и на высокие платформы, похожие на те, что строят для буровых установок. Уже сама переноска дворцов и парковых комплексов вызвала в Обитаемом Мире настоящий переполох; затаив дыхание, люди следили за тем, как огромные моргенштерны поднимали скрепленные сложными конструкциями здания и медленно несли их над морскими водами на приготовленное им место. Неимоверно сложная, заоблачно затратная работа оправдала себя. На месте умирающего, гниющего города-призрака возник небывалый прежде город-остров, город летающих дворцов и вырастающих

прямо из морской пены садов. Побережье, островки и платформы связывало множество дорог — канатных, транспортных, пешеходных. Дворцы, оказавшись вознесенными над мирской суетой, согретые и просушенные, обрели вторую молодость и расцвели заново. Счастливчики, попадавшие в них, чувствовали себя героями забытых сказок, нашедшими королевство фей и волшебников. Насыпные острова превратились в буйно цветущие цветочные клумбы, плывущие по спокойному морю, лениво покачиваясь на волнах. И не было во всем мире лучше места для свадебного путешествия или долгожданной измены, чем Манора.

Война не пощадила этот рукотворный рай. Манора оказалась в числе покинутых городов и, вновь оставленная на растерзание одиночеству и времени, покорилась своей участи. В пустых палаццо гуляли ветра, в роскошных залах поселилась печаль и перешептывались призраки, неухоженные, растрепанные сады не были столь агрессивны, как дети Леса, но и особым гостеприимством тоже не отличались. Город, прежде рождавший вострог и вдохновение, наводил тоску и располагал разве что к самоубийству.

Обо всем этом Виша рассказывала своим спутниками почти час, пока не выдохлась.

— А меня всегда интересовало, неужели все до единого горожане уходят из своих городов? Не может быть, чтобы хоть кто-то не остался. Тем более в такой красавице как Манора. — Засомневался Тойво.

— Официально покинутые поселения мертвы. Там нет ни военных, ни городских властей, ни закона. А вот люди да, встречаются. Немного, конечно, десятки, самое большее пара сотен. Но профессор Ломар, а вслед за ним и профессор Эредиа твердили мне в один голос — если повезет и ты окажешься в мертвом городе, не зевай и не вздумай расслабляться. А уж если увидела людей — беги, Виша, беги. Если понадобится — убивай, лишь бы сбежать. А лучше не суйся туда вообще. — Серьезно ответила девушка.

— Ничего себе совет, — отозвался флюгер. — Дельный.

— А они других и не давали.

Время шло, флюги рассекали воздух острыми крыльями, оставляя позади южное редколесье. До сих пор дети Леса не делали попыток помешать им и не нападали первыми — то ли не считали пару флюгов достойными внимания, то ли были слишком погружены в предвесеннее оцепенение. Уже наступила ночь, Тойво дремал, опустив голову Више на колени, альх-Хазред тихо переговаривался с эльфами. Вдруг он замолчал, несколько раз втянул воздух носом и сказал, не поворачивая головы:

— Мы на месте. Я этот запах ни с чем не спутаю, он у меня в крови. Море, Виша. Это море.

— Тебе виднее. — У Виши екнуло сердце. — Куда будем садиться? Я неплохо знаю Манору, это был любимый город Джесхета…

— Надо подумать. Как считаешь, палаццо уцелели? Те, что на платформах?

— Думаю, да. В них вложили столько труда… и потом, мы же верим, что найдем Ирем. А побережье тебя не привлекает, нет?

— На море безопаснее. Иди, открывай карту и выбирай дворец поосновательнее.

Вскоре дыхание моря стало столь ощутимым, что его почувствовали и все остальные. Внешнего освещения флюгеры по-прежнему не включали, и только когда указанная Вишей платформа оказалась прямо под ними, Ика включил мощный прожектор. Сноп белого света выхватил из ночного мрака темную поверхность мерно дышащего моря и плоскую крышу, украшенную по краям причудливыми изваяниями, выполненными в стиле, который господствовал в искусстве начала разделения земель и культивировал абсолютное отсутствие содержания при крайней изысканности формы.

— Садимся. Виша, ты молодец. Идеальное место. — И альх-Хазред повел свой флюг на посадку.

Поскольку время было позднее, почти полночь, решили не выходить никуда, а переждать до рассвета. Уже почти привыкшие жить восьмичасовыми циклами, путники улеглись спать, подозревая, что возможно это их последняя спокойная ночевка.

Виша проснулась первой. Осторожно выбралась из-под одеяла, перебралась в кресло флюгера и немного посидела, приходя в себя. За пределами флюга уже рассвело. Подумав еще немного, Виша рассудила, что ее охотничий инстинкт, который она безжалостно подавляла вот уже несколько месяцев, должен быть удовлетворен — и немедленно. Прямо под ее ногами был настоящий дворец — еще из тех, самых что ни на есть древних времен. Ни один реликварий не устоит перед подобным вызовом. Виша наскоро умылась, выпила, морщась, остатки витаминного настоя, перекинула через плечо сумку и открыла нижний люк. Оглянувшись, она мысленно пообещала вернуться через пару часов и покинула флюг.

Манора встретила ее прохладой, ветром и тишиной. Виша постояла с минуту, привыкая, потом подошла к краю крыши и огляделась. Флюги стояли на одной из самых удаленных платформ, впереди было только море, позади — несколько таких же парящих над морем сооружений, и совсем вдалеке виднелись

смутные очертания островов. Девушка прошлась вдоль ограды, рассматривая статуи. Нельзя сказать, что они очень ей понравились, скорее наоборот — в их текучих, размытых очертаниях не было ничего человеческого, будто создавали их не люди, а морские чудища — угри, мурены, скаты. Виша поежилась от холодного ветра и решила поискать спуск вниз. Таковой нашелся, и вскоре она уже шагала по ступеням лестницы, ведущей на верхний этаж.

Вопреки вишиным ожиданиям, самый заманчивый для реликвария этаж — чердак, этот склад всевозможных вещей — оказался заперт, а поскольку у нее не было времени сражаться с массивной железной дверью, она предпочла спуститься вниз, на жилые этажи, разведать, что и как. Ни за что на свете девушка не призналась бы в этом, но когда она шла по узкой лестнице, стараясь ступать как можно тише, сердце ее сжималось от страха. Она, опытный собиратель, не боящаяся ночного леса, жестоко трусила; и только упрямство и гордость не позволяли ей убежать с визгом. Когда Виша решила, что спустилась достаточно, она собралась с духом и открыла дверь, ведущую с технической лестницы в просторный коридор.

В коридоре было сумрачно, свет просыпающегося солнца рассыпался сразу за окном, оставляя остальное пространство в тени. Пахло сыростью и запустением, но — Виша не могла этого не признать — здесь было все еще довольно красиво. Полы, выложенные мрамором, похожим на кипяченое молоко, стены — неровные, имитирующие рябь на море, в нишах — вазы на высоких постаментах. Виша взяла одну из них — разумеется, это была подделка, кто же поставит подлинник суртонской вазы эпохи династии Шуа Ду в коридоре? Но таких качественных подделок она еще не видела. Девушка полюбовалась вазой и не без сожаления поставила ее на место. Пройдя дальше по коридору, она попала в обширный зал; возможно, это была танцевальная комната или общая гостиная. Большие окна были до половины задрапированы атласными шторами, подобранными в пышные фестоны, по углам залы располагались кресла и диваны, на низких столиках все еще стояли бокалы. Следующей комнатой оказалась библиотека; здесь Виша рисковала задержаться очень надолго, поэтому она, наскоро просмотрев содержание шкафов и поняв, что ничего неизвестного ей там нет, погнала себя дальше. Однако у дверей задержалась.

На низком столике, вокруг которого стояли пуфы, похожие на набитые мешки, лежали принадлежности для настольных игр: доска со спиральным узором и трехцветные агатовые фигурки — для шаммахитского махшита, раскинувшиеся веером мизоанские

карты, реплика классической колоды из трех кругов Воительниц, Ведьм и Возлюбленных, серебряная шкатулка с хрустальными шариками. Но не они привлекли внимание реликвария. Виша подняла шкатулку и вытащила из-под нее искусно вышитую салфетку, встряхнула ее, расправила — и мысленно поздравила себя с удачей. Судя по всему, это было игровое поле, вышитое золотыми нитями трех оттенков. Виша видела похожие игры: кости, на которых выбрасывали число ходов, передвигаемые по полю фигурки, само поле. Но такой узор игры она видела впервые, так же, как и сочетание грубого полотна и золотых нитей. К сожалению, ни игральных костей, ни чаши с фигурками на столе не оказалось. Возможно, это игровое поле уже тогда использовали не по назначению, а всего лишь как антикварное украшение. Виша аккуратно сложила вышивку и убрала ее в сумку, на самое дно; машинально сцапала несколько хрустальных шариков и сунула их прямо в карман куртки.

Дальше по коридору была ванная комната, совершенно огромная, Више она показалась похожей на какой-то странный концертный зал, где вместо сцены — ванна размером с хороший бассейн на каменном ступенчатом постаменте, а занавеска из белой металлизированной парчи вполне сошла бы за занавес. Театральности добавляло и витражное окно, раскрашивавшее пол и стены в разные оттенки розового и сиреневого. Виша заглянула в шкаф, стоявший в углу: на белых полированных полках пылились уже совершенно слежавшиеся полотенца, висело несколько купальных халатов. В маленьком шкафчике с блестящими черными дверцами девушку поджидали хрустальные флаконы, когда-то полные духов, фарфоровые баночки с серебряными крышками, заколки для волос, украшенные — и это была несомненная удача — янтарем и жемчугом. Настоящими. Уже ради этого стоило кусать губы, борясь с тошным невнятным страхом; а когда Виша взяла в руки один из флаконов, то с трудом удержалась от радостного возгласа. Это был хрустальный флакон, на его боку была выгравирована бабочка и вытянутая литера «*К*» — эта изящная штучка вышла из мастерской дома Кадат, и женщину, когда-то переливавшую в него свои любимые духи, явно баловали сверх всякой меры. Не спеша поверить в удачу, Виша тщательно осмотрела дно флакона — так и есть, оно не было идеально гладким, посреди него прощупывался дефект, похожий на тугой пупок, лучшее свидетельство того, что флакон действительно был когда-то одухотворен точным выдохом стеклодува. Всего в шкафчике оказалось три таких флакона, остальные оказались стандартной штамповкой, а вот фарфор тоже приглянулся девушке — приятный на ощупь, легкий,

расписанный в старосуртонском стиле рыбками и лотосами. Словом, в ее сумку перекочевал хрусталь работы дома Кадат, четыре фарфоровых баночки и драгоценные заколки. Закрыв дверцы, Виша перевела дух и решила, что дальше испытывать судьбу не стоит. Пора возвращаться на флюг. Приняв это решение, она как-то сразу расслабилась, словно экзамен сдала; вышла в коридор, оглянулась и заметила еще одну дверь, последнюю перед галереей, выходящей на море. Помедлив с минуту, Виша нерешительно шагнула вперед, открыла дверь и поняла, что задержится еще ненадолго. В комнате были окна со стеклами чуть розоватого оттенка, в углу стояло огромное наклонное зеркало в овальной резной раме; рассмотрев его, Виша застонала — такая редкость, настоящее манорское зеркало, идеально прозрачное, не искажающее, любящее свою хозяйку… за такую реликвию она могла бы получить столько, что хватило бы на пару лет учебы у профессора Эредиа, и братьям на подарки бы осталось. Но в одиночку ей его и с места не сдвинуть, как не пыхти. И Виша повернулась к зеркальным шкафам, стоящим по периметру комнаты. В первом шкафу оказались шубы и меховые палантины, запакованные в специальный пластик и поэтому какие-то непривлекательные, плоские как шутки Маульташа. В следующем шкафу скучали теплые вещи, а вот в третьем Вишу встретили, поблескивая и шурша, вечерние платья. Их было не меньше сотни: коротких, длинных, полупрозрачных и тяжелых, красных, лиловых, белых, черных… украшенных перьями нильгайских птиц, жемчугом, стразами и вышивкой…

У девушки перехватило дыхание и зарябило в глазах. Она протянула руку, вытянула первый попавшийся рукав — длинный, шелковый; он выскользнул из ее ослабевших от счастья пальцев водяной струей. Виша, почти не осознавая себя, сняла с плеча и поставила на пол сумку, расстегнула куртку, потянула вниз брюки, сняла ботинки. Стоя перед распахнутым шкафом почти обнаженной, она мечтательно перелистывала платья, не в силах сделать выбор. Наконец пальцы ее запнулись на одной из вешалок. Виша вытянула платье из разноцветной глубины и ахнула: оно было нежным, как суфле из предрассветного облака, легким и соблазнительным. Лиф, обнажающий плечо, недлинная многослойная юбка, расшитая поверху коралловыми веточками из бисера; переходящие друг в друга белый, розовый, серебристый цвета… Не раздумывая ни секунды, девушка нырнула в него, окунувшись в прохладу пышной ткани. Вынырнула она совсем другим существом. «Я как верхнее пирожное в вазе», — подумала про себя Виша, взбивая пальцами белый верхний слой юбки, — «Так бы и съела такую прелесть!»

Тут она сообразила, что у шкафа, в котором жили все эти сокровища, створки зеркальные и ей пора посмотреть, насколько же она хороша. Виша шагнула назад и сомкнула створки.

В голове ее не было ни единой мысли, слишком счастлива она была; возможно, именно это спасло ее рассудок. Из глубины зеркала на нее глянула девушка, похожая на фею рассвета. Но это был не единственный встреченный ею взгляд. За ее спиной стоял кто-то высокий и тяжелый, у него было рыхлое и бледное лицо, цветом и формой напоминавшее прокисшее тесто, глаза его смотрели на Вишу с ледяной, нечеловеческой злобой. Девушка почувствовала прикосновение чего-то металлического у основания шеи, тело ее пронзила острая боль и на этом для нее все закончилось.

Тойво проснулся около девяти часов утра, в непонятном и неприятном ему самому расположении духа. Разбудил шаммахита, бесцеремонно пихнув его в бок, умылся и сел в кресло флюгера, пытась справиться с глухим раздражением.

— Утро, брохус, — не утруждая себя передвижениями, Иво обратился к Тойво через коммуникатор. — Наш одаренный друг вам еще не надоел?

— Ты о Маульташе? — переспросил брохус, чувствуя, что неясная тревога обретает пугающие очертания. — Его здесь нет. Виша у вас?

— Нет. — Иво замолчал. Видимо, понял.

Через пару минут четверо оставшихся стояли на крыше между двумя флюгами и решали, что же им делать.

— Найду — отлуплю тапочкой. — Альх-Хазред покачал головой. — Говорили же ей — не суйся ты в эти города треклятые… Чокнутая собирательша. А этого куда понесло? Боги мои, нас в любой момент могут накрыть с воздуха!

— Ика останется сторожить флюги. — Эльф был немногословен более обычного. — А мы идем искать Вишу и гнома. Подождите меня.

Когда он спустился из флюга, на руках его были боевые перчатки аспида.

— Так мне спокойнее. Тойво сам по себе оружие, а ты…

— А я — шаммахит, — перебил его флюгер. — Я без оружия с постели не встану. Слушай, раз такое дело… выпусти вишину сову. Пусть тоже ищет.

Они быстро прошли тот же путь, что и Виша, и остановились в коридоре, украшенном вазами.

— Она была здесь, — Тойво огляделся и быстро зашагал к последней полуоткрытой двери. — Сюда.

В комнате их встревоженные лица идеально отразило

манорское зеркало; а на полу перед зеркальным шкафом стояла вишина сумка и лежала ее одежда.

— Теперь понятно, — сообщил флюгер, распахнув шкаф. — Девочка не устояла и одела что-то из этой благодати. Видимо, совсем от счастья нюх потеряла… и они этим воспользовались.

— Не они. Она. — Уточнил бледный брохус. — Это была женщина. Злая настолько, что меня тошнит. Но Виша жива, хвала богам.

— Куда ее потащили? — спокойно спросил эльф. — А гном? Он с ней?

— Нет. А куда… не знаю. Я… я слишком волнуюсь. Поэтому плохо работаю, ничего не слышу, — брохус побледнел еще сильнее.

— Тойво, не паникуй. — Сказал флюгер. — Еще ничего непоправимого не случилось. Пошли, обыщем этот дворец, отсюда выход один — в море.

Пока они совещались, стоя у раскрытого шкафа с нарядами, по одной из опор несущей платформы спускалась массивная фигура. Она уверенно цеплялась за торчащие скобы и прутки арматуры; издалека казалось, что с ее плеч безжизненно свисают две куклы: одна маленькая и нарядная, в пышном платьице, похожем на взбитые сливки, с длинным черным хвостиком на затылке, а вторая нескладная, коротконогая и рукастая, с длинными красными волосами. У кукол для удобства переноски лодыжки и запястья были перемотаны липкой лентой. Фигура добралась до самого низа опоры и спрыгнула в поджидающую ее лодку, швырнула свою добычу на дно и запустила двигатель.

Виша пришла в себя от того, что чьи-то сильные руки, освобождая ее от пут, слишком сильно сдавили ее запястья.

— Извини. — Маульташ наклонился над ее ногами и одним движением разорвал широкую ленту. — Не хотел тебе боли, так уж вышло. Как сама?

— Вот увидела тебя, и сразу полегчало. Честно. Это что такое было, Маульташ? Так шею больно…

— Обычный шокер, только помощнее. Вырубает на раз. Особенно если знать, куда приставить.

— Да я не об этом. Кто там был? В зеркале, за моей спиной…

Виша села, подтянула под себя ноги, обхватила колени ладонями. Юбка вечернего платья распушилась бело-розовыми слоями, бисер поблескивал коралловыми каплями.

— Красивое платье, — неожиданно улыбнулся гном. — Тебе стоит почаще так одеваться, а то вечно как мальчишка. Не знаю кто был в твоем зеркале, а меня вырубила какая-то страхолюдина, когда я поперся за тобой в этот дворец, будь он неладен. Я даже

пикнуть не успел, иначе ты бы меня услышала. Хотя… если это платье было там не одно, могла и пропустить мимо ушей.

— Какая страхолюдина? Здоровенная, морда как гриб переросток, и смотрит так, что описаться можно?

— Примерно такая. Хотя при такой морде ей в зеркале делать вроде бы нечего… но любая баба, даже и образина, мимо зеркала просто так не пройдет.

— Ну вот, что-то уже прояснилось. Здоровенная уродина вырубила нас шокером, связала как кукол и приволокла сюда… интересно, куда именно? И зачем…

— Препочитаю выяснить только первое и унести отсюда ноги, пока она не приступила ко второму. Как по-твоему, где мы?

— Маульташ, тут темно, холодно и сыро. Неужели непонятно, мы в палаццо Вечной Весны! — Вишу мелко трясло, она всхлипнула. — Они нас убьют, да?

— Ну что ты… — Гном придвинулся к девушке, обнял ее за плечи. — Успокойся, девочка. Я…

В этот момент раздался скрежет, и их, сжавшихся в углу, окатило потоком нездорового, синеватого света. Свет хлынул из коридора, оказавшегося за металлической дверью, отъехавшей в сторону. Проморгавшись, Виша разглядела, что они находятся в небольшой комнате, похожей на клодовку: по стенам висят шкафчики и полки, на полу несколько массивных ларей, прямо перед ними решетка, а за ней стоят двое: невысокие, узкоплечие, одетые в какие-то балахоны. Лиц не разглядеть, поскольку свет им в затылок, но может оно и к лучшему.

— Неплохо. Совсем неплохо. — Голос у одного из них был таким низким и красивым, что будь обстоятельства иными, Виша непременно заинтересовалась бы его обладателем. Но сейчас ей, признаться, было не до того.

— Как я вам уже не раз говорил, Нифа лучшая охотница. К нам теперь редко заглядывают гости, — второй мерзко хихикнул, — а она чует их за версту.

— Надо будет как-то поощрить ее… что ты там говорил про ее коллекцию?

— Обойдется, — отрезал хихикающий. — Нечего баловать.

После этих слов дверь захлопнулась, и снова стало темно и тихо.

— Совсем обнаглели. — Констатировал гном. — Даже не представились. Виша, не реви. Сейчас малость выждем, и я открою дверь.

— Чем? — удивилась девушка и перестала дрожать.

— Я ж говорил — уважающий себя гном без резака из дому не выходит. — Гном вздохнул. — Жаль, не догадался я еще и фонарь

прихватить. Придется в темноте работать. Так что ты сиди тихо и жди.

Выждав с десяток минут, Маульташ ощупью нашел решетку и Виша увидела, как в темноте их тюрьмы зажегся оранжевый язык резака. Запахло горячим металлом, просыпался сноп искр и вскоре гном положил на пол кусок решетки.

— Ну вот, полдела готово. Как открою дверь, с минуту подождем, и пойдем потихоньку. Ты, главное, ничего не бойся. Договорились?

Виша кивнула. Вслед за этим последовало тихое шипение резака, разгрызающего замок. Несколько минут — и дверь свободно закачалась на петлях. Гном осторожно приоткрыл ее, впуская в камеру свет.

— Ну как, глаза привыкли? Тогда пошли.

Они вышли из камеры в коридор, широкий, освещенный трубками, заполненными голубоватой светящейся жидкостью. Пройдя несколько шагов, гном и девушка остановились. Виша, замерзнув в своем вечернем наряде, немного потерпанном и испачканном, но от того еще более похорошевшем, переступила по железным листам пола босыми ногами. Она машинально расправила бант сзади на поясе, встряхнула, распушила юбку.

— С ума сойти, — усмехнулся гном. — Пойдем, поищем тебе зеркало. А то оглядись, может здесь найдется.

Виша улыбнулась гному.

— Оглядеться никогда не помешает. Никак не пойму, мы под землей, что ли? И что это за росписи здесь такие, надо поближе посмотреть.

Она подошла к стене, вдоль которой располагался ряд фресок, написанных в неглубоких нишах прямо по зернистой поверхности штукатурки. Техника росписи была грубовата, но выразительна, краски сохранили яркость, что же касается содержания… через минуту у Виши застучали зубы, а подошедший Маульташ неодобрительно хмыкнул.

— Вот уроды. Как только выберемся отсюда, натравлю на них моих эльфов-ветрогонов. Пусть сожгут здесь все…

На ярких, несколько примитивных картинках были изображены ритуалы, принадлежащие какому-то малочисленному культу, возникшему в брошенной Маноре, на островах. Вероятно, когда-то здесь было очень красиво: на насыпных островах разбивались сады, похожие на плывущие по морю букеты цветов. С течением времени сады, предоставленные сами себе, израстались, чахли и угасали; место прежних изнеженных садовых жителей занимали совсем другие растения. Или, как это случилось здесь, грибы. Манора всегда была дорогим городом,

она любила баловать своих гостей роскошными апартаментами, красивой одеждой, утонченной кухней. Только здесь можно было отведать огромных морских крабов, запеченных в собственных панцирях, под соусом из водорослей и ягод, здесь выпекали самые воздушные пирожные, делали самые необычные конфеты. Сюда приезжали, чтобы познать многочисленные способы приготовления манорских оливок — величиной с перепелиное яйцо, мясистых, необыкновенно вкусных. И только здесь, на насыпных островах, выращивали сорта самых изысканных грибов. Небольшие плантации располагались неглубоко под землей, на уровне обычного погреба, и выращивали на них грибы всевозможных форм и вкусов. И вот на одном из островов грибы разрослись, вышли на поверхность, приобрели новые свойства и оказались предметом поклонения группы людей, потомков тех, кто остался после всеобщей эвакуации. Судя по содержанию фресок, грибы обладали наркотическим эффектом: выражение лиц жрецов, поедающих шляпки угольно-черного цвета, было блаженным и идиотским. Свою признательность люди выражали традиционным способом — приносили в жертву предмету поклонения себе подобных. На одной из картин бессильные тела оплетала грибница, высасывая из них все соки, на другой жрецы заставляли жертву есть землю, на третьей с отвратительной отчетливостью было изображено, как изо рта человека прорастают грибы. Словом, на островке процветал весьма отвратительный культ.

— Маульташ, они тут все сумасшедшие… — Виша с трудом узнала свой голос.

— Ну, не все. Эти ребятки в балахонах вполне вменяемы, — гном ободряюще стиснул плечо девушки. — Они тут неплохо устроились — и власть, и развлечения, и кайф. Причем бесплатно. Знаешь, пойдем отсюда. Давай за мной, потихоньку.

Они пошли по коридору, держась вплотную к стене, прислушиваясь и оглядываясь. Через несколько минут впереди показался широкий дверной проем, ведущий в небольшую пыльную комнату, что-то вроде чулана для культовых тряпок и посуды, с одним окном. Когда-то это была не то кухня, не то мойка, вдоль стены шел длинный стол с каменной столешницей и с парой раковин, пол был плиточный, холодный и потрескавшийся. Они прокрались туда, и как только Виша поравнялась с окном, за ним мелькнул крылатый силуэт.

— Уху! — девушка остановилась, прижалась к оконному стеклу. Сова села на внешний подоконник, сложила крылья. Они смотрели друг на друга сквозь толстое стекло, ведя только им слышный разговор.

— Нет, — покачала головой Виша. — Нет, я его не оставлю. Да и окно заколочено, мне не выйти незамеченной. Лети, зови на помощь. Все очень плохо!

Сова сорвалась с места и исчезла.

— Я мог бы вырезать стекло. — Гном выразительно постучал пальцем по лбу. — И вылезла бы по-тихому.

— Я без тебя не пойду. — В глазах Виши метался страх: похоже, она действительно струсила. — И не проси. Никуда я одна не пойду. Ни за что.

— Хватит. Я понял. — Гном обеспокоенно глянул на девушку. — Ты только не причитай, ладно? Сдохнем вместе, так и быть. — И он скорчил радостную рожу.

Они прошли через комнату, стараясь держаться рядом. Из нее вела только одна дверь. Маульташ осторожно приоткрыл створку и с полминуты смотрел в открывшийся проем. Оттуда доносилось какое-то невнятное бормотание, шелест и поскрипывание.

— Похоже, ребята решили закусить перед работой. — Деловито сообщил гном. — Сидят вокруг круглого гриба с меня ростом и откусывают прямо от шляпки. У некоторых зрачки уже под лоб закатились. Забористый, видать, гриб-то.

— Мы туда пойдем? Думаешь, они нас не заметят?

— Они через полминуты и шила в своих задницах не заметят. Идем тихохонько, как воры, по стеночке. Там какие-то колонны, тень… ну, готова? Пошли…

Затаив дыхание, они выскользнули из двери как потерявшиеся сновидения; легкими, мелкими шагами двинулись вдоль стены, прячась за колоннами. Собравшимся было действительно не до них — покончив с трапезой, они завели благодарственное песнопение, на удивление благозвучное и выразительное благодаря голосу того самого жреца, что с час назад рассматривал пленников в темной комнате. Виша, на минуту заслушавшись, будто забыла, где она и кто поет этот гимн. Ей захотелось подойти поближе, опуститься на колени, причаститься этому таинству, быть допущенной в самое сердце культа. Почуяв неладное, гном нашарил руку девушки и крепко, до хруста пальцев, сжал своей широкой лапищей. Виша вздрогнула, сморгнула выступившие слезы — и улыбнулась ему. Маульташ еле заметно кивнул, и они продолжили путь. Через бесконечно долгие минуты перед ними оказалась дверь. Массивная, разукрашенная, настоящая храмовая дверь. Гном открыл ее спиной, выскальзывая наружу и увлекая за собой девушку. Сделав еще пару шагов, они оглянулись. За спиной у них была неслышно закрывшаяся дверь, а впереди — выщербленные каменные ступени, ведущие на небольшую

площадь, окруженную кованой оградой. На площади стояли люди — немного, около пяти десятков, одетые в черные балахоны и наголо обритые. Они молча смотрели на вышедших из храма пустыми глазами.

— В рот мне ноги. — Только и успел сказать Маульташ. Сзади на их плечи легли те же тяжелые руки, что притащили их сюда. Двери храма распахнулись. Пришло время ритуала.

* * *

— Пусти! Пусти меня! — Она билась в его руках, изворачивалась не желающей купаться кошкой и даже изловчилась пнуть его в голень.

— Нет. — Он держал ее крепко, а в ответ на пинок только зашипел сквозь белые, ровные зубы. — Ни за что.

— Я не допущу ее смерти! Прошу тебя, позволь ей помочь! — Она прекратила брыкаться и просительно заглянула ему в глаза — холодные, синие эльфийские глаза. — Неужели ты допустишь, чтобы эти уроды ее… — и она заплакала.

— Она справится. Должна справиться. — Эльф провел ладонью по ее лицу, стирая слезы; с его пальцев в высокую траву сорвалось несколько сверкающих капель. — Не плачь, иначе алмазы обесценятся.

— Знаю, что должна. Но я не могу вот так просто на это смотреть, это невыносимо!

— Что, трудно быть богиней, Амариллис? — задавший этот вопрос стоял поодаль, опираясь на простой посох. Он пришел как всегда — ниоткуда, бесшумно и ненадолго. — Все хочется сделать самой и по-своему?

— Ну хотя бы помочь… — Она резко высвободилась из рук эльфа и подошла к гостю. — Тебя давно не было, Мастер Альфард. Может, ты разрешишь мне…

— И не мечтай. — Гость нахмурился. — Если не позволить детям совершать их ошибки, кто сделает это за них? Своему сыну ты разрешаешь искать скрытые тропы там, где ему заблагорассудится… между прочим, я на днях видел его в Арр-Мурра. Том самом. Он гонял наперегонки с каким-то мерзким на вид насекомым размером с собаку.

— Опять?!

— А ты думала, он в здешнем лесочке гуляет, собирает на зиму шиповник? — и гость засмеялся.

— Ты так смеешься, будто сам ему туда дорогу показал. — Амариллис нехотя улыбнулась.

— Даже если и так. — Уклонился от ответа гость. — Мне можно. А тебе — нет. Еще не время.

— Ну хоть присмотреть…

— Не попрошайничай! Хэлдар, уведи ее уже куда-нибудь. И позовите вашего мальчика, у меня для него подарок.

Глава третья. Оседлавшие ветер

Когда дорога закончилась, толстуха-охотница прекратила подталкивать пленников в спины чем-то острым. Гном и девушка, окруженные толпой одурманенных людей, остановились на границе настоящего грибного царства. Травы и мелкие кустарники уступали место грибам, росшим большими и маленькими группами, и поодиночке. Грибов было неестественно много и размеры их вызывали оторопь. Шляпки, морщинистые и гладкие, черные, лиловые и белые, возвышались над землей на добрые метры.

Маульташа и Вишу подтащили к двум грибам, росшим у входа в заросли, привязали к скользким ножкам. Тепло живых тел заставило грибы издавать резкий древесный запах, от которого кружилась голова, и рот наполнялся вязкой слюной. Из толпы вышли уже знакомые жрецы, неся в руках миски, наполненные чем-то черным с белыми нитевидными вкраплениями — согласно ритуалу, жертву полагалось сначала досыта накормить землей, перемешанной с грибницей. Когда к вишиному рту поднесли ложку, она замотала головой и попыталась увернуться. Но такое поведение было не в новинку здешним хозяевам, и та самая охотница подошла к гному и приставила к его глазу свой здоровенный тесак. Выразительно глядя на девушку, она кивнула жрецу. Тот снова поднес ко рту Виши ложку земли, и ей ничего не оставалось, как глотать это жуткое угощение, давясь и плача. После того, как ей скормили половину миски, пришла очередь гнома. Он проглотил свою долю молча, шумно дыша носом.

— Мауль… мне плохо… — Виша повисла на веревках, ее тошнило, грибные споры, посыпавшиеся из-под шляпок, мешали дышать.

— Держись, Виша. — Гном закашлялся — спор становилось все больше. — Уже недолго. Дыши глубже, так быстрее…

— Я… не хочу так… — Виша почувствовала, что теряет себя: грибные споры подавляли волю, гасили чувства, превращая трепещущую жертву в спокойную, как сама земля, пищу.

Как сквозь сон она чувствовала, что их отвязали и потащили еще дальше вглубь грибных зарослей. Через несколько десятков шагов еле передвигавшую ноги девушку швырнули наземь, она упала и ударилась головой обо что-то твердое, но упругое. С трудом разлепив веки, она посмотрела вверх — над нею возвышался огромный гриб. Где-то рядом тяжело дышал гном. Через несколько минут девушка даже сквозь оцепенение ощутила на обнаженных ногах покалывание; приподнявшись на локте, она

посмотрела на ноги — они были словно закутаны в толстую паутину, шевелящуюся и растущую. Нити грибницы выползали из земли и оплетали ее тело. А совсем рядом девушка разглядела холмик земли, формой схожий с лежащим человеком; там, где полагалось быть голове, рос молодой гриб, его молочно-белая, круглая шляпка возвышалась на полметра, источая тонкий трюфельный аромат. Виша уронила голову, теряя сознание.

Флюги летают бесшумно, поэтому появление незваных на ритуал гостей оказалось неожиданным. Для брохуса уровня Тойво удержать в повиновении более примитивное сознание грибов было несложно, да и с людьми он рассчитывал справиться. Эльфы тоже не могли отказать себе в удовольствии продемонстрировать, на что способен не на шутку разозленный аспид. Однако они не ожидали увидеть того, что увидели; надеялись, что успеют до начала жертвоприношения. Их глазам предстала картина, достойная страшной сказки: под огромным черным грибом лежали две игрушечные фигурки, будто оброненные ребенком-великаном. У куклы-девушки белое личико было выпачкано землей, из-под пышной юбки выглядывали подогнутые тонкие ножки, кукла-гном все еще пыталась удержать в руке резак, и обе они, как и полагается игрушкам, не дышали. Поэтому никто не стал бы винить их друзей за то, что они сделали.

Тойво, безошибочно узнав в толпе тех, кто более других наслаждался ритуалом, развернул золотой кнут карателя и, возможно впервые в жизни, прекратил сдерживать себя. Ему не составило труда обездвижить всех собравшихся, чтобы не торопясь и без помех расправиться с ними. Уже через минуту два главных жреца выли от дикой головной боли, катаясь по земле и пытаясь выцарапать себе глаза. Тому, у которого был красивый голос, это удалось быстрее. Охотница, рванувшая было навстречу брохусу, споткнулась от одного его взгляда и упала на колени. Когда катавшийся по земле жрец с кровавыми дырами на месте глаз толкнул ее, она одним взмахом перерубила его шею. Второго жреца толстуха долго и усердно била по голове тяжелой рукоятью резака, а когда он прекратил дергаться, этим же резаком вскрыла свой живот, как набитый мешок. Остальные, исповедавшие культ, падали наземь, закрывая затылки руками и причитая; один за другим, под кнутом Тойво эти люди вскрикивали и затихали.

Если бы Виша могла бы увидеть сейчас Тойво Маарви, она вряд ли бы узнала его: вместо спокойного доброго юноши на поляне свирепствовал безжалостный брохус. Такого даже она не рискнула бы обозвать «подгузником». Его менто выжигали в людях остатки разума, причиняя сильнейшую боль, а потом отнимали жизнь. И судя по выражению лица и блеску глаз, Тойво

наслаждался этим. Когда наказывать стало некого, брохус с явным сожалением свернул кнут.

Эльфы, оставив людей на расправу Тойво, выкосили грибные заросли подчистую. Иво и Ика не один десяток лет прослужили в войсках аспидов и знали, что грибы не так проворны, но недооценивать их не стоит. Однако ни споры, ни липкая паутина грибницы эльфов не смутили и почти не помешали. Они танцевали с ядовитой, зажравшейся смертью, не давая ей ни малейшего шанса уйти живой.

— Виша! Виша, очнись! — Брохус обнял девушку за плечи, приподнял ее с земли.

— А ну-ка, дай посмотрю… — подошедший шаммахит оттянул девушке веки, прижал пальцы к ее горлу. — Ясно.

Через несколько минут он вернулся из флюга, неся сумку. Присел рядом с брохусом, достал металлический пузырек и небольшую фляжку. Отвинтив крышку пузырька, альх-Хазред сунул его под нос Више — от этого девушка резко дернулась и задышала.

— Вот умница… Ика, возьми, помогите гному. А теперь, пока ты еще не совсем в себе, выпей-ка… — и флюгер прижал фляжку к вишиным губам. Она сделала несколько глотков, и буквально тут же ее вывернуло наизнанку.

— Отлично! Тойво, подержи ей голову, и вообще… нет, этого хватит. От большей дозы она с кишками расстанется. Как зачем, Маульташ? Сейчас и тебя угощу. Такого рвотного ты нигде не найдешь, как раз то, что вам сейчас нужно, землееды вы наши. Ты же не хочешь стать грибной грядкой? Я так и думал… Пей, не брезгуй.

Гнома и девушку тошнило довольно долго и мучительно, зато вся грибница, смешанная с землей, покинула их желудки. Как только спазмы прекратились, неудавшиеся жертвы были перенесены во флюги. Поднявшись над иссеченной эльфами поляной, флюги встали рядом, затем разлетелись и пилоты, коротко посовещавшись, решили использовать огнеметы. Через полчаса небольшой остров, когда-то бывший местом паломничества гурманов (дом, где держали пленников, был самым знаменитым грибным рестораном Маноры), был выжжен дотла. Черная проплешина замечательно просматривалась с воздуха, да и дым был весьма заметен. Но все это не шло ни в какое сравнение с теми чувствами, которые испытал Маульташ — он, еле живой после ритуала и шаммахитского рвотного, лично управлял огнеметом. Эльфы не могли на него налюбоваться; Ика закладывал виражи один круче другого, чтобы гном потешился от души. Виша оказалась не настолько выносliва, она лежала как

мокрая белая тряпочка на коленях брохуса и иногда постанывала, когда судороги напоминали о себе.

— Ну, все. Хорош веселиться. — Аль-Хазред не без сожаления поднял флюг над дымящимся островом. — Вечереет уже. Куда направимся? Предлагаю лететь отсюда, пока не… поздно.

— Вижу, — отозвался в коммуникаторе голос Иво. — Это Симхан. Надо же, как кстати — мы даже размяться успели. Ну что, обеспечим нашим собратьям теплую встречу?

— Обойдутся, — отрезал шаммахит. — Удираем. Вы идете за мной, и никакого геройства — мы не на войну призваны.

— Слушаюсь. — Отозвался Иво. — Веди, я готов.

Симхан выслал по их души пять флюгов; выстроившись в ровную линию, похожую на тонкий пунктир, они приближались с тоскливой неотвратимостью судьбы. Альх-Хазред, успевший во время поисков пропавших друзей осмотреться в городе, раздумывал недолго.

— Поиграем в прятки во дворцах, — бросил он в коммуникатор. — Скоро совсем стемнеет, так что если повезет, ночь пересидим. А там видно будет…

Два флюга развернулись и метнулись в сторону моря. Виша, почти придя в себя, добралась до кухни, и напилась воды. Там же она умылась, стащила с себя запачканное землей, потрепанное платье и переоделась: на дне шкафа она увидела знакомую сумку и сверток, в котором опознала свою одежду, брошенную перед зеркальным шкафом. Не удержавшись, Виша раскрыла сумку: так и есть, все ее находки на месте… она усилием воли заставила себя положить сумку на место, натянула брюки, куртку и только чистую майку позаимствовала у альх-Хазреда.

— А вот и наш великий реликварий пожаловал! — Не оборачиваясь, приветствовал девушку флюгер. — Ожила?

— Вполне, — ответила Виша. — Ты планируешь размазать нас по стене первого попавшегося палаццо?

— Не хотелось бы… — Флюгер не принял шутки. — Сядь и не мешай.

Виша села рядом с брохусом, чуть поодаль сидела ее сова. Они притихли и смотрели, как пролетают под флюгом острова. Вскоре показались первые дворцы на платформах. Они миновали несколько, вокруг одного альх-Хазред облетел пару раз, но чем-то остался недоволен и метнулся дальше. Темнело.

— Альх, выбирай уже хоть что-то, — раздался в коммуникаторе голос Иво. — В темноте без бортовых огней я тебя потеряю.

— Понял. А… вот оно. — И флюгер направил машину к вызывающе высокому зданию, взметнувшему к фиолетовым

небесам тонкий шпиль.

— Альх… — Виша изумленно смотрела на приближающиеся стены темно-красного камня. — Да это самое заметное строение! И самое знаменитое… извините, не буду. Но как ты туда собираешься попасть?

— А что? — поинтересовался флюгер. — Туда пропуск нужен?

— К твоему сведению, окна там все витражные и узкие, верхние галереи все в стрельчатых арках и просматриваются насквозь, а нормального входа нет, поскольку это был храм, и попасть туда можно было только по воздуху! Паломники на воздушных шарах прилетали, вон видишь, башенка такая с балконом — так это пристань для них была.

— И нам сгодится. Иво, следи за мной. Крылья сведи до предела, насколько сможешь. Должно получиться.

Флюги один за другим проскользнули в башню сквозь арку, осветили пыльный коридор, с трудом протиснулись по нему в в небольшую залу, служившую для приема паломников, и опустились на пол. Пол слегка дрогнул, но выдержал.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес шаммахит, — коридор изгибается, как я и ожидал… бока я себе попортил, но зато нас отсюда не видно. Сюда они не сунутся. Так что отдохнем, нам это не помешает.

— Какой тут отдых, — тихо отозвалась Виша. — Они нас точно не заметят?

— Точно. Не бойся. Знаешь, что — давай-ка выпей снотворного и ложись спать. Хватит с тебя ужасов на сегодня.

— Поддерживаю, — подал голос из коммуникатора гном. — Толку от тебя сейчас никакого, а намучалась ты изрядно.

Маульташ говорил так спокойно, будто и не ему пришлось несколькими часами раньше есть землю и готовиться умирать.

— Не надо снотворного, — брохус мягко притянул Вишу к себе, усадил рядом. — Посмотри на меня… не сопротивляйся… вот так… — и поцеловал ее.

В ответ Виша только тихо вздохнула, зевнула, в несколько шагов добралась до ложа и мягко рухнула в подушки. Из последних сил она подняла голову, показала Тойво язык, улыбнулась и закрыла глаза. Через секунду она уже спала.

— Тебе тоже не помешает немного поспать. Весь день в воздухе, надо отдохнуть.

— Неплохо бы. Чуть позже… может быть. А пока давайте решать, куда направимся утром.

— А никуда. Отсидимся здесь, — предложил гном. — Эльфы полетают-полетают, да и сгинут. А мы тут переждем.

— Как же, сгинут они… — перебил его Ика. — Альх, ночью они нас здесь не высмотрят, это ясно. Но вот потом…

— Они переждут ночь так же, как и мы. — Иво вздохнул. — А потом двое будут патрулировать Манору по периметру, а остальные тут все повытрясут. Не получится отсидеться, Маульташик.

— Я тебе дам Маульташик, хлыщ остроухий! — судя по звукам, доносившимся из коммуникатора, гном кинул в эльфа чем-то тяжелым.

— Эй вы, там! — Прикрикнул альх-Хазред. — Значит, решаем так. Я и Ика — спать. Остальные как хотите, но один должен бодрствовать. Мало ли что, вдруг здесь тоже кто-нибудь негостеприимный живет. Как рассветет, будите нас.

Шаммахит встал, прошел к кровати, деликатно примостился в ногах спящей Виши и попросил:

— Тойво, не мог бы ты и мне помочь со сном… снотворного мне нельзя, я после него никуда не гожусь. Только давай обойдемся без поцелуев, ладно?

— Как скажешь. — Усмехнулся брохус. — Чего уставился? Спи уже.

После этих слов флюгер, вопросительно смотревший на Тойво, уронил голову на подушку и уснул.

— Я подежурю, — и Тойво устроился поудобнее, вытянув ноги, заложив руки за голову. — Мне успокоиться надо.

— Хорошо. Я следующий. — Ответил ему Иво.

Више очень редко снилось что-нибудь яркое и запоминающееся, но этот сон оказался необычным даже сверх меры. Ей привиделся прекрасный и грозный пейзаж: темно-синее ночное небо, высокие угольно-черные скалы, море, разбивающееся о камень мириадами брызг-осколков. Продолжением скал вырастал дворец: ведущие из него широкие лестницы заканчивались прямо в воздухе, шпили цеплялись за облака, а над одной из башен кружил кто-то огромный, похожий на дракона, каким его запомнила Виша из иллюстрированной книги древних легенд. Внезапно башня приблизилась, и девушке стал виден опоясывающий ее балкон, огражденный каменной баллюстрадой. Из распахнувшейся двери на балкон выбежала вишина знакомая: растрепанная больше обыкновенного, одетая в простое легкое платье, босая и расстроенная. Она остановилась, чуть было не налетев на перила, и уставилась на море, смаргивая слезы. Через минуту она решительно вытерла глаза, поцеловала кольцо с прозрачным черным камнем и легко вспрыгнула на ограду. Но шагнуть в бездну не успела, потому что внезапно перед нею в воздухе появился дракон: огромный настолько, что от

взмахов его могучих крыльев стонал воздух, а весь замок казался рядом с ним детской игрушкой. Вишина знакомая застыла на месте как ребенок, которого застигли за кражей конфет: спрятаться негде, отовраться не получится, и рот вытирать поздно. А дракон постепенно уменьшился, его тело, прежде отчасти призрачное, перетекающее из одного цвета в другой, словно стало плотнее и тяжелее; когда через несколько минут он опустился перед девушкой на каменный пол балкона, замок ощутимо дрогнул, от башенных шпилей до скального основания. Застигнутая с поличным повернулась к дракону, спрыгнула с перил, и, запинаясь, подошла ближе. А потом Виша увидела, как она обнимает дракона, прижимается к нему, а он бережно охватывает ее крыльями.

Виша мало что разобрала из их диалога, но одно было понятно — ее знакомая, которую Сорью без тени насмешки именовал богиней, о чем-то просила дракона. Просила как слабая — сильного, как подданная — своего короля, горячо и искренне. И он не устоял, не смог ей отказать. Покачав красивой, массивной головой, он одним движением крыла подбросил девушку, так что она оказалась у него на спине, и взмыл в воздух. В своем сне Виша была вольна последовать за ними; она видела, как плавно взмахивая крыльями, дракон летит над неспокойным морем, как жмется к его спине маленькая фигурка.

Он унес ее очень далеко от берега, уже давно перестал быть виден самый высокий серебряный шпиль, повсюду, куда ни глянь, только волны и небо. Но вот внизу показался остров — совсем маленький, скорее, гряда скал с ровной плоской верхушкой. Ничего не было на этом островке, одни голые камни, подставляющие черные бока соленым брызгам, а спины — звездному свету. Дракон завис над скалами, девушка легко соскользнула наземь. Отступив на пару шагов, она низко склонилась в благодарственном поклоне. Дракон кивнул в ответ, поднялся ввысь и стал кружить над островом.

Девушка, оставленная на плоской каменистой вершине, неторопливо обошла ее, словно пробуя босыми ногами камень. Потом она оглянулась, тщательно выбрала место, встала и замерла. Лицо ее было сосредоточенно, но не напряжено, губы даже слегка улыбались. Поющий кристалл, выпущенный ею из переплетения цепочек в ладони, ждал, покачиваясь в воздухе. И вот, выждав ровно столько, сколько надо, выдержав идеальную паузу, Амариллис (именно сейчас Виша смогла вспомнить ее имя) начала танцевать. Сначала совсем просто, переступая шаг за шагом по кругу, едва касаясь босыми ступнями черного камня, и от этого незатейливого танца притихло море, замер воздух, а вот

островок, напротив, весь напрягся, как зверь перед прыжком. И разливалась вокруг прозрачная, обманчиво легкая музыка, закручивая вокруг танцовщицы хрустальные спирали. Постепенно мелодия темнела, становилась туже и сложнее, и танец Амариллис менялся на глазах. Не сказать, что она двигалась тяжело — это просто было невозможно, но казалось, что она танцует глубоко под водой, преодолевая ее молчаливое сопротивление. Виша смотрела, не в силах оторвать взгляд от явленного человеку впервые за многие столетия искусства танцовщицы Нимы. Она едва переводила дыхание, и трепетала сама. Этот священный трепет передался не только ей — ровное море покрылось рябью, воздух задрожал. И вот, после череды поворотов, танцовщица упала на колено и воздела руки в страстном, повелительном жесте. В ответ море, только что ровное и едва дышащее, выхлестнуло волны такой высоты, что на мгновение танцовщица оказалась словно на дне водяной пропасти. Холодные, блестящие капли окатили ее, воздух заискрился водной пылью. Легко скользя по мокрому камню, Амариллис преодолевала, изменяла характер мелодии, и уходила вынужденная тяжесть бездействия, и пространство заполнялось силой и светом.

Рисунок танца вернул ее в начало, к месту паузы; опустившись на оба колена, танцовщица прижала руки ко лбу и, резко опустив их, ударила сжатыми кулаками черный камень скалы. Више показалось, что в ответ дрогнуло, загудело само морское дно. Трижды повторяла Амариллис это движение, после третьего удара Виша увидела кровь на ее разбитых пальцах и ощутила, как к запаху моря примешивается свежий, горький запах полыни. И каждый раз уже штормящее море вздрагивало, и от подножия скалы начинала разбег волна, уходящая за горизонт и стремительно растущая.

Мелодия, рожденная кристаллом, несколько ослабила тугие петли, но лишь затем, чтобы выбрасывать их одну за другой, все быстрее и быстрее, заставляя танцовщицу кружиться по самому краю островка, едва не срываясь в ревущие волны. Виша слышала в музыке свист ветра, видела, как треплет он подол испачканного кровью платья и ей казалось, что Амариллис танцует не одна, что ветер равный ей в этом танце. И когда над ее головой уже бушевал настоящий ураган, она остановилась, замерла на самом краю обрыва, простирая руки ввысь. С потемневших небес бесшумно упала крылатая тень, подхватила танцовщицу и понесла ее прочь, без малейшего усилия преодолевая хватку разбуженного богиней симхана.

Тойво бодрствовал около трех часов, потом разбудил Иво,

послав ему менто.

— Пока все тихо. Ваши флюгеры великолепны: все сделали, как и предсказывал Альх. Двигаются точно, слаженно, по насестам расселись так, что только в паре мест было слышно. И все-таки до нашего шаммахита им далеко. Я чувствую, как они летают — они командуют, распоряжаются… а Альху достаточно подумать. Флюг его *любит*. Так что у нас есть шанс удрать живыми.

«Неплохо бы… но ни я, ни Ика и вполовину не дотягиваем до уровня альх-Хазреда», — подумал в ответ эльф. «Но, в крайнем случае, прикроем вас».

— Иво, ты хорошо меня слышишь? — невпопад спросил вдруг брохус.

«Хорошо. Непривычно, но… пожалуй, я даже *чувствую* тебя».

— А кто из вас лучший флюгер — ты или Ика?

«Ика».

— Тогда разбуди его.

Не спрашивая, зачем и почему, Иво выполнил просьбу брохуса, и вскоре оба эльфа вели неслышный разговор.

— Ика, ты хорошо меня слышишь? — повторил свой вопрос Тойво.

«Отлично».

— Тогда позволь мне управлять тобой. Вернее не мне, а альх-Хазреду. Я буду лишь передающим звеном. Если ты откроешься настолько, чтобы подчиниться, я смогу передать ваш флюг Альху. Понимаешь меня? Наши флюги будут полностью синхронны.

«Ну ты и хитрюга, Тойво. Шаммахит воистину летает как бог. Если он поведет оба флюга…»

«Мы будем связаны и поэтому более уязвимы». Это был Иво. «Но от нас будут ждать именно маневров с разделением…»

«Мы можем с них начать». Снова Ика. «А потом я передам через тебя управление Альху. И вот тут мы их удивим…»

— Альх сможет удрать от Симхана. — Уверенно подумал брохус. — Тогда я немного отдохну. Иво, разбуди на рассвете.

Прошло около пяти часов. Ничто не нарушало покоя спящей Маноры; флюги эльфов, как хищные птицы, притаились в ожидании, ничем не выдавая своего присутствия. Иво приподнял ресницы — так и есть, поворот коридора, о который шаммахит ободрал бока своего нарядного флюга, окрасился серо-розовым светом. Там, снаружи, вставало солнце.

Им всем хватило нескольких минут, чтобы проснуться, наскоро привести себя в порядок и, по настоянию альх-Хазреда, подкрепить свои силы.

— Я сам не слишком жалую искусственные стимуляторы, но

сейчас они не помешают. Виша, твои братья знали неплохую комбинацию препаратов, у меня в аптечке ты найдешь все компоненты. Как смешивать помнишь?

— Помню. Готовить на всех?

— На всех.

Чтобы обсудить план, предложенный Тойво, им хватило десятка минут, после чего эльфы и гном вернулись в свой флюг.

— Жаль, отрепетировать нельзя, — с сожалением сказал шаммахит, осматривая энергетическую установку. — Я польщен вашим доверием, но начнем порознь. Заставим их погоняться как следует. Виша, ты что, спишь? На тебя даже стимуляторы не действуют ранним утром, сова?

— Я не сплю, — ответила Виша, все еще сидя на краю меховой ступеньки и глядя в одну точку. — Я вспоминаю.

— Что? Этих грибников? Не надо… — шаммахит махнул рукой.

— Нет, не их. Я видела что-то очень важное… Тойво меня разбудил, когда… Когда они улетели, а ураган пошел в море…

Тут Виша умоляюще посмотрела на спутников, пытаясь объяснить им свой сон.

— Сейчас что-то случится. — Только и успела сказать она.

Первая волна-убийца достигла пределов Маноры как раз на рассвете. Она ударила по опорам дворцов, как под колени, заставляя их стонать и сгибаться, и пошла дальше, навстречу островам и побережью. Храм, где прятались беглецы, устоял, несмотря на легкость и изящество архитектуры. Его опоры лишь слегка разошлись, отчего он покачнулся, рассыпал витражные стекла по пыльным полам и не смог удержать хрупкую галерею, соединявшую башни.

— Спокойно. — Альх-Хазред сидел в своем кресле, перчатки каким-то чудом уже были на его руках, и кристалл уже ответил на звон золотого пиратского браслета. — Спокойно. Ика, как будешь готов, скажи. Не спеши. Летим, как решили. Сколько сможем, порознь. Как только поймешь, что тебя загоняют, зови Тойво.

С минуту тишину нарушало только пение шаммахита; на этот раз в его песне проявились новые, резкие и гортанные ноты. Он звал свой флюг не просто полетать — он настраивал его на сражение.

— Я готов. — Кристалл в эльфийском флюге, слабо слышный в коммуникаторе из-за голоса Ики, тоже звучал не по-мирному.

— Тогда… посмотрим, кого сегодня больше любят боги!

Флюг ожил по мановению рук альх-Хазреда; дрожа от нетерпения, как боевой конь, он выбрался из узкого коридора и

рухнул вниз, в воющие водовороты. Вслед за ним со свистом в небеса прянул флюг эльфов.

Виша зажмурилась — там, снаружи, уже рассвело; внизу было беснующееся море, наверху — свинцовое небо, и повсюду был ветер. Немыслимой силы. Он подхватил легкие флюги и швырнул их как бумажных птичек. Шаммахит обогнул одну из покривившихся опор, вывел флюг на уровень платформ и успел крикнуть в коммуникатор:

— Ика! Это симхан! Не спорь с ним, жалей крылья!

И в этот миг из-за пелены дождя показались эльфийские флюги. Бело-синие, острокрылые, безжалостные. Они разделились — трое направились к шаммахиту, двое — к собратьям.

Виша мало что запомнила из этой невозможной гонки; к вящей досаде альх-Хазреда она почти ничего не могла рассказать об этом. Память сохранила только скорость, от которой ее мутило, виражи, от которых у нее темнело в глазах, порывы ветра, выкручивавшие флюгам крылья и опрокинувшие один из флюгов-преследователей в море. Она не помнила, как уворачивался альх-Хазред от падающих дворцов, падающих обманчиво медленно, с протяжным гулом, похожим на вздох облегчения. Она не помнила, как он заманил эльфов в какой-то музей, выстроенный на нескольких платформах, соединенных ажурными хрустальными переходами, — и сам успел пронестись стрелой по длинной анфиладе залов, в грохоте бьющегося стекла и скрежете проседающих стальных балок, а вот преследователь его оказался не столь удачлив. Порой до нее доносился спокойный голос Ики; эльф держался на высоте, не подпуская сородичей к флюгу шаммахита. Время остановилось для Виши, пространство свернулось в безумную спираль гонки, которую рассекали по минутам то наваливающаяся откуда-то сверху мраморная громада, то ливень огромных стеклянных лезвий, то пара бело-синих флюгов, безуспешно пытающаяся свернуть эту спираль. Но как пришла вторая волна — вот это Виша запомнила. Она почувствовала ее приближение за минуту.

— Альх! — Крикнула она, цепляясь за ступеньки, ничего уже не соображая, но всем своим существом зная — вот оно, вот! — Идет еще волна!

В этот момент Тойво встал, цепляясь чуть ли не за пол, добрался до пилотского кресла и встал позади флюгера.

— Ика зовет. Я не помешаю тебе, не беспокойся. — И тонкие, сильные пальцы брохуса легли на затылок и шею Альх-Хазреда. Флюгер даже не вздрогнул.

— Не нужно командовать. — Тойво говорил так спокойно,

будто они вылетели поразмяться на окраину Лис-Арден, а не метались между ревущим морем, рушащимся городом и вихревыми потоками. — Ика передал все управление тебе. Флюги полностью синхронны…

Жаль, некому было увидеть это со стороны, увидеть и полюбоваться тем, как два флюга — все еще блестящий и еще более потрепанный — сначала зависли, подрагивая от ураганного ветра, нос к носу, а потом встали один над другим, так, что потрепанный оказался чуть выше и сзади. Воспользовавшись их минутной задержкой, флюги Симхана подобрались с трех сторон. А со стороны моря пришла волна — вторая, раза в два выше первой.

Альх-Хазред рванул флюги в сторону и вверх, успев избежать цепкой хватки эльфов. Он направил машины прямо навстречу водяной стене, закрывшей полнеба; он вычерчивал в небе какую-то немыслимую траекторию, затейливую как шаммахитские орнаменты. Оказалось, что та скорость, с которой он еще недавно метался по разрушающемуся городу, для него не более чем разминка и проба сил. Руки альх-Хазреда, напряженные и прекрасные, словно танцевали, а сам он пел, и это пение, в котором слышались и протяжные голоса жителей пустыни, и властные молитвословия шаммахитских священнослужителей, странным образом сплеталось с пронзительным голосом урагана. Альх-Хазред и симхан пели вместе, и поэтому пожиратель кораблей — так в древности предки шаммахита называли этот смертоносный ветер — принял того, кто рискнул полетать рядом с ним, наравне с ним, соприкасаясь крыльями.

Третий из эльфийских флюгов не вовремя выполнил разворот и оказался буквально смят хваткой симхана и рухнул в море. Оставшиеся двое преследователей продолжили погоню. Когда шаммахит оказался совсем рядом с волной-убийцей, чуть ли не окунув нос в воду, он развернул флюги, подняв их вверх, ведя вдоль блестящей мокрой стены. Там, где край волны начинал заворачиваться вовнутрь, альх-Хазред опрокинул флюги, описал полный круг, еще один, еще — словно наматывая спираль, с каждым разом чуть дальше отодвигаясь от воды. А потом, отсчитав нужное и только ему ведомое число витков, совершил нечто и вовсе неправдоподобное: на секунду застыв, уронил флюги вниз, как с отвесной горки. И полетел над взрыкивающим морем со скоростью, от которой у всех, включая эльфов, потемнело в глазах. Крылья флюгов, сведенные до предела, превратились в тонкие иглы, пронзающие пространство. Альх-Хазред вел свои корабли по туннелю, в который сворачивалась падающая волна; позади него туннель сужался, но впереди еще

была надежда успеть. Если не задержат все еще торчащие из моря остовы платформ, если не ветер не поранит крылья случайным осколком… и если не сбрасывать скорость ни на йоту — даже если у флюгера сердце заходится и вены на руках пульсируют, грозя вот-вот лопнуть, а у полуобморочного брохуса глаза закатились так, что видны одни белки.

Они успели. Выведя флюги из водной трубы, альх-Хазред поднял их на безопасную высоту, развернулся. Их преследователи сгинули. Как и предсказывал Маульташ: полетали-полетали, и сгинули. Сегодня боги были на стороне беглецов.

— Ика! Хорош отдыхать! — Шаммахит немного расслабил руки.

— Готово. — Брохус снял пальцы с шеи флюгера, и осел прямо на пол, позади его кресла. — Дальше они сами справятся.

— Какие будут распоряжения? — Голос эльфа звучал обманчиво ровно.

— Уходим от моря подальше. Виша! Как там твоя интуиция? Еще волны будут?

— Не знаю… — Еле слышно простонала девушка. — Но лучше не проверять…

— Верно. Уходим на восток. И побыстрее. Держитесь рядом, и не расслабляйтесь особо — симхан шутить не станет.

Спустя десяток минут, когда они уже успели отдышаться, Виша, сдавленно вскрикнула — с моря шла третья волна.

— Ну все. Манору можно стирать со всех карт. — Мрачно констатировал шаммахит. — Идем выше, Ика, так безопаснее.

Прошло около трех часов, когда два флюга приземлились на пустынном, каменистом побережье, где-то поблизости от Мисра. Из них буквально выпали шестеро беглецов и, не сговариваясь, бросились обниматься. Гном пустил по кругу золотую чеканную флягу, от чего объятия стали еще более жаркими.

— Альх! Ты… ты невозможно великолепен! — Виша повисла на шее у шаммахита.

— А ты только сейчас это заметила? — флюгер поцеловал ее в нос и поставил на землю. — Я несказанно польщен. Но учти — если ты еще хоть раз потащишь свою маленькую задницу куда не следует, я тебя из флюга до самого Ирема не выпущу. Даю слово пережившего симхан.

— Во всех смыслах. — Смущенно пробормотала Виша. — А… а моя сумка… вы ничего из нее не потеряли? Там такие заколки были, и вышивка…

Все переглянулись и в голос засмеялись.

— Прекратите хихикать… — Обиженно протянула Виша. — Сама знаю, звучит нелепо, но там такая вышивка была… эх вы,

неучи… — И засмеялась сама.

Спустя несколько минут они принялись решать, сколько часов отдыха обязаны себе позволить.

— Я на пределе, — признался шаммахит. И в самом деле, выглядел он неважно — бледный даже сквозь природную бронзу кожи, дрожащие руки, мгновенно проявившаяся синева под глазами. — Сейчас упаду и пока сам не проснусь, лучше не трогайте.

Он с трудом, пошатываясь, добрел до своего флюга и исчез в капсуле.

— Я, пожалуй, тоже не буду смущать вас своим видом, — Ика тоже выглядел так, что в гроб краше кладут.

— Так иди отдыхай… доходяга, — Иво помог собрату дойти по флюга и вернулся к остальным.

— Вы подежурите здесь, ладно? — неожиданно попросил оставшихся Тойво. — А мы с Вишей погуляем немного, нам хочется побыть вдвоем.

— Ага… — прогудел гном. — Идите… Только далеко не забредайте, мы не будем прислушиваться. Верно, Иво?

Они ушли не так чтобы далеко; когда пара поворотов морского берега, изрезанного известняковыми лагунами, скрыла от них флюги, они укрылись в одной из них. Забрались немного повыше — там, между теплыми камнями тихо посвистывал ветер, шелестели стебли какой-то бессловесной полусухой травы, растущей у подножия скалы, мягко белел мелкий песок. Тойво, не говоря ни слова, совсем как тогда, в душе, прижал Вишу к себе и начал целовать ее.

— Сколько тебе лет, Тойво? — вдруг спросила Виша, чуть отстраняясь.

— Двадцать три. — Брохус не удивился этому вопросу.

— Значит, мы можем рассчитывать на семь лет безоблачного счастья, — всхлипнула Виша. — Если раньше времени нас не доконает наша страсть к приключениям…

— Не так уж и мало. — Тойво лизнул ее мокрую щеку. — Главное — правильно воспользоваться отведенным временем. И не шарахаться в одиночку черт-те где. Мне не очень нравится работать с людьми, но ты не оставляешь мне выбора — прошу тебя, помни, что я убью любого, кто попытается тебе повредить. Я люблю тебя, Виша. И я буду защищать тебя, и помогать тебе, и всегда буду рядом — хорошо ли тебе, плохо ли…

Он не стал дожидаться ответа, крепко обнял, прижимаясь металлическим виском к ее голове.

Песок оказался на удивление теплым и мягким, он оставлял на коже легкий белесый шлейф, осыпался с тихим шорохом, когда

они поворачивались, не размыкая объятий. Више все происходящее снова казалось сном; ее сознание перестало справляться со слишком быстрой чередой событий, но Тойво всегда действовал на нее умиротворяюще, с ним она успокаивалась, открывалась ему и забывала о себе.

И Тойво, и Виша впервые в жизни любили не в замкнутом пространстве человеческого жилья, а под огромным небом, под боком у бескрайнего моря. В мягком свете дня их бледная, не знающая загара кожа отливала прозрачным перламутром, казалась тонкой и уязвимой, особенно вдоль голубых ручейков вен. Импланты брохуса вдруг перестали быть привычно-естественными, их чужеродность резала Више глаза, ей казалось, что все эти разъемы, контактные диски, шунты причиняют Тойво боль. Она прикасалась к его телу с осторожной нежностью, чуть не плача от нахлынувших чувств. А Тойво, ловя эти мотыльковые касания, погружаясь в них, уже не мог сдерживаться и открывался Више так глубоко и сильно, как никогда и подумать не смел. Его мысли стали для нее как открытая книга; с каждым вздохом, слетавшим с их губ, на секунду прекративших поцелуй, она все яснее понимала, кем была для брохуса. Виша видела его, влюбленного и тоскующего так сильно, что душа его была словно искромсана руками неумелого аспида, — и уже готового воспользоваться своей силой, чтобы добиться ее взаимности. Тойво отказался от этого намерения не потому, что был чересчур совестлив; просто именно тогда, после разгульной ночи в «Мертвецкой» Виша сама пришла к нему. Виша заглядывала в глаза Тойво, он улыбался ей и она видела, как он убивает — безжалостно и умело; из темной, затуманенной наслаждением глубины выглядывала смерть. Она всегда была там, и никуда не денется. Виша даже не догадывалась, насколько Тойво силен и как страшна его сила, но это ее не испугало; и в ответ на его откровения ее ласки становились еще нежнее. Теперь пришла ее очередь успокаивать темные волны беспокойного сознания.

Они лежали на теплом белом песке, затерянные в одной из сотен лагун на морском побережье, и им казалось, что они последние — или первые человеческие существа на этой земле. Они дышали и двигались в такт с морем, сомкнув глаза, слушая друг друга.

Дети умирающего, искалеченного мира, отмеченные его болезненными милостями — они были прекрасны, как юные боги, потому что любили.

Глава четвертая. Нечестная игра

За четыре дня — спешить не было сил — они добрались до тех мест, где, если верить старым картам, начинались земли империи Шаммаха. Еще день, и карты уверили их, что они если и не вступили в Ирем, город тысячи колонн, то находятся совсем рядом, где-то на его окраине.

— И где тут город? — мрачно вопросил Маульташ, сидя на крыле флюга.

Он озирался по сторонам, словно надеясь увидеть Ирем, выглядывающим из-за скалы или прячушимся под чахлым кустом, слишком озабоченным добычей воды из глубины каменистой почвы, чтобы обращать внимание на путников.

— Должен быть здесь, — обескуражено ответила Виша. — Маульташ, я знаю, что говорю. Горы на месте, река — тоже. Город должен быть здесь.

— Но его нет. — Подвел нехитрый итог шаммахит. — А я говорил…

— Что?! Что ты говорил? — Виша обернулась к флюгеру. — Все знают, что Ирем — город-призрак, и вот так просто в него не попадешь. Мы прилетели, это уже удача. Будем искать.

— Что? — острожно поинтересовался Ика.

— Городские ворота, — совершенно серьезно ответила Виша. — Пошли, пройдемся.

Разумеется, ни эта, ни последующие прогулки по пустынной местности результатов не дали. Они осторожничали, чтобы не наткнуться на живой оазис или не заблудиться. Полеты результатов тоже не дали. Через два дня все заметно занервничали.

— Ты мне объясни, — в который раз пристал гном к Више, — ну что это такое — город-призрак? Что это значит? Город из легенды, никогда и не бывший на земле? Или реальный город, разрушенный людьми и временем? Или очередная выдумка реликвариев?

— Сам ты выдумка, — огрызнулась Виша. — Причем глупая. Ирем был столицей империи Шаммаха, скажешь, и она тоже — выдумка? И вообще, чего ты ко мне привязался со своим Иремом? Если уж кого доставать, так это нашего великого флюгера. Я уверена, что он знает о городе куда больше моего. Слишком мало осталось шаммахитов, а значит, память свою они берегут и чтут.

— Что скажешь, Альх? — гном повернулся к альх-Хазреду, сидящему на плоском камне, скрестив ноги и свесив кисти рук с колен. — Мы тут уже два дня время теряем, а ты все

отмалчиваешься.

— А что говорить? — помедлив, отозвался флюгер. — Не так уж много я знаю… Ирем… — он замолчал, а потом продолжил, нараспев и негромко.

— Ирем, алмаз в короне владений моих, город царей и богов… Нет в этом мире подобных тебе, нет и в иных мирах. Дворцы вырастают в свете зари, сияя, подобно грезам о власти и славе; оникс и мрамор, порфир и гранит оживают в каменном кружеве… Храмы твои, о Ирем, растворяются в сумерках, тают, как чудные сны — легкие, светлые, благостные… А в садах твоих отдыхает полуденный зной, прячется в тень, лоб охлаждает цветочным венком… Дремлют кошки на крышах, и розы цветут — каждая как поцелуй… — Это — высокий Харут. А в скверном Маруте пьют и дерутся, воруют и держат ножи наголо. — Подхватила Виша. — И не счесть кабаков, веселых домов и грязных лачуг. Это словословие Ирему и я знаю, Альх.

Они замолчали. Через несколько минут гном снова подал голос.

— Так почему ваш распрекрасный город стал призраком?

— Магия. — Выразительно пожав плечами, ответил шаммахит. — Когда из Нильгау перестали возвращаться караваны, и стало ясно, что продвижение растений на запад неизбежно, ученики школы аш-Шудаха сказали свое слово. Силы их были не те, чтобы бросать вызов Калима; на это был способен разве что сам аш-Шудах, но он к тому времени давно покинул Обитаемый мир, призванный божественными братьями. А если не драться — значит, прятаться. Маги спрятали Ирем. Уж как они это сделали — не знаю, не моего ума дело, но город, весь целиком, со всеми храмами и дворцами, по-прежнему здесь. Стоит, где стоял веками. Но чтобы попасть в него, нужно нечто большее, чем просто желание увидеть Ирем.

— А что именно, никто не знает. — Мрачно констатировала Виша. — Хорошенькое дельце. Мы чуть шеи не свернули, добираясь сюда, а ему этого, видите ли, недостаточно. Слушай, Альх, а как насчет людей? Они тоже вместе с городом тут… прячутся?

— Вряд ли. Многие покинули Ирем перед проведением ритуала, а те, кто остался… слишком много лет прошло, Виша.

— Тогда что нам остается? — спускаясь из капсулы, спросил Иво. — Задание не выполнено, значит, о возвращении речи не идет. Может, полетаем еще, поищем?

— Да с таким же успехом можно камни переворачивать и под ними искать! — Виша топнула ногой, подняв облачко рыжеватой пыли. — Хотя летать, конечно, приятнее.

Они сидели вокруг небольшого костерка, устроенного эльфами из высохших до окаменения веток степного кустраника, пили травяной чай из запасов шаммахита. Вокруг были тишина, темнота и огромное, черное шаммахитское небо, настолько великолепное, что и смотреть на него было страшновато. Тихий их разговор был нарушен брохусом: он вдруг как-то подобрался, жестом приказал всем замолчать и с минуту вслушивался в ночь. Потом, не вставая, повернул голову вправо и сказал кому-то, находящемуся за пределами света костерка:

— Вы слушаете нас уже довольно давно. Видимо, ничего интересного мы не сказали, иначе вы подошли бы поближе, ведь так?

— Возможно. — Кто-то ответил Тойво из темноты, но подходить не стал.

— Может, вы разделите с нами этот ночлег? — пригласил неизвестного брохус. — Скучно быть одному в этой пустыне.

— Разве это пустыня, — и в свете костра появился незваный гость. — Даже ваш мирок знавал такие пустыни, по сравнению с которыми эта — цветущий сад. — Он подошел ближе и спокойно уселся на камень, на котором днем сидел альх-Хазред.

Это был мужчина средних лет, седой, одетый в подобие рясы, подпоясанной простой веревкой, в руках его был посох, с плеча свисал тощий мешок.

— Эээ… всегда рады гостю, — Маульташ справился со своим лицом и выдал несколько торопливое приветствие. — Чем обязаны такой честью? То есть, тьфу… Виша, ну скажи уже что-нибудь!

— Добро пожаловать, — тоже не слишком радушно выдавила Виша. — Тойво, ты что-нибудь понимаешь?

— Не очень, — признался брохус. — Я почувствовал, что мы не одни минут десять назад; сначала подумал, почудилось… а потом вы сами окликнули меня, ведь так?

— Так, — кивнул пришлец и внимательно оглядел всех сидящих у костра. — В этих краях меня зовут Пьющий Песок. А вы, как я понимаю, и есть те самые неудачливые паломники в Ирем?

— Ага. — Гном кивнул, ополоснул свой стакан, налил в него травяной отвар, пахнущий чабрецом, и подал гостю.

— Благодарю. — Тот принял стакан, вдохнул горячий пар и с наслаждением глотнул. — Что ж…могу быть вашим проводником.

— То есть? — подалась вперед Виша.

— Так и есть. Проведу вас в Ирем, город тысячи колонн и прочей чепухи.

— Каким образом? — спросил Ика, насмешливо приподнимая

брови.

— У меня свои секреты, остроухий. И я держу их при себе.

— А какой ценой? — этот вопрос задал Иво.

— А вот это уже интереснее. — Гость поставил стакан рядом с собою, еще раз оглядел собравшихся, словно выбирая кого-то. — Один из вас сыграет со мной. В полночь, когда звезды занимают подобающее положение, партия в махшит с одним из немногих уцелевших шаммахитов — что может быть лучше? В последний раз я проиграл и это немного беспокоит меня. Ты ведь нашла игральную вышивку? — Пьющий Песок обратился к собирательнице. — Она вполне заменит нам доску.

— Но… там был совсем другой рисунок, не для махшита, — Виша даже не спросила, откуда пришелец знает о вышивке.

— Ничего, и тот подойдет. Неси, чего сидишь.

Недоумевая, Виша поднялась, залезла во флюг, нашла свою сумку и спрятанную на самое дно вышивку. Не разворачивая ее, и зачем-то прихватив разворошенную сумку, она вернулась к костру и протянула гостю вышивку. Тот взял ткань, одним движением встряхнул и расправил в воздухе — и она зависла, паря над землей, поблескивая золотыми нитями.

— Ничего себе… — протянул гном. — Старая магия. Впечатляет. И чем тебе, Виша, рисунок не угодил? Самый что ни на есть правильный.

Виша присмотрелась — действительно, прежние, виденные ею узоры куда-то пропали, а на их месте оказались спирали махшита.

— Неплохое начало, — подал голос альх-Хазред. — А как насчет фигурок?

— Найдутся и они. — Гость запустил руку в свой мешок и, пошарив там, достал пригоршню разноцветных агатовых фигур. Он высыпал их небрежным жестом на вышитое игровое поле, и фигурки сами по себе встали на отведенные им тысячелетним обычаем места. — Готово. Ты играешь, альх-Хазред?

— Я играю. — Шаммахит встал, подошел к игровому полю. — Но никто не играет в махшит без ставок. Твоя понятна — ты проведешь нас в Ирем, если проиграешь. А моя?

— Если я выиграю, ты умрешь. — Совершенно спокойно сказал Пьющий Песок.

Неловкая тишина, повисшая над собравшимися, была нарушена гномом.

— Что?! — Взревел Маульташ. — Где это видано…

— Не надо, Маульташ, — остановил его шаммахит, улыбаясь так коварно, как может только шаммахит. — Иво, сядь, и даже не думай меряться силами с нашим гостем. Вы и пикнуть не

успеете… Удивительно, у эльфов отшибло память, а люди помнят.

— Что помнят? — Виша дернула шаммахита за рукав. — Ты с ума сошел, разве можно такие ставки делать? А вы… откуда вы только взялись… Тойво, ты почему молчишь?!

— Виша, замолчи. — Альх-Хазред погрозил ей пальцем, не сводя глаз с игрового поля. — Он запросил несказанно мало, всего-навсего одну мою жизнь. Я согласен.

— Я рад. — Кивнул Пьющий Песок. — Твой ход, мальчик.

— Тойво… — Зашептала Виша в ухо брохусу, сбиваясь и глотая слоги, — это что ж такое… Они что, серьезно? Сделай что-нибудь, кто он такой вообще…

— Тихо… — Так же шепотом ответил ей брохус, — не мешай ему. И если не боишься, попробуй сама посмотри, кто он такой.

Виша возмущенно посмотрела на Тойво, но он и бровью не повел. Она пожала плечами и попыталась сосредоточиться на усвоенных от братьев приемах. Осторожно, деликатно, не привлекая внимания, заглянуть в мысли человека, снять верхний слой непрекращающейся болтовни, которую Тень именовал словесным поносом, и прочесть то, что прячется за этой шуршащей пеленой.

— Ай! — Виша вздрогнула и оглянулась — она могла поклясться, что кто-то только что дал ей хорошего подзатыльника.

— Ну что, — невозмутимо поинтересовался Тойво, — много разглядела?

— Вообще ничего. — Виша потерла затылок. — Тойво, там нет ничего, пусто… — и в этот момент ее снова треснули, не так сильно, но все же вполне ощутимо.

Тойво не выдержал и захихикал.

— Дурочка, думай, что говоришь…Скажи еще что там, — и он показал взглядом на бескрайнее небо, — пусто и ничего нет. И замолчи уже, и сиди тихо, и не вздумай что-нибудь выкинуть. Альх-Хазред не дурак. Из всех нас только он один, похоже, и знает, кто предложил ему партию в махшит посреди пустыни. Все, тихо. Альх-Хазред сделал свой ход. Игра началась.

К несчастью, Виша не умела играть в махшит. Джесхет пытался научить ее этой древней как мир игре, но каждый раз отступался. Виша не могла запомнить правила, вечно путала очередность ходов и старшинство фигур, и ей лениво было выстраивать хитрые комбинации. Ее профессор мог сколько угодно втолковывать ей о том, как развивает махшит логику, как захватывающе может быть построение выверенных стратегий, да и, в конце концов, реликварию просто стыдно не уметь играть в

игру богов и царей — все было бесполезно. Виша стыдливо выслушивала все соображения, вертя в руках резную каменную фигурку, и сбегала куда-нибудь под любым предлогом. Так что сейчас она могла только смотреть, как шаммахит и незнакомец передвигают по висящему над землей вышитому полотну фигуры, то пропуская ход, то делая сразу два, меняясь фигурами и снимая их с игрового поля. Она изнывала от нетерпения — по лицам играющих ничего нельзя было определить, в выигрыше кто-то из них или наоборот, проигрывает, спрашивать Тойво она не решалась, гном, выражая свое крайнее неодобрение происходящему, даже не смотрел на игровое поле, а лица эльфов почти скрывались в ночной тени. Виша знала, что партии в махшит требуют немало времени, особенно если соперники достойны друг друга. Прошло около получаса.

После очередного хода альх-Хазреда его противник чуть сдвинул брови; Виша сочла это хорошим знаком — противник озадачен, еще немного, и Альх выиграет. Через несколько минут Пьющий Песок огорченно покачал головой и развел руками. Виша заулыбалась и облегченно выдохнула. И тут шаммахит заговорил.

— Принять поражение от такого соперника почетно. Я сдаю партию. Выигрыш ваш.

— Что?! — Виша не поверила своим ушам. — Как же так?

— А так. — Мрачно ответил Маульташ. — Нашего флюгера разделали как кролика.

— И что теперь? — Голос брохуса был спокоен, но сидящая рядом Виша видела, как лихорадочно пульсирует жилка, уходящая под металлический височный диск.

— Теперь я, пожалуй, покину вас. — Пьющий Песок собрал фигурки в мешок, встал, поднял с земли посох. — Быть вашим проводником вашим мне не судьба, так что простимся.

— А моя ставка? — Шаммахит встал, жестом прося остальных не вмешиваться.

— Помилуйте, неужто вы решили, что я вот так, запросто, при ваших друзьях… лишу вас жизни? Вы сами поставили жизнь на кон. Мне она не нужна. А вот за игру я не поручусь, она может и потребовать обещанного. Но когда и как — не знаю. Прощайте.

Он повернулся и, неслышно шагая, ушел куда-то в темноту. Несколько минут все сидели молча, переглядываясь и недоумевая. Все произошедшее казалось нелепым эпизодом бестолкового сна.

— Альх, ты чего в чай добавил? — покашляв, поинтересовался гном. — Странное видение посетило нас…

— Да уж, — поддакнула Виша, с облегчением выдыхая. — Приснится же такое.

Она встала, подошла к вышивке, лежащей на земле, подняла ее и собралась убрать в сумку.

— Слушай, — шаммахит тряхнул головой, словно отгоняя назойливое насекомое, — а ведь ты так и не показала, чем разжилась в том дворце. Давай, похвались. И не забудь — теперь это воистину бесценные реликвии, последнее, что было найдено в Маноре, покоящейся на дне морском. Не жадничай.

— Он прав, — отозвался Ика. — Теперь самая дешевая манорская цацка настоящее сокровище. Вытряхивай свой мешок.

— Скажешь тоже — вытряхивай. Стекло на камни. Умник. — Виша опасливо покосилась на эльфа. — А чего это ты так тему сменил, Альх?

— А то. Что толку обсуждать. Все уже закончилось. — Шаммахит явно уходил от разговора.

— Да кто это вообще такой был?! — Не сдавалась Виша. — Мне показалось, что и ты, и Тойво что-то знаете, но предпочитаете молчать и делать дурацкие загадочные лица. Это нечестно.

— Согласен. — Поддержал девушку гном. — Нечестно.

— Так рассказывать особо нечего, — оправдываясь, возразил шаммахит. — Но в наших легендах дервиши… это, Маульташ, такие нищие мудрецы, вечно странствующие по миру, всегда помогают попавшим в беду путникам. С ними нельзя лукавить и храни Вседержитель попытаться обмануть дервиша. Они одиноки на своем пути, не ищут ни славы, ни богатства, но обладают всей мудростью мира и только им ведомо тайное знание…

— Какое именно тайное знание? — спросил Иво.

— Откуда же мне знать. На то оно и тайное. — Отговорился флюгер.

— Ясно. Значит, ты решил, что этот бродяга и есть дервиш из легенды, и… — Виша оборвала фразу на полуслове. — А ты, Тойво? Так и будешь молчать?

— Ага. — Брохус смотрел в огонь костерка, прищурив глаза. — Я лучше промолчу.

Растерянная, недовольная Виша машинально протянула сумку флюгеру — мол, разбирайся сам, и села поближе к костру. Альх-Хазред принялся доставать один за другим артефакты, взятые Вишей у Маноры.

— Так-так… Это украшения для волос, да? Скучные какие-то. Все-таки вы, северяне, не умеете польстить женщине. Даже украшения делаете с оглядкой, как бы она не слишком заблестела, а ну как кому понравится. То ли дело наши мастера…

— Альх, ну что ты сравниваешь! Ты еще сравни лето с зимой. — Виша снисходительно улыбнулась. — Слишком разные

школы.

— Вот и я говорю — наша женщине в радость, ваша — вложить деньги в драгоценности. Так, а это что? Виша, какой толк в пустых флаконах, где и тени благовоний не осталось?

— Это работа дома Кадат, олух. Посмотри, какая красота. Легкие, изящные, один из резного хрусталя, другой — из пузырчатого стекла… на свет смотри, на свет! Видишь, там как будто радуга внутри! А пробки, между прочим, золотые.

— И правда, красиво, — признал флюгер, рассматривая один из флаконов на просвет, любуясь узором, образованным завихрениями мельчайших воздушных пузырьков. Он повертел флакон в руках, попытался открыть — и не смог. Пробка прилегала плотно и даже не дрогнула под пальцами шаммахита. Его это только раззадорило, и он принялся крутить драгоценную вещицу и так, и сяк, старательно ощупал всю гладкую литую поверхность — все бестолку.

— И как же этим хозяйка пользовалась? — язвительно поинтересовался гном. — Если уж шаммахит не открыл, куда там женщине!

— А может, здесь распылитель был, сверху, — и флюгер резко нажал пальцем на верхушку пробки. От этого движения что-то тихо щелкнуло и пробка раскрылась как цветочный бутон на три гладких лепестка. Под ними оказалась миниатюрная, искусно выполненная из черного золота змейка — она лежала, свернувшись кольцами, приподнимая точеную головку, украшенную венцом из рубинов.

— Красавица… — Шаммахит прикоснулся пальцем к головке змеи. — Ай! Кусается… — И засмеялся.

— В смысле? — Вздрогнула Виша.

— В прямом. Она действительно кусается, несильно, но вполне ощутимо. Видимо, несложный механизм какой-то. И это все, что ты успела насобирать?

— Там еще было зеркало, — съязвила Виша. — В полтора моих роста. И ванна из мрамора. И витражное окно. Я подумывала их прихватить, но что-то поленилась.

— Слушайте, поздно уже. — Подал голос кто-то из эльфов. — Если у Виши в сумке не припрятаны тайные ключи от Ирема, то советую всем пойти поспать. Толку от таких ночных размышлений нет. Утром встретимся и решим, что делать дальше.

Не видя поводов спорить, неудачливые путники разошлись по флюгам. Первым делом Виша принялась тщательно разглядывать флакон со спрятанной под пробкой золотой змеей; потом она присела рядом с альх-Хазредом, который что-то налаживал в

инфокапсуле.

— Альх… ты как себя чувствуешь? — и она заглянула в глаза шамммахита.

— Отлично. — Подмигнув ей, шаммахит отвернулся и продолжил копошиться в недрах инфокапсулы. — А откуда такая забота вдруг? Из-за того проигрыша? Не стоит, мне и раньше приходилось проигрывать.

— Не из-за проигрыша. Из-за-твоей ставки, будь она неладно.

— Брось. Пьющий Песок сам сказал — ему моя жизнь не нужна. А так… смерть все равно придет за каждым. Не тревожься заранее. — И шаммахит ласково погладил девушку по руке.

Виша накрыла его пальцы своими, перевернула его узкую, сильную ладонь.

— Ты сильно поранился об это украшение?

— Да уже и не помню. Кажется где-то тут след остался, — и он посмотрел на подушечку указательного пальца. Кожа была совершенно чиста, кроме еле заметного красного пятнышка в центре.

— Что ты так беспокоишься? — Шаммахит недоумевающе приподнял брови. — Может, объяснишь?

— Виша, скажи ему. Или я сам скажу. — Тойво вышел из крохотной душевой, вытирая лицо. — У меня нет сил слышать твой страх.

— Хорошо, скажу. — И Виша замолчала.

— Великолепно. — Засмеялся альх-Хазред. — Виша, ну что такого замечательного было в этих твоих Кадатах, что от одного пузырька их работы тебя ломает как от рожи вашего ректора?

— Это работа не дома Кадат. Там, в Маноре, у меня не было времени и я не особо старалась… короче, на этом флаконе клейма Кадат нет. Я его только что наизнанку не вывернула.

— Ну и что? — не понял шаммахит.

— А то, что такую красоту мог сотворить только стеклодув дома Кадат. Своего клейма они не ставили только в том случае, если… Если не хотели нести ответственности за то, чем становилось их искусство. Они были отравителями, Альх. — Виша, наконец, решилась выговорить это слово. — Любили использовать контактные яды. Вроде того, как эта змейка. Конечно, маловероятно, что за столько лет яд сохранил свои силы, да и вообще нет никаких доказательств, что это действительно смертоносный флакон, а не обычный, но…

— Но шанс умереть от зубов золотой змеи у меня есть, так, что ли? — Флюгер отвлекся от своей работы, повернулся к Више. — Виша, где ты его нашла? В обычной, хотя и весьма роскошной ванной комнате. Не в сейфе, не в запертом шкафу.

Сама подумай, кто будет хранить орудие убийства вот так, в свободном доступе? Ну вот… и успокойся, и иди уже спать.

Отправив девушку отдыхать, шаммахит вернулся к прерванной работе и первым делом додумал ту мысль, которую не стал договаривать вслух:

«Ну разве что тот, кто решил применить эту вещь по назначению и положил ее поближе к той, для которой была предусмотрена такая изысканная смерть…»

Ранним утром они собрались для запланированного разговора — но только впятером. Альх-Хазред остался в постели, по причине крайне плохого самочувствия.

— Ему стало плохо ближе к утру. Сначала он проснулся от дурного сна, застонал, заметался так, что упал с кровати. А когда пришел в себя, то понял, что ноги его почти не слушаются, ниже от колен совсем онемели. — Виша поплотнее запахнула куртку, затянула пояс. — Потом были первые галлюцинации. Не очень страшные. Ему казалось, что флюг перестал его слушаться, главное было убедить его в том, что мы на земле. Очень хочет пить, но после питья его сразу же тошнит. Сейчас паралич поднялся уже почти до середины бедра.

— Подведем итоги. Галлюцинации, тошнота, восходящий паралич… альх-Хазред отравлен. — Иво сжал пальцами подбородок. — Виша, это твои находки виноваты, ведь так? Как его там?..

— Дом Кадат. — Тихо ответила девушка. — Будь он проклят.

— Кто бы мог подумать… через столько лет… — Иво острожно покачивал на ладони тот самый смертоносный флакон.

— Мы можем чем-то помочь? — спросил Ика.

— Вряд ли, — отозвался его собрат. — Слишком мало времени и возможностей. Ни распознать, ни обезвредить яд мы не сумеем. Чего уж там, самый обычный анализ крови и то не сделать… — и он махнул рукой.

— И что теперь? — Маульташ отбросил с лица жгуты волос, с силой протер глаза. — Без Альха мы никуда не полетим, это ясно. Если только двое останутся здесь, с ним. Да чего там рассуждать, все, засели мы.

— Эй вы, скорбная команда! — Альх-Хазред высунулся из дверного проема капсулы. — Что, поняли, наконец, что без меня вы никуда не годитесь? — И, совершенно пренебрегая серьезностью ситуации, издевательски захихикал. Но потом посерьезнел и заявил совсем другим тоном:

— Есть идея. Дурная совершенно, но других нету. Короче говоря, вы сооружаете мне какое ни на есть средство передвижения, хоть летающее кресло, и мы все вместе

направляемся искать мой родной город.

— Куда? — страдальчески переспросила Виша.

— Да без разницы! Туда! Туда! Туда! — И шаммахит помахал рукой в разные стороны. — Он тут везде, теперь я в этом уверен. И не надо лишних вопросов. Хватит время терять, чтобы через час мой паланкин был готов. И учтите — в неудобном не поеду.

— Если наш друг желает совершить прогулку — почему бы не помочь ему в этом? — переглянувшись, эльфы встали и направились к своему флюгу.

Через час из демонтированного флюгерского кресла и энергоустановки, снятой с крыла эльфийского флюга, Ика соорудил шаммахиту «паланкин». Они усадили альх-Хазреда поудобнее, захватили немного воды и отправились сопроводить шаммахита в его поисках. Умирающий альх-Хазред отправлялся на поиски города-призрака.

Они шли еле-еле, нога за ногу, вслед за неслышно плывущим над сухой землей флюгерским креслом. Говорить было не о чем, простирающаяся вокруг пустынная местность к восторгам не располагала; у каждого были свои невеселые мысли. Виша шла рядом с альх-Хазредом, держа его за руку; на спинке кресла дремала сова. Девушка смотрела себе под ноги, наблюдая, как покрываются ее сапоги красноватой пылью, как сменяется сухая глинистая почва каменистой россыпью, хрустящей под каблуками. Изредка она поднимала глаза к небу, смаргивала слезы, и снова опускала лицо. Примерно через два часа альх-Хазред перестал сжимать пальцами ее ладонь. Почувствовав, как расслабилась рука флюгера, Виша вздрогнула и заморгала еще сильней.

— Ничего… пока дышу… — альх-Хазред говорил тихо, но страха в его голосе не было.

Прошло немногим более получаса, и Виша почувствовала что-то странное в воздухе, будто кто-то уронил неподалеку корзину, полную пряностей — но давным-давно, еще на заре времен, когда Ирем только-только обзавелся первой тысячей колонн. Сладкое розовое масло и кошачья мята… запах перекаленного масла и чеснока… мед и орехи… Виша тряхнула головой, прогоняя наваждение, и упрямо не поднимала взгляда, боясь увидеть неотвратимое. И чем дольше смотрела она вниз, тем меньше было похоже на россыпи щебня то, что являлось ее глазам. Щебень оборачивался камнем, камень выравнивался, пока окончательно не превратился в ровную, гладкую плитку правильной формы. Краем глаза Виша видела, что этой плиткой вымощена дорога, а по левую руку от нее — неглубокий, но довольно широкий желоб, по которому течет вода.

«Я перегрелась… или это грибы аукаются…» — думала Виша, не желая привлекать внимание. Но когда она не выдержала и оторвалась, наконец, от созерцания мощеной мостовой, то увидела такое, что удержаться от изумленного возгласа было невозможно.

Перед изумленной девушкой открылась городская площадь. Окруженная зданиями, сохранившимися еще с далеких времен — с четко вычерченными геометрическими формами, овальными арками и нишами, украшенными бирюзовыми изразцами, с пронзающими небо остроконечными башенками. Точно таким Ирем был изображен в учебнике по истории древнего мира. Но присмотревшись внимательнее, Виша поняла, что площадь — вовсе не образец средневековой архитектуры, сохраненный городскими властями как приманка для туристов, не музей и не декорация. За ней, сколько хватало взгляда, простирался соответствующий ей пейзаж, в котором не было ни одного здания, больше, чем в три этажа, зато были видны расположенные на холмах храмы, а на востоке просматривались очертания самого великолепного дворца, какой только мог пожелать себе человек. Город расцветал у нее на глазах, проявлялся как переводная картинка. Еще несколько минут — и исчезли малейшие признаки пустыни, и вокруг них были бирюзовые изразцы и серый камень, свешивающиеся из-за стен гибкие ветки, усыпанные розовыми цветами, львы, вырезанные из белого мрамора, темно-зеленые свечи кипарисов — это был Ирем, столица Шаммаха.

— Я что, одна это вижу? — не выдержав молчания, неуверенно проговорила Виша.

— Ну как тебе сказать… — Отозвался альх-Хазред. — Я увидел первые колонны около часа назад.

— И ты молчал?!

— А вы поверили бы моим словам? Десять минут назад вы шли с унылыми лицами по пустыне… а я видел, как из ниоткуда возникает дворец властителей Шаммаха…

— А я сначала увидел верхушки башенок, они висели в воздухе как стрелы, пущенные в небо, — мечтательно проговорил Ика.

Тут их всех словно прорвало, и они заговорили, перебивая друг друга, восторгаясь красотой города, пряным ароматом его воздуха, самими собой и всем миром. Впрочем, вскоре их востроги поутихли — рядом с их другом шла смерть, и уходить не собиралась.

— Что теперь? — вопросил гном, переминаясь с ноги на ногу. — Пойдем медика искать?

— Маульташ, ты что? Неужели не чувствуешь? Здесь нет

людей, — покачал головой Тойво. — Никого, кроме нас.

— Город-призрак, — подтвердила Виша. — Это Ирем тысячелетней давности, тень минувшего. Нам позволили войти сюда… почему?

— А потому. Я, как-никак, умираю. — Альх-Хазред попытался улыбнуться. — Где это видано, чтобы Ирем отказал в помощи своему сыну, истинному шаммахиту?

В этот момент альх-Хазреду отказал язык. Он еще дышал, но уже с заметным усилием, хрипло и неглубоко.

— Что нам надо сделать? — Тойво положил руку на лоб флюгера. — Просто подумай… противоядие? В аптеке при медицинской академии? Нет? В храме? Успокойся, Альх.

— Ннне надо… — С трудом выговорил шаммахит. — Я могу и сам за себя сказать.

— Ну вот что. — Виша огляделась по сторонам. — Мы на площади Полудня, в Харуте Высоком. Если пройдем через сады на холмах, то окажемся как раз в квартале медиков. Там и сама Академия, и их храм, и школа фармакологов. Это недалеко. Должны успеть.

— И что? — переспросил гном. — Помолиться предлагаешь?

— Не откажусь, — просто ответил альх-Хазред.

Отказать в столь простой просьбе умирающему никому не пришло в голову, поэтому вскоре они вышли с площади на дорогу, ведущую в холмы. Опасаться здешних садов тоже никому не пришлось: роскошные цветники, рощицы акаций и кипарисов, стройные пальмы, словно сошедшие со страниц иллюстрированного тома шаммахитских сказок, оказались такими же призрачно-осязаемыми, как и весь город. Они жили своей собственной жизнью, не имеющей никакого отношения ко дню настоящему.

Путники поднялись высоко в холмы, миновав несколько садовых каскадов, обходя искусственные озерца. Дорога, выложенная прохладным белым мрамором, вела их к храмам, по соседству с которыми и располагалась Академия медицины. Еще несколько десятков минут быстрого хода — и перед ними возникло серое квадратное здание с куполообразной крышей, с широкими дверями, которые по традиции никогда не закрывались. И на этот раз они оказались гостеприимно распахнуты. А на пороге стоял высокий шаммахит, одетый в простую серую джеллабу, прячущий руки в широкие рукава; у него было узкое лицо, острый нос с горбинкой, черные глаза с неповторимым шаммахитским выражением непечальной грусти. Завидев путников, он улыбнулся, словно давно ждал их и вот наконец дождался.

— Мир вам, страждущие, — шаммахит склонил в поклоне гладко выбритую голову. — Я вижу, друг ваш нуждается в помощи. Позвольте мне, ал-Ладину, пятому ректору Академии, оказать ее. Проходите, я провожу вас в смотровую.

Они переглянулись, не зная, верить ли своим глазам.

— Идемте, — нарушила молчание Виша. — Ал-Ладин был великим врачом, он учился у лучших медиков своего времени, и превзошел своих учителей во всем — в усердии постижения науки врачевания, в отважности и дерзании ученого, а самое главное — в милосердии и сострадании. И если его тень почтила нас своим вниманием, — девушка посмотрела в глаза ал-Ладина, слушавшего ее спокойно, ничуть не возмущаясь словом «был», — мы должны довериться.

Все вместе они перешагнули порог Академии и оказались в тени ее стен, украшенных простым старошаммахитским узором. Вслед за ал-Ладином они прошли несколько комнат, миновали лекционный зал, коридор, лестницу, вышли во внутренний дворик, где тихо пел нескончаемую песню фонтан, и, пройдя по открытой галерее, вошли в просторную комнату с окном, затененным листьями плюща. Посреди комнаты стоял смотровой стол, вдоль стен располагались шкафы, несколько низких столиков.

— Я очень люблю здесь работать, — ал-Ладин накрыл смотровой стол белоснежной простыней, сняв ее с полки высокого шкафа из шаммахитского кедра, — все под рукой, тихо, и пациенты меньше нервничают. Помогите вашему другу перебраться на стол. И снимите с него сапоги.

Эльфы легко подхватили флюгера и уложили его на стол. Ал-Ладин сначала ополоснул руки водой, затем плеснул на ладони немного жидкости из бутыли темного стекла, протер ею кисти рук. Подойдя к флюгеру, он долго всматривался ему в глаза, потом прощупал живот.

— Хороший яд, — без малейшего осуждения в голосе констатировал пятый ректор Академии. — Грамотный. Но скучный.

— Это в каком смысле? — опешил гном.

— А в том, что обезвредить его, все равно, что прямую дорогу по равнине проложить. Северяне составляли, вечно у них фантазии не хватает. Никаких тебе взаимодействий с противоядиями, никаких послевкусий… банально и заурядно. На твердую тройку.

Ал-Ладан отошел к столу, уставленному химической посудой, отобрал несколько колб, мерную трубку, стеклянную палочку. Затем он прошелся вдоль стен, открывая и закрывая шкафы,

доставая с полок тщательно закупоренные флаконы, встряхивая их, рассматривая на свет, что-то ставил на место, что-то забирал. Не торопясь, но и не медля, он колдовал над зельями. В итоге перед ним оказались три колбы, на треть заполненные сложными составами.

— Это выпить немедленно, — и поддерживаемый Вишей под голову, флюгер выпил нечто, похожее на самую простую воду, над которой, тем не менее, врач трудился более всего. После последнего глотка его дыхание заметно полегчало, щеки порозовели и глаза перестали закрываться в предсмертной дремоте.

Перевернув пару раз небольшие песочные часы, ал-Ладин подошел к флюгеру, снова долго изучал радужку его глаз, вернулся к рабочему столу, добавил пару капель во второй эликсир и велел выпить его. На вкус он оказался не настолько нейтрален, и пах как сапоги дезинфектора, но альх-Хазред не капризничал. Через несколько минут его заколотила настолько сильная дрожь, что даже зубы застучали как град по крыше, ноги заскребли по столу, флюгер сильно покраснел, на лбу и висках выступили крупные капли пота.

— Отлично, — с удовлетворением отметил ал-Ладин, бережно разжимая сведенные судорогой пальцы Альха и растирая их имбирным маслом. — Помогать сильному — честь для врача.

Переждав, пока стихнет дрожь, уймется сердцебиение и альх-Хазред сможет спокойно дышать, врач протянул ему третий состав.

— Это поможет тебе поспать, пока я буду работать с последствиями отравления. Не то, чтобы я сомневался в твоем мужестве, но зрелище это не из приятных, — палец врача указал на открытый футляр, лежащий на придвинутом к смотровому столу столике с инструментами. В футляре поблескивали длинные тонкие иглы. — У тебя, как бы это попонятнее объяснить, оглушены все нервные центры. Иглы разбудят их и заставят снова работать, чтобы твое тело могло делать все, что ему полагается. Вы собираетесь наблюдать всю процедуру? — Врач повернулся к друзьям. Все они как по команде покачали головами. Ал-Ладин понимающе кивнул и жестом отпустил их, но прежде чем они покинули комнату, попросил:

— Юноша, да, вы… — Он обращался к Тойво. — Останьтесь, прошу вас. Здесь есть еще одна кушетка, а вам не помешает небольшой отдых. Вы работаете на износ и знаете об этом, я полагаю. Пока ваш друг засыпает, я займусь вами. Как давно вы должным образом обрабатывали ваши… улучшения? Даже отсюда я вижу, как воспалена кожа. Не стоит испытывать себя на

прочность во всем.

Тойво послушно присел на стоящую у окна кушетку, снял капюшон, расстегнул молнию комбинезона, спустил его с плеч и спины.

— Виша, иди, — подтолкнул ее в спину гном, — или желаешь посмотреть как Альха будут иглами… того? А брохуса твоего не обидят, не бойся. Он сам кого хочешь… ну, ты сама знаешь.

Виша совсем не желала наблюдать сеанс иглотерапии; через минуту все они — Виша, Маульташ, Иво и Ика сидели возле фонтана в тени старого разросшегося жасмина.

— У меня вопрос. — Ика по привычке подергал свою бородку, оплетенную гибкой металлической лентой.

— Только один? — бровь Иво выразила бесконечное удивление.

— Чем мы будем расплачиваться? — Ика приподнялся на локте и оглядел друзей. — Услуги врачей, а уж тем более самого ректора иремской Академии, стоят… всегда чего-то стоят. Денег, ответных услуг, в общем, когда как. Чего попросят у нас взамен спасенной жизни альх-Хазреда? Виша, ты вроде как неплохо знаешь обычаи древности, что скажешь?

— Врачам платили по факту выздоровления, — начала Виша, вспоминая уроки Джесхета, — деньги, драгоценности, дом могли подарить. Если человек был совсем беден, но хотел отблагодарить исцелителя, то мог отработать — год, два. Были случаи, так и оставались в доме спасителя, становились ближайшими помощниками.

— Ну и что ты волнуешься? — Перевернулся на спину Мальташ. — У нас есть драгоценности, цацки эти твои из Маноры.

— Это для нас они драгоценности, ал-Ладин такие и служанке бы не подарил, — возразила Виша. — Фигня это все. Стекляшки и дешевые камешки. У Альха во флюге есть золотая статуэтка, но и ее, боюсь, маловато.

— Так что, нам остаться и отработать? — Маульташ поскреб в затылке.

— Не вам. — Виша покраснела. — В учебниках об этом не особо распространялись, но судя по кое-каким деталям, пятый ректор иремской Академии был тем еще… любителем женщин. Ладно, хорош об этом рассуждать. Как ал-Ладин скажет, так и сделаем.

Прошло еще немного времени, и они, уставшие, задремали в тени куста, под влажный лепет воды в фонтане. Когда они проснулись, солнце уже клонилось к западу, воздух посвежел; умывшись прохладной водой, они поспешили к оставленным

друзьям.

— Доброго здоровья этому дню и всем последующим, — ал-Ладин приветствовал их легким поклоном. — Ваши друзья отдыхают, но будут рады видеть вас. Прошу со мной.

Они вновь перешагнули порог больничной палаты. Альх-Хазред, довольный собой и миром, дремал на маленьком диване у окна, вытянув ноги на подушки. Тойво же крепко спал на кушетке, обнаженный, прикрытый по пояс простыней. Он лежал на животе, подложив под голову руки.

— Он проспит до утра, — пояснил врач, — и, если бы не ваша спешка, я бы прописал ему не менее суток сна. Уж не знаю, что ваш друг вытворял со своими нервами, но потрепал он их как кот моток шелка. Это все равно, что смотреть на солнце, наслаждаясь светом и одновременно выжигая глаза. Сепсис, который дал бы о себе знать через пару дней, я погасил. Пока я чистил все эти… — и врач неопределенно покрутил пальцами в воздухе, — Тойво объяснял мне, зачем и ради чего подобное насилие над телом. Он воистину страстотерпец. Вот уж не думал, что в будущем потерпят такие варварские практики.

— Так что с нашим флюгером? — спросил гном. — Тойво выспится, а как Альх?

— Я бы рекомендовал ему небольшую прогулку, чтобы он убедился в том, что силы вернулись к нему и солнце по-прежнему улыбается сыну Шаммаха. И все. Больше никаких игл и микстур. Ваш друг здоров.

— Вы великий врач, ал-Ладин. Никто не сравнится с вами в искусстве врачевания. — Виша поклонилась, прижав руки к груди на шаммахитский манер. — Как мы можем отблагодарить вас?

Пятый ректор иремской медицинской Академии улыбнулся как змея — или как шаммахит, что, впрочем, одно и то же.

— Само ваше появление здесь — награда для меня. Ты права, девочка, я всем сердцем предан искусству врачевания, и еще раз выиграть чью-то жизнь у смерти — большая удача. Но есть еще кое-что. Когда город возвращает меня к жизни, а случается это нечасто, я вновь могу быть с живыми и служить им. Я могу осязать ваши тела, прикасаясь к ним и исцеляя их. И я могу принять благодарность живых — теплую, трепетную благодарность. И раз уж ты задала этот вопрос, то тебе и быть моей наградой за отыгранную жизнь.

Врач оглядел друзей Виши.

— Вам я посоветую устроиться на ночлег в соседних комнатах, там вполне удобно. И не беспокойтесь за свою спутницу. Она проведет ночь со мной.

Ни у кого не нашлось слов согласия или отказа на это

условие; в полном молчании Виша и ал-Ладин вышли из палаты. Врач взял девушку за руку; его пальцы оказались горячими, сухими и твердыми — пальцами живого человека.

— А вы действительно призрак? — Бестактно спросила Виша. — Не очень-то вы на него похожи.

— А ты очень сведуща в том, что касается призраков? — Ответил вопросом на вопрос шаммахит. — Посмертие бывает разным, впрочем, как и жизнь.

Он привел ее в свои покои, оказавшиеся достойными Ирема в своей роскоши, усадил на невероятно мягкий и удобный диван.

— Выпей это, — и ал-Ладин протянул девушке белоснежную фарфоровую чашечку. Он налил в нее воды из высокого кувшина и бросил щепотку какого-то снадобья, хранившегося в лаковой шаммахитской шкатулке для пряностей со множеством отделений. Напиток пах как свежеиспеченный яблочный пирог и приятно пощипывал язык. Пока врач зажигал курильницу, из которой потянулись струйки белого ароматного дыма, Виша пыталась вспомнить, где же она читала про такую пряность, где ее продавали и почему она так дорого стоила…

— Это маат-ша, верно? — у нее закружилась голова, но это не было неприятно, а вскоре головокружение сменилось легкостью и каким-то радостным бесстыдством, вскипающим в крови.

— Верно, — ал-Ладин присел рядом, забрал у нее пустую чашечку. — Незаменимое средство для маленьких северянок. — И он легко опрокинул ее в подушки.

Виша глубоко вздохнула, открыла глаза и увидела над собой смуглое лицо, глаза, горящие как угли — с переливами красноватых огоньков в черной глубине, почувствовала, каким теплым, легким стало ее тело… и улыбнулась ал-Ладину.

— Мне кажется, что все это уже было когда-то, — она гладила его плечо, стягивая с него серую ткань докторской джеллабы, — и я пыталась снискать твою благосклонность, но ты отказал мне. Или это была не я?

— Не ты, — подтвердил ал-Ладин, расстегивая ремень на вишиных брюках. — Один наш апокриф рассказывает, что Амариллис — Танцующая Судьба, будучи совсем молодой, возжелала аш-Шудаха, величайшего из магов Обитаемого мира. Он не принял ее, памятуя о том, что другой предназначен ей госпожой Любовью.

Ал-Ладин помог Више избавиться от куртки, и, стягивая с нее майку, приподнял за плечи и легко поцеловал в лоб.

— Не беспокойся, я не столь щепетилен в делах любви. Я не совершу подобной ошибки.

— Мы исправим ее вместе, — и Виша поцеловала горячие

смуглые губы человека, жившего столетия назад.

Утро следующего дня застало их в огромной, смятой и разворошенной постели; Виша спала, положив голову на шелковую, обшитую кружевом подушку, свесив руку с края. Обнимая ее бедра, уложив свою голову в самом низу ее спины, спал пятый ректор Иремской медицинской Академии, светило науки и великий врач ал-Ладин. Он спал бы еще долго, поскольку ночью на сон почти не потратился, но чья-то легкая рука острожно прикоснулась к его плечу. Врач приоткрыл глаза, присмотрелся и лицо его погрустнело. Он высвободил спящую девушку из своих объятий, встал, набросил на себя валявшийся неподалеку шелковый халат, запахнул полы, завязал широкий расшитый золотом пояс. Наклонился над спящей девушкой, прикрыл ее плечи покрывалом, ласково погладил коротко стриженый затылок.

— Ты неисправим, ал-Ладин. Твоя сестра была права, когда рассказывала нам о твоих подвигах, — незваная гостья говорила шепотом, в котором, впрочем, не было слышно ни капли осуждения.

— И что же такого наговорила тебе моя дуреха Лалик? — таким же шепотом поинтересовался врач, знаком приглашая гостью выйти через стеклянную дверь во внутренний сад.

— Что ты обещал ей золотые горы, лишь бы она провела тебя в нашу спальню, — фыркнула гостья. — И помнится мне, один молодой шаммахит был застукан за подглядыванием за нашим купанием в большом бассейне в саду…

— Ты кинула в меня персиком, о божественная, — шаммахит склонился в низком поклоне перед молодой светловолосой женщиной. — И ведь попала, прямо в лоб…

И они тихо засмеялись.

— Спасибо тебе, ал-Ладин, — названная божественной взяла его руки в свои, крепко сжала. — В который раз ты выручаешь нас?

— Не в последний, госпожа, — шаммахит улыбнулся. — По первому твоему зову я вновь явлюсь там, где ты прикажешь. А сейчас, раз уж ты сама пришла разбудить меня, мое время закончилось?

— Да. Тебе пора отдыхать, друг. Пойдем? Цветы еще не раскрылись, трава будто в серебре, не обувайся, пойдем по росе, босиком… пойдем.

И так и не размыкая рук, они тихо покинули сад, не потревожив ни единой травинки, не всколыхнув ни одного лепестка.

Они, все шестеро, шли по безлюдным, тихим улицам Ирема.

Самыми первыми проснулись эльфы; Иво нашел Вишу, разбудил ее и вместе они пошли будить флюгера и брохуса. Позавтракав плодами, сорванными в саду, и холодной водой, они присели в тени у фонтана, прежде чем покинуть Академию.

— Куда теперь? — спросил альх-Хазред. — Если кого-нибудь это интересует, я превосходно себя чувствую, будто неделю на моргенштерне отдыхал. А ты как, Тойво?

— Отлично. Я действительно запустил свои разъемы, — брохус развел руками. — Не до них было, и потом, я никогда сам их не обслуживал. Особенно спинные. Так что все было вовремя… включая сон.

— Вот и хорошо. — Несколько торопливо высказался Маульташ. — Насколько я помню, вам было поручено найти и уничтожить поющий кристалл неслыханных размеров? Так не пора ли заняться делом? Где искать будем? Во дворцовой сокровищнице? — Выпалив очередь вопросов, гном перевел дух, украдкой покосился на Тойво и перевел дыхание.

Эльфы переглянулись, но ничего не ответили.

— Бери выше, Мауль. — Виша надкусила желтую сливу. — В храме Нимы. Это не так далеко от Академии, но я думаю, нам стоит поторопиться. Город впустил умирающего шаммахита… кто знает, сколько он будет терпеть эту вот улыбающуюся физиономию?

— Это верно. Ты знаешь, куда идти? — флюгер допил воду, поставил стакан наземь.

— Знаю. Выше, в холмы, там весь храмовый комплекс Ирема. Я видела его реконструкцию, надеюсь, она не сильно отличается от исторической правды.

Выйдя из ворот Академии, они направились на восток, дорога, ведущая в этом направлении, заметно шла в гору. В Ирему царили тишина и покой, так не свойственные этому городу; шаги путников отдавались от серых каменных стен шелестящим эхом, голоса их звучали приглушенно, как в музее.

— Виша, а этот храм, он какой? — гном шел рядом с девушкой, чуть впереди всех остальных.

— В смысле?

— Ну, я как-то читал, что в храм так просто не попасть, там всякие ловушки, западни…

— Да ну тебя, Маульташ, начитался дешевых книжек! — усмехнулась Виша. — Храм Нимы был прекрасен, это же не склад и не крепость. Это именно храм — в нем молились, проводили ритуалы…

— Интересно, а там тоже есть призраки? — гном бросил на Вишу быстрый взгляд.

На щеках девушки вспыхнул румянец, она закусила губу.

— Если есть, то тебе повезет, Маульташ, там были очень красивые жрицы, а еще школа танцовщиц, единственная в своем роде.

— Звучит обнадеживающе. Так как ты сказала, каков он был… этот храм?

Виша посмотрела на гнома долгим взглядом, и ответила одним словом:

— Великолепен. — И зашагала дальше, прибавив шаг.

Глава пятая. Немного везения

Добраться до храма Нимы оказалось проще простого; город был по-прежнему пуст и необитаем, подъем в гору, не успев утомить, сменился ровной, широкой дорогой, вымощенной белым камнем. Немногим менее часа — и путники оказались у подножия холма, на котором размещался храмовый комплекс: само святилище, сады, дома служительниц и школа. Ни ограды, ни ворот, только лестница, обрамленная легкими колоннами, ведущая вглубь земного дома Нимы. По ней они бы и поднялись, если бы не одно обстотельство. Начало этого они почувсвовали еще на пути к храму Нимы: прежде абсолютно безлюдный Ирем начал меняться. Первыми проявили себя звуки — сначала Ика услышал гудение пчелы над ухом, потом на Маульташа залаяла собака, он заозирался, но так ничего и не высмотрел, а потом каскад звуков обрушился на всех сразу, как ведро воды, выплеснутое служанкой в окно, прямо на головы случайных прохожих. На разные голоса шелестел, посвистывал ветер, перекрикивались погонщики ослов, спорили за душу покупателя базарные торговцы, вела свой нескончаемый разговор река толпы, и все покрывал тонкий, небесно-пронзительный голос священнослужителя, вышивающий узоры молитвы в небесах. Едва путники успели привыкнуть к этой какофонии, как начали зримо проявляться и те, кто ее создавал. Виша не успела испугаться, но вскрикнула:

— Ой! Смотрите, кот! Какой важный! Ну настоящий Сириан Мираваль!

И в самом деле, на ступеньке лестницы, ведущей во внутренний дворик, возлежал полосато-серый, холеный, спокойный кот, с таким важным выражением морды и высокомерным взглядом янтарных глаз, что так и хотелось спросить у него совет за жизнь, ну, по крайней мере, дорогу.

— Это нехорошо. — Шаммахит как-то подобрался, оглянулся.

— Ты не любишь котов? — Виша уже сидела на корточках и тянулась погладить теплый серый бочок.

— Виша, отойди. Не стоит трогать голыми руками артефакты тысячелетней давности, тебя разве этому не учили? Кто-нибудь, кроме меня, еще понимает, во что мы вляпываемся?

— Возможно. — Отозвался Ика. — Нас втягивает в прошлое? Как полноценные, действующие части минувшего.

— Чтобы мы прожили остаток дней в Ирeме, пополнив его и без того немалую копилку судеб, — подтвердил альх-Хазред.

— Э… я на такое не подписывался, — запротестовал гном. —

Мне не нравится здешняя кухня и отношение к гномам.

В этот момент прямо на них из-за колоннады вышла женщина в традиционном жреческом наряде и легком головном покрывале, рядом с ней шел статный, одетый в белые ткани шаммахит, полы его джеллабы веяли снежным холодом, из-под белого тюрбана сверкали угольно-черные глаза; будто и не заметив путников, они свернули на лестницу и вскоре затерялись наверху. Вот только женщина прошла быстро и не оглядываясь, а мужчина задержался на несколько секунд, и на это время — Виша могла в этом поклясться! — он смотрел прямо на них уже синими глазами; впрочем, он только едва заметно улыбнулся и проследовал за жрицей храма Нимы. Хотя мимолетный жест его правой руки истолковывался явно как приглашающий.

— Уффф…. — гном вытер пот со лба. — Так мы что, для них невидимки?

— Почти для всех. Но ненадолго. Так что стоит поторопиться. — Тойво совершенно неуместно улыбался. — Альх, ты понял, кто это был?

— Что я по-твоему, северный олень, что ли? — оскорбился флюгер. А потом опустился на колени и благоговейно прикоснулся губами к ступени, на которой секунду назад стояла нога синеглазого шаммахита. — Аш-Шудах величайший, светоч мира, вечная сила, благослови детей своих, сохрани на темном пути…

— Аш-Шудах? — и вишины колени подломились сами собой, и она присоединилась в флюгеру. Переглянувшись, их друзья сочли за лучшее присоединиться к молитве альх-Хазреда. Затем они поднялись, и, миновав каскад цветников, вышли к храму. Не сговариваясь, все мужчины присвистнули.

— Ого-го…это… ну… — Маульташ откашлялся, перевел дух, но ничего более умного не придумал.

— Удивительно… Какое изящество композиции… смелость замысла… — Иво прижал пальцы к тонким губам, скрывая змеящуюся улыбку.

— Ага. И восхитительная непристойность! — Ика, смеясь, подмигнул собрату и во все глаза уставился на знаменитый скульптурный ансамбль, украшавший фасад храма.

— Не будет мне спокойных снов, пока… вот так же… и вот так… — альх-Хазред облизнул пересохшие губы, тихо застонал… — О боги, только бы не забыть!..

— Забудешь такое… — гном с трудом отвел взгляд от скульптур. — Ну хватит, мы сюда не за этим шли! Виша, дальше куда?

— А… если источники не врут, святилище Нимы

располагалось на крыше храма, она плоская, это отличительная черта шаммахитской архитектуры, чего не скажешь о скульптуре, — Виша показала язык эльфам. — Пойдемте, надо подняться.

Они обошли храм со стороны восточного фасада, оказались во внутреннем дворике, из которого шел усаженный цветами крытый переход, в проеме которого просматривались очертания невысокого здания, а из открытых настежь окон доносилась музыка.

— Тихо… — прошептала Виша, прижав пальцы к губам. — Там школа. Небо мое синее, это все правда, при храме была школа танцев… хоть бы одним глазком…

— Виша, приди в себя! — Иво несильно дернул ее за хвостик. — Может, ты хочешь остаться там навсегда?!

— Не в этот раз. — Одетый в белое шаммахит, по-прежнему синеглазый, стоял за их спинами, и явно наслаждался произведенным эффектом. — В школу Нимы не берут более пяти учениц, а я как раз приходил просить за свою подопечную. Ей здесь как раз самое место. Так что, Виша из дома Вельда, не обессудь.

— Что вы… я и не смогла бы, наверно. — Виша смотрела на шаммахита во все глаза, запоминая каждую черточку, каждую складку на его тюрбане.

— Вам не следует медлить. — Аш-Шудах вернул глазам черный цвет, прикрыв на мгновение веки. — Сейчас в святилище никого нет, вам никто не помешает. Но вот как вы будете договариваться с Нимой… — и он выразительно пожал плечами.

— Богиня никогда не была жестокосердой, — осмелилалась ответить Виша.

— Неужели? — Аш-Шудах усмехнулся. — А как вы назовете ту, что прокляла своей кровью своего сына? Милосердная богиня… скажите еще, осторожное землетрясение. Или — и он мельком глянул в сторону остроухих — смиренный эльф. Но тут я вам не помощник. Удачи.

Он не стал исчезать, испаряться, а просто прошел по желтоватому мрамору внутреннего дворика и вошел в одну из дверей, ведущий в храм.

Наверху их встретило уже ощутимое шаммахитское солнце, заставлявшее жмуриться и искать тень. Крыша была ограждена баллюстрадой, у края, противоположному лестнице, располагалась небольшая каменная же скамья, человек на пять-шесть, не более. А на восточной стороне на невысоком постаменте возвышалась статуя богини. Изваянная из розоватого мрамора с тем же вдыхающим в камень жизнь мастерством, она

держала в руках сверкающий на солнце кристалл.

— Мы на месте. — Иво прошел вперед и оглянулся. — Не будем медлить. Пора выполнить приказ.

Он подошел ближе к Ниме, склонил голову, приветствуя богиню древности, протянул руку и обхватил пальцами кристалл.

И вот тут кажущаяся простота задания и закончилась. Для начала им пришлось убедиться, что между кристаллом и мрамором изваяния вполне явственно просматривается пустота; прохладные гладкие руки богини не держали кристалл, и никаких хитроумных креплений не было — ладонь эльфа легко проходила между артефактом и ладонями Нимы. Все попытки хоть как-то сдвинуть с места кристалл оказались безуспешными. Эльфы озадаченно замолчали.

— И что, вместе со статуей нам его забирать, что ли? — сердито вопросил гном. — А что, она красотка еще та… только не утащить. Тяжеловата будет. Ну вот что, вы все отойдите, я отобью ей руки, уж их-то мы донесем.

— Еще чего! — Возмутилась Виша. — Варвар! Да ни за что на свете!

— А ты что предлагаешь? Весь храм на воздух поднять? Так у нас для этого нет ничего, оба флюга где-то в степи, а с ними и все оружие… И какая разница, я так понял, вам приказано кристалл захватить…

— Не захватить. Уничтожить. — Поправил Маульташа Иво.

— У нас есть одна энергетическая установка, — напомнил всем Ика. — Мы решили не таскать за собой кресло, а вот ее сняли. Хотя не знаю, как это может нам помочь. Активировать ее можно, но, боюсь, мощности маловато. Тойво, а ты что скажешь?

— А что тут говорить? Приказ вам дали недвусмысленный, мы обещали вам помогать. Отделить кристалл от статуи не получается, значит, выход один — уничтожить их вместе.

— А вы сразу храм взрывайте, чего там… — Виша чуть не плакала, сознавая, что осталась в одиночестве: никто, даже Тойво не поддержит ее. — Я в этом участвовать не буду. Идите вы все…

— Виша, тебя никто и не заставляет. — Холодно парировал Ика.

— И не заставите. — Не очень хорошо соображая, что делает, Виша отвернулась от друзей, упала на колени перед статуей и обхватила руками ноги богини. — Не позволю повредить ей. Ни за что. Лучше умру. Мама! — вырвалось у нее со слезами. — Мама!

Остальные попятились, растерянные и недоумевающие. Религиозностью Виша никогда не отличалась, поэтому ее порыв никто не понял, даже Тойво.

И все же эльфийское чутье было невероятным. И в этот раз оно не подвело: почти одновременно Ика и Иво переглянулись и крикнув:

— Ложись! — потянули всех наземь.

Над крышей храма Нимы бесшумно всплыл сине-белый флюг — последний из подразделения «Симхан», пущенный по следу лордом-маршалом. То ли поломка задержала его в пути, то ли оглушило в бою среди рушащейся под согласными ударами волн и ветра Маноры и завалило обломками, — теперь это было неважно. Теперь он нависал над храмом как острокрылый ангел мщения, настигший беглецов. Еще секунда — и флюг откроет огонь на поражение. Распластанные на плоской крыше вокруг марморной статуи люди — несложная мишень. Даже как-то неловко такому асу палить по ним, как из пушки по воробьям, но приказ есть приказ, и не эльфу его обсуждать.

Виша, вжавшаяся в постамент, вдруг почувствовала, как прохладные гладкие пальцы гладят ее щеку. Она подняла голову и увидела — богиня присела и склонила над ней свое беломраморное, вечно улыбающее лицо.

— Не бойся, девочка. Я не позволю тебя обидеть, — услышала Виша слова, произнесенные мраморными устами. — Ты можешь забрать мой кристалл, он понадобится одной из моих дочерей. А чтобы в этом даре не было для тебя беды, скажи, не найдется ли у тебя, чем отдариться? Что ты можешь дать мне взамен, чтобы не быть обязанной судьбе? Мне самой ничего от тебя не нужно, но таков закон — и я подчиняюсь ему в первую очередь.

— Есть… — еле дыша, выговорила Виша. — У меня есть дар для тебя, богиня любви.

И она с силой дернула цепочку, которую всегда прятала под майкой. Через мгновение на ее раскрытой ладони лежал прощальный подарок Джесхета Ломара: подвеска работы дома Рилло, медальон, в котором застыли похожие на ледяную карамель цветы, искрясь на полуденном солнце Шаммаха алмазным инеем. Казалось, иней вот-вот растает, и лепестки цветов расправятся и задышат.

— Цветы поздней любви… — Нима понимающе улыбнулась. — Принимаю.

И она взяла с вишиной ладони драгоценность, дав цепочке соскользнуть на пол, приложила медальон к груди — ровно к тому месту, где расходились края ее одеяния, обнажая нежную ложбинку. Когда Нима отняла руку, оказалось, что на месте медальона расцвели настоящие цветы, и алмазный иней растаял, дрожа на их лепестках каплями росы.

— Мой храм — моя сила! — с этими словами Нима

выпрямилась и простерла ладонью вперед и вверх свободную от кристалла руку. Она сделала это, потому что эльф-флюгер симхана справился со своим изумлением и начал стрелять. И все, распростертые вокруг нее, оказались словно под невидимым куполом, которому боевой эльфийский флюг повредить не мог.

— Возьми мой кристалл, — и, слегка наклонившись, Нима протянула Више сияющий камень. — Ты можешь брать его свободно, обмен дарами возможен между богами и людьми.

Виша обеими руками приняла дар богини.

— А теперь поспеши покинуть это место, Виша. Тени минувшего набирают силы, и если вы задержитесь в Иреме, он не отпустит вас.

Девушка внимательно посмотрела на говорящую с ней Ниму — что-то было не так, ведь еще минуту назад мрамор статуи лучился гладкостью, нежностью, а сейчас… щеки богини покрылись тонкими черными трещинками, такие же ломаные линии разбежались по рукам, исчертили летящие складки платья. Грозно и неотвратимо прикоснулась к Ниме старость, как только выпустила она из рук поющий кристалл.

— Это не страшно. — Понимающе улыбнулась Нима. — Здесь и сейчас мы расстаемся, для твоего времени я давно уже прах и обломки. Пришла пора мне вернуться туда, где сияет мрамор этого воплощения, или выбрать другое. Прощай, Виша.

Девушка почувствовала, как ее крепко взяли за руку (кажется, это был Тойво), дернули и как все, поневоле пригибаясь, она побежала к выходу с крыши. Флюг по-прежнему в ярости и непонимании растрачивал свой боезапас и от бессилия был готов поливать голый камень крыши дефолиантом. У самого спуска Виша оглянулась — богиня стала бело-черной из-за множества трещин, проникающих в ее мраморное тело все глубже. Она по-прежнему сдерживала силу флюга. Но вот тело ее дрогнуло, будто камень вздохнул, и медленно двинулось вниз с постамента. И мгновенно распалось, пронзив воздух миллионами мраморных осколков, ослепив и флюгера, и убегавших вспышкой звездно-белого цвета.

— Виша, очнись же!.. — откуда-то издалека донеслось до девушки. Это кричал гном, подталкивавший ее в спину. — И пропусти меня, я знаю, где нам спрятаться!

— А где? — выдохнула девушка, прыгая по ступенькам. Гном протиснулся мимо нее и понесся вниз с такой скоростью, какой от него никто не ожидал. Где-то рядом заполошно хлопали совиные крылья.

— Потом! Успеем — сама увидишь!

И они поспешили вслед за Маульташем. Перепрыгивая по

нескольку ступенек, успевая краем глаза увидеть стайку девушек, одетых в светло-желтое, спускаясь все ниже и ниже, по каким-то переходам и галереям, о которых Маульташ оказался осведомлен не хуже, чем о закоулках в родном доме. В полутьме, а то и в темноте, они миновали уровень кладовых и погребов, проскользнули в узенький ход, прятавшийся за ложным выступом стены, обдирая бока, спустились по лестнице, вырубленной уже в скальной породе.

— Стоять. — Маульташ скомандовал загодя, так что они не успели впечататься друг в друга и в камень. — И даже не смейте бояться. Нам это вбивают в голову раньше, чем таблицу умножения.

Гном, судя по звукам, шарил по глухой стене руками. Самое большее, через минуту разадался щелчок. Вскоре — еще один, и еще. Когда Виша насчитала более десятка таких звуков, Маульташ глубоко вздохнул и все поняли, что он во что-то с силой упирается. А поскольку гном все сделал абсолютно правильно, дверь открылась перед ним и его спутниками.

Они оказались в небольшой зале, полукруглый потолок слабо светился лиловым, время от времени по нему словно проходило слабое движение. Вошедшие стояли на узкой полосе каменного выступа, выстроившись вдоль стены. Почти все свободное пространство занимало какое-то сооружение, похожее формой на капсулу моргенштерна, но не столь округлое. Воздух был на удивление свеж; тишину нарушал только перебой дыхания беглецов.

— Куда это… ты нас привел? — переводя дух, спросила Виша. — И что это такое?

— Это станция. Станция подземной дороги гномов. — Пыхтя и отдуваясь, отозвался Маульташ. — Давайте-ка все присядем… для начала.

Гном подошел к сооружению, ощупал ребристый металлический бок и откинул наверх выгнутую дверцу. Внутри оказалось не так уж и страшно: ряд удобных сидений, откидной стол, даже что-то наподобие бара в нише — впрочем, пустого. Не было только ничего похожего на пульт управления. И окон тоже не было. Не дожидаясь повторных приглашений, все забрались внутрь, уселись и, не сговариваясь, уставились на гнома.

— Ну чего таращитесь? — недовольно пробурчал Маульташ. — Я вообще-то не должен был вас сюда приводить. Должен был геройски помереть на крыше. Но как-то настроения не было. Можете гордиться — кроме вас, про эту дорогу никто с начала времен не знал, кроме моего народа. Устроена она в незапамятные времена, станции были во всех городах Обитаемого

мира. Их расположение, подходы к ним и шифр, открывающий двери, всякий гном заучивает прежде всех других уроков, как только начинает говорить. Как считалку. Каким образом тут все работает — не спрашивайте, не знаю. Забыли задолго до моего рождения.

Помолчав, гном добавил, глядя куда-то в сторону:

— А двери открываются только в одну сторону. В смысле, выйти отсюда уже нельзя. Только уехать.

— А почему так светло? — неожиданно для себя спросила Виша.

— А когда станции строили, вывели породу светящихся каменных червей, тут они и прижились. Весь потолок облепили.

— Какие черви, мать твою?! — взорвался Ика, стукнув кулаком по подлокотнику кресла. — Ты о чем говоришь? Где дорога? Тут сплошь камень вокруг, ни рельсов, ничего нет! Ты привел нас в этот каменный мешок, запер двери… ты что натворил?!

— Спас ваши шкуры, — огрызнулся Маульташ. — Я же сказал — это тайная дорога, и нечего на меня орать. Сейчас все объясню.

Гном почесал щетинистый подбородок, еще раз оглядел друзей.

— Значит, так. Отец говорил, что в центральный паз на панели управления вставляется поющий кристалл. Гномы их давным-давно использовали как источник силы, значительно раньше всех остальных. Закрепляется, значит, кристалл, и запускается преобразователь. И все. Нет, сначала определяется маршрут.

— Как определяется? — стараясь говорить вежливо, поинтересовался Иво. — Где? На карте, циркулем и карандашом, или просто пальцем?

— Иво, не язви, — одернула эльфа Виша, придерживая на коленях кристалл Нимы.

— На карте, — кивнул гном. — Вон она, на внутренней стороне двери выбита.

На гладкой каменной поверхности двери, совершенно слившейся со стеной, действительно была карта, выведенная искусными резцами гномов — похожая на редкую сеть, узлы которой украшены бусинами. Причем и сами бусины, и желобки направлений были вырезаны довольно глубоко. Рядом с картой на стене было закреплено нечто, похожее на стеклянную лейку с мерными делениями и какими-то потеками на стенках, она держалась на чем-то, похожем на кронштейн с несколькими сочленениями.

— Собственно, это и есть маршрутизатор, — покашливая,

сказал гном. — Располагается напротив пункта отправления, в нашем случае это Ирем.

Гном встал, вылез из капсулы и потянулся к лейке. Кронштейн натужно заскрипел, но задвигался, и вскоре узкий носик оказался напротив одной из углубленных бусин.

— Видите, здесь деления, — обернулся Маульташ, — напротив каждого написано название пункта назначения. Все просто.

— Проще некуда. — Отозвался Тойво. — Только чем заполнять это… устройство?

— А разве неясно? Кровью. Гномовой кровью. Это древние так наколдовали, чтобы никто другой уж точно не смог воспользоваться нашей дорогой. Заполняешь, значит, столько, сколько нужно, чтобы добраться до… кстати, мы куда направляемся? И как раз этого количества хватает, чтобы прочертить маршрут, от и до.

— Допустим. — Ошарашенно проговорил Ика. — Даже если и так. Но куда эта махина поедет? В смысле, как?!

— Кристалл запускает преобразователь, — повторил гном. — И дорога появляется там, где она нужна. Камень, почва, вода, да хоть дерьмо — неважно, они попросту… исчезают, что ли. Преобразуются в структуру, где способна передвигаться эта машина. А противоположный преобразователь возвращает прежнюю структуру. Вот и все умные слова, которые я знаю, и не спрашивайте меня больше ни о чем.

Он как-то неловко потоптался на месте, повозил пальцем по желобкам карты.

— Если хотите знать, я до сегодняшнего дня считал эту дорогу бабкиными сказками. А тут… все как есть.

Виша встала, осторожно прошла по салону, лавируя между креслами, и оказалась перед панелью тускло-желтого цвета. В центре панели был регулируемый разъем, куда Виша и поместила кристалл. Правда, пришлось раскрыть разъем на максимум, на такие крупные кристаллы он явно не был рассчитан.

— Что дальше? — спросила она. — Как запускать этот… преобразователь?

— Погоди, Виша, — альх-Хазред наконец обрел дар речи. — Для начала надо решить, куда мы направляемся.

— Можно к нам, в Гридд, — предложил гном. — Там ваш кристалл живо в пыль разотрут. И всего делов.

— Не пойдет. — Виша усмехнулась. — Слишком просто. И никаких гарантий, что твоя родня не продаст кристалл эльфам, как только прослышит о нем.

— В Лис-Арден, — хохотнул Ика. — Выполним заказ, если

кто помнит, что такой был.

Все посмотрели на него как на цветовода, даже Тойво.

— Может, в орочьи поселения? — неуверенно предложил Иво. — Теплого приема не обещаю, но справедливость гарантирую. Они не выдадут даже лорду-маршалу.

— Это уже что-то, — оживился гном. — Не убьют — и хвала богам. Еще варианты есть? Может, кто-нибудь хочет в Нильгау прокатиться?

Ухмыляясь, гном достал из кармана резак, опустил кронштейн, придвинул к себе резервуар с делениями.

— Эй, может, поможете? — Маульташ обернулся. — Надо будет руку перевязать.

— Я помогу. — Ика поднялся с кресла, снял с себя изрядно потрепанный бело-синий китель, стянул через голову рубаху. — Рукав тебя устроит? Не стерильный, конечно… но уж как есть.

И он с треском оторвал рукав парадной рубахи, вышитый по оплечью серебряной нитью. Гном, закусив губы, запустил резак и провел им вокруг запястья левой руки — трижды, будто туго наматывая нитку. Запахло паленой гномьей шкурой, Маульташ зашипел от боли, опустил кисть руки в резервуар и приказал эльфу:

— Следи! Чтобы не перелилось…

Эльф присел, придерживая резервуар, и внимательно смотрел, как медленно наполняется он густой, темной кровью гнома.

— Похоже на нефть, — констатировал Ика. — Я так и думал, что гномы на нефти работают.

— А эльфы на метане, — сквозь зубы парировал гном. — Ты следи лучше, нам излишков не надо.

Прошло не меньше получаса, кровь Маульташа текла медленно, словно нехотя; Виша, старательно рассматривавшая носки своих сапог, не вытерпела и бросила на гнома взгляд. И тут же побледнела, отвернулась и прижала руку ко рту.

— Ничего, девочка, — неожиданно мягко проговорил гном, — мне не больно, не переживай так. Скоро наберется… Ика, готовь жгут.

Через несколько минут гном с перетянутой рукой с помощью эльфа установил резервуар с кровью над углублением, означавшим Ирем, наклонил его, дождался, когда первые капли заполнили его и потекли в желобок. Тогда он еще раз проверил крепления кронштейна, и вошел в капсулу, закрыв за собой дверь.

— Ну все. Порядок. — Маульташ похлопал съежившегося в кресле альх-Хазреда по плечу. — Да не напрягайся ты так, милсдарь флюгер. И под землей можно летать… неужели

испытать не хочешь?

Словно в ответ на его слова капсула чуть дрогнула, кристалл заискрил, запахло как перед грозой.

— Мауль, почему здесь ни одного иллюминатора нет? — спросила Виша. — Так посмотреть хочется, как все это происходит.

— С ума сошла? Вечно тебе, Виша, чего-то особенного хочется… тут специально защитные экраны поставили, чтобы глаза пассажиров уберечь. Смотри, сейчас даже кристалл колпаком накроет… вот. Поскучай, деточка. Поскучай.

Движение капсулы было настолько плавным, почти незаметным, что вскоре все пассажиры расслабились, устроились в креслах поудобнее и завели тихий разговор о том, что ожидало их в орочьих поселениях.

* * *

— Все честно. Ты мне проспорил, значит, моя очередь хотеть.

Заявивший это мальчишка выглядел донельзя довольным, настолько, что хотелось задать ему перевод пары страниц текста на стросуртонском, чтобы посбавить ликование. Его собеседник, седой мужчина, не стал с ним спорить и только спросил:

— И что на этот раз?

— Хочу сладких желейных червяков! — выпалил мальчишка. — Ну пожалуйста, Пьющий Песок…

— А я-то думал, ты попросишь какую-нибудь редкую книгу почитать… Ладно, ладно, не злись. Пойдем, Судри.

Через несколько минут одним им ведомого пути мальчик и мужчина оказались в той самой пещере, откуда недавно отправились в путь эльфы, гном, флюгер и брохус со своей девушкой. Пьющий Песок вытянул свой посох и ткнул им в самую середину червивого клубка, копошащегося на потолке. Клубок задрожал и свалился прямо в подставленную деревянную миску.

— Предупреждаю — язык еще пару дней будет таким же лиловым, — сказал Пьющий Песок, глядя, как Судри зацепил пальцем первого червяка, лизнул его, зажмурился и засунул в рот.

— Ммммм… да хоть год. Вкуснотища!… — мальчик выхватил из рук Пьющего Песок миску. — Пошли домой. Я Чиро угощу.

И они ушли так же, как и приходили.

Через минуту после их ухода потревоженные черви продолжали копошиться, пытаясь восстановить прежний порядок. Со стороны двери черви оказались то ли слишком активными, то

ли неловкими, но в результате их усилий целый сгусток лиловых липких телец оторвался от потолка и пополз вниз по стене. Медленно, но верно он полз прямо на вырезанную в камне карту.

Глава шестая. Истинный бог

Путешествие по подземной дороге гномов оказалось настолько спокойным, что они почти что задремали. Сонное молчание нарушил Альх-Хазред.

— Не хочу портить всем настроение, но давайте посмотрим, с чем мы остались. То, что мы все целы и невредимы, будем считать толикой везения, которую мы заслужили. А как насчет… эмм…земных благ?

— Негусто. — Разом подвела итоги Виша. — В моем мешке осталась только золотая вышивка, пара персиков из сада Академии, фляга с водой. А у вас?

— При нас только перчатки, — невесело улыбнулся Ика. — У меня даже рубахи целой теперь нет.

— У меня из имущества резак, фляга — увы, давно пустая… Прав был мой батюшка, когда сулил мне нищету. — Ухмыльнулся гном.

— Кинжал, браслет, камертон. — Альх-Хазред засмеялся. — Готов к погребению…

— Вы все забываете о том кристалле, — Тойво кивком головы указал в сторону панели управления. — Он там не навечно, ведь так? Закончим путешествие, заберем его с собой. Как я понимаю, по назначению его использовать не придется. Так что мешает нам превратить его в материал для перчаток аспидов? По крайненй мере, хватит, чтобы не помереть с голоду первое время.

— А что, идея. — Отозвался шаммахит. — А ты, оказывается, практичный человек, брохус. Виша, а что, много у тебя воды?

— Полная фляга. Я жажды не терплю, запаслась вот, на всякий случай…

В этот момент капсула, легко двигавшаяся под землей, дрогнула, как будто уперлась носом в непреодолимую преграду, и рывком остановилась.

— Эттто что тттакое?! — Вытаращил глаза гном.

Он вскочил и бросился к преобразователю.

— Что такое, Маульташ? — спокойно спросил Иво. — Что-то оказалось не по зубам нашей землеройке? Что-то сломалось?

— Болван! — Рявкнул гном. — Здесь нечему ломаться, все слишком примитивно! Капсула останавливается только когда заканчивается маршрут! А до орочьих поселений нам как до звезды небесной.

— Тогда что? — поинтересовался второй эльф.

— А все. Хана нам. — Гном стукнул кулаком по стенке капсулы и сполз на пол. — Все, все. Кристалл молчит, установка

вырубилась. Приехали. Дальше пешком.

— Но… ты же все точно отмерил там, у маршрутизатора… — Виша еще не успела испугаться; впрочем, как и все остальные, видевшие тщательные приготовления и чувствовавшие уверенность гнома в правильности совершаемых им действий. Они же не могли видеть липкой лиловой дорожки, стекающей с потолка оставленной ими станции, вязнущей на желобках и углублениях карты, не видели жирного кома червей, перекрывших их путь, отмеченный кровью Маульташа.

— А толку? Виша… и вы все! Придите в себя. Похоже, наше увлекательное путешествие закончилось.

— Братской могилой? — невозмутимо спросил Ика.

— Да. — Гном сгорбился, обхватив колени длинными руками.

— Вот еще! — возмутился шаммахит. — Эй, любезный, ты чего раскис? Раньше смерти не помрешь. Вода у нас есть, еда… ну, девушке на пару дней хватит, оружие есть.

— И с кем ты побиться предлагаешь? — поднял голову гном.

— С судьбой. — Ослепительно улыбнулся шаммахит. — Мы можем выйти отсюда?

— Куда?! — гном смотрел на альх-Хазреда как на слабоумного. — Земли поесть? Спасибо, недавно угощали. Не хочется больше.

— Маульташ. — Шаммахит не стал обижаться. — Обрати внимание, я сижу возле стены. И когда мы так неожиданно остановились, я слегка приложился об нее головой. И скажу тебе, моя голова не настолько пуста, чтобы издавать такие звуки.

И шаммахит легонько постучал по стенке капсулы. В ответ отозвалась пустота.

— Там может быть все, что угодно, — оживая на глазах, сказал гном.

— Ага… пещера с сокровищами, — Виша заплакала, прижав пальцы к губам.

— И это тоже, — Тойво мягко провел по ее затылку рукой, — Успокойся, моя белочка.

— А меня кто утешит? — притворно захныкал Ика.

— Иди сюда… — поманил его пальцем собрат. — Вспомним дни былые…

— Иди ты! — шарахнулся эльф. — Нашел тоже, чем утешить.

— Будем пререкаться, или попробуем выйти? — смеясь, спросил брохус. — Маульташ, твой резак возьмет эти стенки?

Вместо ответа гном подошел к месту флюгера, отстранил его, простучал стену, и почти не примеряясь, одним движением вкрыл стену, вырезав контур двери. Металл оболочки, поколебавшись с

секунду, подался назад и вниз и упал, грохнув о камень.

В капсулу пахнуло сырым, но не затхлым воздухом, метнулись тени на стенах пещеры, не видевшей света с незапамятных времен. Гном осторожно выглянул, осмотрелся.

— Чудовищ вроде нет. — Сообщил он. — Как я и сказал, дальше пешком. Надо же, а из меня недурной предсказатель. Виша, ты смотри, кристалл не забудь. Мало ли что, вдруг пригодится.

Все еще нервно пересмеиваясь, они вышли из капсулы, подкованные сапоги эльфов гулко цокали на каменном гладком полу. Оглянувшись, они увидели, что капсула их прекратила движение как раз в самом узком месте пещеры, что было за ней — неизвестно, и узнавать не хотелось.

— Пошли вперед? Тем более, других вариантов нет. — Флюгер задрал голову, пытаясь разглядеть потолок. — Что у нас со светом?

— Тут в капсуле есть несколько небольших фонарей, заполнены какой-то белесой дрянью, но светят ничего себе, — и гном протянул шамахиту фонарь.

Они шли неровной цепочкой по широкому каменному коридору, в который выходила их счастливая пещера, оказавшаяся обычным тупиком одного из ответвлений. Вокруг был сплошной камень, и сколько они не шарили бледными фонарными лучами, им не удалось выхватить ни одного следа хоть чьего-то присутствия. Через сотню-другую шагов не по себе стало даже гному, поскольку он никак не мог узнать в этом подземелье ничего из творений гномов или же цвергов.

— Не наше место. — Обреченно повторял он. — Очень глубоко, не слышу ни работающих шахт, ни выбранных каверн. И не слышу воды. На мили вокруг — ни капли воды. Да где же мы?

— Почему обязательно как под землей, так непременно ваше место? — спросил Иво. — Почему не просто сеть пещер и коридоров? Природная…

— А потому, что природа так не делает, — сказал, как отрезал, Маульташ.

— Остановитесь. — Брохус бросил менто всем сразу, резко и бесцеремонно. — Идите ко мне.

Не споря, все подошли к зашедшим вперед брохусу и Више, встали вокруг.

— Там, впереди, — Тойво по-прежнему не размыкал губ, — кто-то живой. Не зверь, не человек… не растение.

Эльфы, тем не менее, не сговариваясь, надели боевые перчатки.

— Он один… и очень слаб, я еле слышу его. Я пойду первым,

аспиды — за мной. Остальные подождут здесь.

В полной тишине они разошлись: трое остались стоять, затаив дыхание, трое направились вперед. Через десяток минут ожидания, вязнувших в тишине как пальцы в густом меду, раздался голос Иво:

— Идите сюда.

Коридор вывел их в просторную, но невысокую пещеру; никаких источников света, кроме белесых гномовских фонарей, не было, поэтому разглядеть все в подробностях не представлялось возможным. Брохус и аспиды стояли возле чего-то, похожего одновременно и на алтарь, и на погребальные дроги.

На высоком каменном столе лежал юноша, судя по размерам стола, роста он был совсем не человеческого, и, если бы не его лицо, можно было бы предположить, что это последний чудом выживший велигора. Юноша был не просто худ, он был изможден до последней степени, о таких говорят — «кожа да кости». Его длинные черные волосы свешивались со стола, кольцами завивались на полу, терялись в полумраке залы. А лицо, несмотря на истощенность, было молодым и прекрасным. Эту изначальную молодость не могли отменить даже бесчисленные морщины. Кожа неизвестного была странного зеленоватого оттенка, не похожего на орочий, руки и ноги, казалось, уже сливаются с камнем стола, но широкая грудь все еще слабо и редко вздымалась.

Виша уловила странный звук, повернула голову — и застыла. Оба эльфа стояли на коленях, сжимая головы руками, и плакали. Их плач был почти беззвучен, лишь изредка прорывался горестный стон, но такая была в нем боль, что девушке стало не по себе. Она отыскала взглядом Тойво — он стоял у изголовья лежавшего.

— Виша. — Тихо позвал ее брохус. — Дай мне воду.

Спотыкаясь, Виша подошла к Тойво, нашарила в сумке флягу с водой из иремского фонтана и протянула ее просившему. Тойво открыл флягу и очень осторожно наклонил ее над губами юноши, сжатыми, пересохшими как два цветочных лепестка, засушенных между страницами книги. Несколько капель пролились и скатились вниз, по щекам, даже не смочив иссохший рот. Но следующие уже впитались в затрепетавшие губы, а следующие заставили их раскрыться. Тойво приподнял голову лежащего и чуть сильнее наклонил флягу. Тонкая струйка воды поблескивала в свете фонарей, вздрагивало морщинистое горло… Очень скоро небольшая фляга опустела.

Он открыл глаза, огромные, и, что особенно поразило Вишу, радостные, оглядел всех, склонившихся над ним. И улыбнулся. Вздохнул поглубже, медленно привстал, опираясь на руки-плети.

— Братья мои… — он звал эльфов. — Идите ко мне.

Эльфы встали с колен, приблизились к оживающему на глазах юноше. Он оглядел их, все так же улыбаясь.

— Вы повзрослели.

Виша смотрела на говорившего, не помня себя от изумления. Это лицо, расцветающее у нее на глазах, — широкий лоб, плавно изогнутые брови, глаза, приподнятые к вискам, тонкий нос, губы красивого и чувственного рисунка, — она видела его, и не раз. В музее искусств в Лис-Арден, в отделе нильгайских древностей, особое место занимали скульптурные изображения Калима. Эльфы не стали уничтожать их или прятать в самые дальние запасники, оставили все как есть. И у Виши была не одна возможность рассмотреть нильгайского бога как следует, тем более что от созерцания такой красоты оторваться было сложно. Перед ними, слабый и изможденный, едва живой — был Калима, бог всех растений Обитаемого мира.

— Прости нас. — Хрипло выговорил Иво. — Мы предали тебя. Ведь мы всегда знали, что это не ты…

— Братья… — Калима смотрел на эльфов с такой любовью, что у Виши заныло сердце. — Вы не могли поступить иначе. Не казните себя.

Кто-то тихо дернул Вишу за рукав. Это шаммахит, не вынеся напряжения, хотел и боялся спросить, что происходит.

— Альх… — Брохус позвал флюгера. — Открой свое сознание. И ты, Мауль. Слушайте меня.

Виша поняла, что хочет сделать Тойво и с готовностью распахнула свой разум. И все они увидели то, что совсем недавно узнали эльфы, что повергло их в такое раскаяние.

Давным-давно, волею случая, принявшего облик двух эльфов, спрятавшихся за личинами нильгайцев, зерно, хранящее росток будущего Калима, было совобождено из храма, где жрецы всеми силами пытались ускорить его пробуждение. Калима был недоволен подобным своеволием, он не хотел спешить и был рад возможности оказаться подальше от своих почитателей. Чтобы обезопасить себя, он создал себе двойника — такое же зерно цвета гранатового сока. Но творя себе подобного, бог поступил легкомысленно и поддался соблазну переместить в него все те темные энергии, которыми так щедро питали его жрецы. Его самого они раздражали, как термиты или древоточцы. Себе он оставил совсем немного заимствованных сил, его же собственные спали. Калима устроил так, что двойник, по сути, его брат-близнец, оказался в пределах его старого храма, развороченного симханом. А сам улегся спать, чтобы явиться миру в срок — и ни часом ранее. Шли дни, утекали годы, таяли столетия… и вот

однажды Калима разбудили.

Он был тогда слабым, юным ростком по своим силам, он только-только начал отрываться от земли. Кто-то схожий с ним, но гораздо более сильный — и властный — сковал его волю, и приказал тем, кого Калима любил больше себя самого, унести его из Леса. Его спрятали глубоко под землей, в лабиринте лавовых коридоров, которые не пропускали ни звука, ни света, ни капли воды. Тот, другой, швырнул юного бога на каменный стол, наслаждаясь своей силой, и сказал:

— Теперь я бог этих созданий. Я поведу их к славе и могуществу. С тобой они были лишь жалкими слугами. А ты… ты сгниешь здесь.

Калима остался один. Но и сквозь толщу земли и камня он слышал, как один за другим его дети сдаются на уговоры и посулы самозванца, чувствовал, как ломается сознание Леса и как начинается война. Угасая в кромешной тьме, едва живой, он был с каждым из своих детей в их смертельном самоослеплении. И он был со своими братьями в день их скорби. Когда пал Лис-Арден, Калима впал в забытье, подобное смерти, и вряд ли бы превозмог его, если бы не…

Кто сказал, что черные лавовые коридоры — пристанище смерти, что жизни нет дела до них? В крохотные трещины, проточенные водой, спустились длинные, цепкие корни деревьев. Они, жители окраин, жалкие остатки бывшего эльфийского леса, остались верны своему богу. И в награду за это им дано было стать его спасением. Они не могли дать ему света, но могли понемногу питать его, не позволяя угаснуть во тьме. Благодаря им Калима смог дождаться.

— Так вы знали, что тот, в Нильгау — не истинный Калима? — недоумевая спросил шаммахит эльфов.

— Мы знали Калима. — Только и ответил Ика. — Все понимали, что Лесом правит узурпатор. И ничего не сделали, чтобы найти истинного бога.

— Постойте, — перебил их гном. — Лавовые коридоры? Остатки эльфийского леса? Так я вам скажу, где мы. Ох ты… Мы за мусорными пустошами, прямо под стенами Лис-Арден.

— Ну не вот прямо под стенами, — поправил гнома Иво, — но близко.

— Что мы можем сделать? — Виша несмело посмотрела в огромные миндалевидные глаза бога. — Как помочь?

— Виша… — Калима вздохнул. — Мне нужен свет, и вода, и тепло, без этого я не верну свои силы. Но еще больше я нуждаюсь в своих детях. Они суть моя душа…

— Но те, кто там, — Ика кивнул наверх, — продали свои

души. И даже брохус не заставит их услышать тебя.

— Не отчаивайтесь. — В голосе Виши была такая радость, что все удивленно уставились на нее во все глаза. — Я знаю, что говорю. Вы все знаете Сорью из дома Клеис — главного цветовода, вашего тюремщика. Так вот, чтобы вы знали — в своей лаборатории он выращивает растения… как бы это сказать… из сада богов. Они чистые, свободные, — какими были прежде, еще до войны. А может, и до начала времен. Сорью любит их всей душой, он пустил меня в свой сад только когда уверился, что я… что подруга того, кто приносит ему саженцы, доверяет мне. Если мы поможем Калима добраться до лаборатории Сорью, его душа вернется к нему. И тогда мы поговорим с самозванцем по-другому.

— Постой-ка… — протянул гном. — Из сада богов, говоришь? И кто же это способен на такое?

— Боги, Маульташ. Боги. — Ответил ему шаммахит. — Неужели не понятно?

— Виша, — Иво улыбался. — Это та самая девушка тогда, в «Мертвецкой»?

— Да. — Виша улыбнулась эльфу в ответ. — Амариллис, отвергшая тебя, остроухий. Потому что одного такого ей вполне достаточно.

— А ее спутник?

— Хэлдар, — ответила девушка. — Я видела его вместе с Сорью. Если у эльфов были короли, то даже среди них он… был эльфом. Ну, вы меня поняли.

— Значит, мы должны попасть в самое сердце Лис-Арден — ты не забыла, где расположена тюрьма и угодья Сорью? Да еще и сопроводить Его? — Альх-Хазред потер переносицу. — Хотя наши личности тоже не слишком популярны, чего уж там.

— Вы… сможете идти? — Виша прикоснулась к руке бога.

— Пока нет. Но я не буду вам в тягость, — грустно улыбнулся он в ответ. — Я как высохший стебель…

Они переглянулись, не зная, чем еще помочь. Само лицезрение живого божества почему-то не очень смущало их, возможно, события последних дней несколько притупили их впечатлительность. Кроме того, Калима вызывал не смущение, не благоговение, тем паче страх; он сам излучал любовь — и вызывал ее в сердцах доверившихся ему.

— Виша, — обратился к девушке брохус, — помнишь, ты рассказывала мне о том жутком месте в доме профессора Эредиа? Ты называла его сад пыток.

— Разве такое забудешь? Эредиа держит его ради поддержания своей репутации, но место это действительно

жуткое. Почему ты о нем вспомнил?

— Потому что это наш единственный способ связаться с единственным эльфом, кто может нам помочь. У Сорью не те возможности, я знаю. Если как-то донести до растений в дом Эредиа весть о Калима, и о нас, возможно, они сумеют передать ее своей… хозяйке.

— Вильма сможет. — Уверенно заявил Ика. — Она сама прекрасно водит флюг, и ни перед кем не отчитывается.

— Калима, — Тойво обратился к богу, устало прикрывшему глаза. — Могут ли деревья, питающие тебя, добраться до сада в Лис-Арден и позвать на помощь?

— Деревья вряд ли… — прошелестел тихий голос. — Возможно, петров крест…

Черные пряди волос Калима заволновались, видимо там, во тьме, они соединялись с корнями выживших на границе мусорной пустоши деревьев.

— Виша, ну Виша… — гном настойчиво толкал девушку в бок.

— Чего тебе?

— Ты не забыла, что у тебя кристалл Нимы? Может…

— Не может. — Покачал головой Иво. — Без энергоустановки для нас он бесполезен.

— Они говорят, что слишком далеко. — Выдохнул Калима. — Петров крест не успеет обойти пустоши…

— Калима, — брохус подбирал слова, — а меня твои дети могут услышать? Ведь я всю свою жизнь разрушал сознание Леса, не знаю, смогу ли я стать проводником твоего слова…

Калима приподнял голову, открыл глаза и долго смотрел на Тойво. Под этим взглядом каратель очень скоро поежился, потом болезненно сморщился и крепко сжал кулаки. Бог заметил это, но не оторвал своих глаз от брохуса. Через несколько бесконечно долгих минут, когда Тойво просто уже откровенно корчился и кусал губы, Калима прикрыл глаза и опустил голову.

— Ты сможешь. Но тебе будет гораздо больнее… — с сожалением произнес он. — Слишком разные у нас вибрации. Я могу говорить через тебя, но только ломая и мучая, как ты — моих детей…

— Не надо… — Вырвалось у Виши.

— Ничего, — Тойво стер со лба выступившие капли пота. — Я выдержу. Только ты постой рядом… и возьми меня за руку.

— Ты не сможешь стоять так долго, — мягко проговорил бог. — Я помогу тебе.

Через несколько минут собравшиеся услышали сухое шуршание: сверху, из влажной темноты спускались корни —

бледные, усеянные тонкими волосками, похожими на кошачьи вибриссы, толщиной со змею. Они окружили Тойво, прикасались к нему; Калима, не открывая глаз, сказал:

— Тойво… ты можешь им доверять. Они лишь проводники меня, через них мой голос войдет в тебя, и ты сможешь усилить его… так далеко, как только сможешь.

— Тойво, — Виша не отходила от брохуса, отводя в сторону липнущие и к ней корни. — Ты знаешь, кого искать?

— Знаю. Все растения на подземных фермах лишены сознания, стерильны. По сути, они мертвы. Я сам их такими сделал. Судя по твоим рассказам, сад Вильмы Эредиа полон страдания, но он жив. В Лис-Арден вряд ли есть еще такие места. Я найду сад Эредиа, поверь мне.

— Сядь, Тойво. — Калима чуть повернул голову; было видно, что он бережет силы. — Сядь.

Волосы бога поднялись с пола тяжелыми черными волнами, окружили брохуса, и он, повинуясь их тяжести, опустился в них, как в подобие кресла, опустив свою обритую голову на широкий черный извив, вытянув ноги на волнистых прядях.

— Очень похоже… на рабочее место, — силясь улыбнуться, сказал брохус.

— Твой кнут… раскрой его.

Не возражая, Тойво соединил перед собой ладони, развел их с усилием, словно вынимая из ладоней золотое сияние кнута.

— Соедини наши руки.

Брохус вскользь ударил кнутом об пол, ухитрившись захлестнуть петлей кисть Калима; тот, не торопясь, несколько раз обернул кнут вокруг своего запястья, так же поступил и Тойво. Меж тем черные волосы продолжали обвивать тело Тойво — прихватывая его торс, ноги, оставшуюся свободной руку.

— А теперь… сделай то, чего не можешь сделать. Откройся моим детям.

Белесые корни, повинуясь воле своего бога, обвили голову брохуса, свили клубки на его височных дисках, облепили шейный разъем.

— Впусти мой голос… мою волю… — и Калима сжал в тонких пальцах кнут, и корни впились в голову брохуса.

Через несколько минут Виша уже рыдала в спину шаммахита, кусая свои пальцы.

— Зачем это геройство? Почему он так сопротивляется?

— Дурочка… — сдавленным голосом отвечал альх-Хазред, то и дело отводящий взгляд от брохуса. — Он бы и рад… да только как полетишь на флюге без перчаток? Как повернешь всего себя вспять? Ему приходится предавать себя, ненавидеть… — голос

флюгера прервался.

Тело брохуса корчилось от невозможной боли в жестком сплетении черных волос бога, его сотрясали судороги, из-под височных дисков стекали струйки крови. Но Калима крепко держал кнут и тихо повторял:

— Прими мою волю…

Этот кошмар продолжался так долго, что даже эльфы наконец запросили пощады.

— Мы убиваем его, Калима. — Возвысил голос Ика. — Довольно…

И в этот миг Тойво закричал — первый раз за все время этой добровольной пытки… и вслед за этим отчаянным криком тело обмякло, свободно легло в ставшие мягкими волосы Калима. Не открывая глаз, брохус разлепил искусанные губы, и прошептал:

— Да будет воля твоя.

И замер. Теперь он искал сад Эредиа в глухой пустоте Лис-Арден.

Снова потянулись минуты тяжелого ожидания; Виша уже не плакала, ей просто было больно. Корни ослабили хватку на голове брохуса, лицо Калима застыло и казалось неживым.

— Я нашел их. Говори, они услышат. — В голосе брохуса, несомненно, была радость.

Что говорил бог своим детям, для друзей осталось тайной, однако длился их разговор недолго — Калима явно жалел брохуса. Очень скоро корни совсем отпустили голову Тойво, а Калима последний раз воспользовался кнутом.

— Тойво… я отпускаю тебя. Теперь твоя воля… Благодарю тебя, брат мой.

И бог выпустил кнут. Волны черных волос мягко опустили тело брохуса на каменный пол.

Виша бросилась к Тойво, ничуть не озабоченная тем, что топчет волосы бога. Она опустилась на колени, приподняла его голову.

— Я жив, моя радость. — Брохус еле дышал, но улыбался. — Не поверишь… я говорил с ними. Говорил…

— А теперь помолчи!.. — Виша гладила его голову, стирала пальцами кровь с висков. — Кто знает, как ты еще расплатишься…

— Нам остается самое тяжелое — ждать, сделав все, что мы были в силах. — Ика уселся на пол рядом с брохусом, взял его за руку, то же самое проделал и Иво.

— Мы можем поделиться своими силами, — пояснили эльфы. — Чего там, мы почти утратили этот навык, наши предки могли и со смертью поспорить, а мы… ну, хоть дыхание

поддержим. Все лучше, чем ничего.

Флюгер сел на пол рядом, скорее за компанию, да и страшновато было ему созерцать Калима, впавшего в забытье, окруженного сонмом еще неспокойных волос. Гном же расхаживал по подземелью, постепенно расширяя круги, пытаясь найти выход. Время от времени он принимался напевать себе под нос, в тишине пещеры звук разносился гулко, так что всем были слышны обрывки песен и откровенная нервная галиматья.

— Дарило лето мне тепло,
Но это было все фуфло…
Идут из Краглы холода,
А вместе с ними нам…

тьфу, проклятый балладный строй, отвяжись!

И он снова топотал в темноту, откуда вскоре неслось:

— Может ли ждать незабвенная долго,
Разве что только из глупого долга,
С цепью на шее, с молитвою в сердце
И то ведь придумает, как отвертеться…

Слушая такое, друзья поневоле усмехались. Время, разбавленное в кои-то веки такими звуками, казалось, смягчилось и старалось двигаться легче, не утомляя своей тяжелой поступью. Оно шло и шло себе, кровь брохуса уже засохла и не липла к пальцам Виши, его пальцы давно похолодели в ладонях эльфов. Вдруг пение гнома оборвалось.

— Эй! — позвал он из темноты. — У нас гости.

И бегом вернулся к друзьям. Спустя несколько минут раздался звук приглушенного взрыва, потом еще одного — совсем рядом, по ощущению, метрах в десяти; там, наверху, что-то глухо ухало, здесь, внизу, сыпались мелкие камни, вздрагивал пол. Когда они решились поднять головы и посмотреть на произведенный эффект, то увидели, что темнота подземелья разбавлена светом угасающего дня, льющимся в провал. Еще через секунду послышались шаги, кто-то легко спрыгнул вниз и направился к друзьям, ровно отстукивая шаги подкованными сапогами по каменному полу.

— Профессор! — задохнулась от счастья Виша.

— А ты кого ждала? Лорда-маршала? — язвительный, холодный голос Вильмы Эредиа показался им соловьиным пением.

Эредиа на минуту остановилась у алтарного стола, где лежал Калима. Их менто остались тайной для окружающих; эльфка взяла руку бога, поцеловала и почти нежно опустила ему на грудь.

— Поторопимся. Я прилетела одна, так что все, кто не при смерти, встали и за дело.

Они перенесли во флюг Калима — бога пришлось положить на пол, подтянув ему колени к животу и обвив их руками, иначе он не убирался, рядом уложили Тойво, сами забрались внутрь и ждали приказаний эльфки.

— Виша, что это ты прячешь под курткой? И говорите сразу, куда лететь. Я не настолько гениальный флюгер, но тебя, альх-Хазред, к своей машине не подпущу.

— Вильма, — обратился к эльфке Иво, — нам надо попасть в тюрьму.

Секунду Эредиа смотрела на собрата ничего не выражающим взглядом, а потом захохотала. Когда до всех остальных дошел смысл сказанного Иво, они присоединились к Вильме.

— Ну, будет… а если серьезно?

— Да уж куда серьезнее. Мы должны доставить Калима в лабораторию Сорью…

— Ясно. Тайный сад, — кивнула Эредиа. — Что ж… то, что я решила навестить бездельника Сорью, вряд ли у кого-то вызовет подозрения. Виша, как только окажемся во дворе тюрьмы, пошли ему менто, не раньше. Что значит, как? Тебя этим техникам учили, не меня. К этому времени уже стемнеет. Все, остальное решим на месте.

Послать менто Сорью оказалось не так уж и сложно. Он узнал о приближении флюга от своей системы охраны и был вполне настроен на диалог. Просьбу Виши не высылать охрану, а подойти самому, желательно с парой носилок, принял вполне спокойно. Как только флюг сел в полукруглом тюремном дворе, Сорью оказался рядом.

— Не утруждайтесь. — Он закончил все объяснения одним жестом. — Я все сделаю.

На одни носилки они уложили Тойво — чтобы нести первым, мало ли что, обессиленный брохус вопросов не вызовет. На вторые, все в той же позе зародыша, устроили Калима. И, стараясь не бежать, направились в личные апартаменты Сорью. Им повезло, никто из встреченных эльфов не проявил ни малейшего интереса к их процессии, хотя Више стоило большого труда удерживать волосы Калима под покрывалом.

— Мы должны уложить его среди цветов, — Сорью указал собратьям, несшим носилки Калима, куда им двигаться. —

Сейчас, я помогу.

Пока он передвигал ящики с рассадой, Виша оглянулась и поразилась — насколько разросся его сад. Те растения, которые она помнила тоненькими ниточками рассады, стали взрослыми и сильными. И они узнали ее — она почувствовала их приветственные голоса всем свои существом. И снова не сдержалась, несмотря на весь ужас ситуации, — улыбалась и гладила их зеленую плоть.

Калима усадили среди цветущей лаванды и розмарина, подложив под спину наспех свернутый комбинезон цветовода, рядом уложили Тойво. Калима попросил, чтобы затылок брохуса находился в его ладони — и все видели, как пальцы бога вросли под височные диски, а Тойво даже не заметил этого. Виша сидела рядом, плакала, чтобы не сказать отчаянно ревела, но брохус так и не пришел в себя.

— Нам лучше уйти… — Сорью огляделся: все его растения, выхоленные, выпестованные ценой смертельной опасности, словно проснулись. И без того живые, они встрепенулись все до единого, каждый лепесток, каждый лист потянулся к Отцу, чтобы поделиться с ним своей силой, своей неиссякающей жизнью. Сорью повернул рычаг, и с потолка тонкими струйками полилась вода. Калима подался ей навстречу всем телом…

— Пойдем, Виша, — гном очень ласково, но настойчиво взял ее за плечи, помог встать и повел к выходу.

Стараясь двигаться бесшумно, они покинули райский сад, оставив бога наедине со своими детьми.

Глава седьмая. День гнева

Виша не плакала так со дня ухода Джесхета Ломара; она отошла ото всех, села на пол, сжавшись в комок, зажмурилась и закрыла уши руками. Ей казалось, что это уже слишком, пусть этот мир катится в преисподнюю, она не давала обязательств жертвовать своими любимыми, почему именно Тойво должен расплачиваться за всеобщее спасение… ее мелко трясло и она подвывала почти вслух. Кто-то рискнул подойти к ней и сесть рядом.

— Виша… — Это был Сорью. — Виша, не надо, не мучай себя так. Лучше плачь.

И он силой отвел ее руки от головы, поднял ее опущенный подбородок. Виша распахнула глаза, переполненные слезами, открыла рот, чтобы ответить — и вместо этого в голос заплакала. Она вцепилась руками эльфу в плечи, ее так трясло, что он вынужден был развернуть ее, почти усадить к себе на колени, крепко обнять и позволить ей плакать, кричать, все же удерживая ее на грани осознания. Минут десять спустя к ним подошла Вильма Эредиа. Она присела, погладила Вишу по спине, а потом крепко вцепилась ей своими тонкими пальцами в затылок.

— Я не твои братья, поэтому не обещаю, что больно не будет. — И сжала пальцы еще сильней.

Више показалось, что ее окатили ведром ледяной воды, а потом окунули в сугроб. У нее перехватило дыхание, и, похоже, даже сердце остановилось. Вслед за этим ее тряхнуло, совсем как в детстве, когда она добежала до изгороди на ферме и, споткнувшись, упала и задела ее рукой. Хорошо, что ток был на минимуме, иначе осталась бы от непослушной девчонки кучка углей, по крайней мере, так говорила мама.

— Вильма, поласковей!

— Заткнись, Сорью, ты со своими ласками ее угробишь. А теперь вот так.

И Вишу снова окунули в воду, не такую ледяную, но, по ощущению, стремительно несущуюся куда-то не то вверх, не то вниз. Вода почти срывала с нее кожу, когда все вдруг закончилось. Виша вдруг поняла, что жива и это обрадовало ее.

— Вот и славно. — Эредиа будто читала ее мысли. — Я люблю тебя, девочка, прости, что так обошлась с тобой.

Такого обращения Виша не ожидала. Она отпустила Сорью, сползла на пол, села на колени, выпрямилась.

— Как вы думаете, Тойво выживет? — она спросила об этом именно эльфку.

— Не знаю. — Эредиа грустно усмехнулась. — С богами никогда ничего нельзя знать наверняка. Без помощи Калима твой брохус сейчас уже был бы мертв. А с его помощью… Мы можем только ждать.

— Не только. — Отозвался Сорью. — Мы можем верить.

Военный Совет эльфов собирался в Палатах Памяти, напоминающих соборы старого Арзахеля: центральное здание, увенчанное стеклянным куполом, отходящие от него высокие галереи и уходящие вниз туннели. Собрания, подобные сегодняшнему, случались нечасто. Вильма из дома Эредиа воспользовалась своим правом принадлежности к правящим домам и потребовала у всех управляющих лордов прибыть в Палаты Памяти в назначенный ею день и час. Лорда-маршала это тоже касалось. Кроме лордов, прибывали и другие высокопоставленные советники, ученые, хранители инфоцентров, главы аспидов и углежогов, старейшины орков, главы правящих эльфийских домов. Словом, публика строгая, занятая и несколько обеспокоенная. Многие из собравшихся знали Вильму Эредиа, и сказанные ею слова — «ради спасения наших душ призываю вас» — приняли с тревогой.

Зал собраний располагался под самым куполом, откуда открывался впечатляющий вид на Лис-Арден. Собравшиеся поднимались по широкой винтовой лестнице, идущей вдоль стен, негромко переговариваясь, и все как один избегая обсуждать повод сегодняшней встречи. Когда все приглашенные прибыли, лорд-маршал, явившийся одним из первых, встал со своего места, находящегося чуть впереди полукружия кресел его лордов-помощников, за которыми сидели все остальные. Он осмотрел собравшихся своими светлыми, почти ледяными глазами, выдающими его происхождение от Эльфов Воды, церемонно поклонился.

— Высокое собрание. — Тут он сделал паузу, выдохнул и продолжил. — Я знаю, вы ждете объяснений. Но, к сожалению, я осведомлен не более чем вы о причинах, побудивших главу высокочтимого дома Эредиа призвать всех нас. Нам остается только ждать и верить, что они достаточно весомы.

По залу пронесся негромкий ропот: как такое возможно, что лорд-маршал не знает даже времени появления Вильмы Эредиа, мало того, он согласился ждать?!

Лорд-маршал вернулся на свое место и сел, положив подбородок на переплетенные пальцы рук. Его, судя по всему, опоздание Вильмы Эредиа ничуть не беспокоило. Тем более что долго ждать не пришлось.

Шаги поднимающихся по лестнице, заставили многих

напрячь и без того исключительный слух. Легко узнавались скользящие шаги четырех эльфов, короткие шаги гнома, шаги двух людей — девушки и взрослого мужчины. А вот поступь первого в этой процессии определению не поддавалась. Она была почти невесомой, как пух одуванчика, сдуваемый одним выдохом, и неимоверно тяжелой, как память о скорбных днях. Эта винтовая лестница, дававшая возможность еще раз переговорить о важном перед самим собранием, в этот раз показалась неимоверно длинной.

Двери зала собраний распахнулись; высокий, не менее трех метров, проем оказался низок для входящего и ему пришлось нагнуть голову.

Это был прекрасный юноша; темно-зеленые глаза его светились добротой, а чувственно изогнутые губы улыбались. Ни единой морщинки не было на его коже цвета молодой травы, на широкой обнаженной груди перекатывались мышцы. Его волосы цвета вороньих ягод падали до пояса, ничем не скрепленной, свободной волной. Одеждой юноше служили цветы и листья, как бы обвивавшие его тело и, как было видно тем, кто оказывался рядом, на самом деле растущие из него. За ухом у него красовался бело-золотой цветок лотоса. Он прошел в зал и остановился. За ним вошла его свита.

— Мир вам, братья мои. — И Калима простер руки к эльфам.

И весь зал заполнился невероятно прекрасной смесью звуков, запахов… летний дождь в лесу, шелест тростников в озере, свеженадкушенный персик, июльская земляника, щебет птиц в ветвях, осторожные лисьи шаги на осенней листве, примятая трава… И была во всем этом такая сильная, безусловная любовь, такое бескорыстие и щедрость, что все, что так томило и мучало прежде, смыло этой зелено-золотой волной. Эльфы словно заново рождались. Лорд-командующий потерял сознание, лорд-учитель плакал… орки не смогли усидеть на местах, подошли поближе, опустились на колени.

— Я вернулся. — Калима улыбнулся им всем, опустил руки, давая прийти в себя, отдышаться, хоть отчасти привыкнуть к благодати, оказавшейся повсюду. — И не один.

— Братья мои, вам ли не знать, сколько несчастий принес с собой узурпатор. Я могу простить ему то, что он сделал со мной, но ваша боль не может быть прощена. Мне горько сознавать, что есть и моя вина в случившемся. Мои братья и мои дети были беззащитны… что же я за бог, если не потрудился дать розе ее шипы?

Калима оглядел внимавших ему в благоговейном молчании — понимают ли они его?

— Я не отниму у вас себя и моя любовь останется неизменной. Тот, кого вы называли брохусом-карателем, стал моим единоправным братом. Я сделал его подобным себе, наделил божественными силой и властью. Отныне он мой и ваш защитник. Моя темная половина, Гираш.

Калима вынул цветок лотоса из-за уха и подбросил его в воздух. Цветок вспыхнул подобно звезде, весь зал затопил горький запах полыни и рядом с Калима появился еще один юноша.

Такого же роста, столь же юный и прекрасный. Только глаза его светятся как два королевских рубина, и тонкие губы улыбаются с изрядной долей сарказма. Кожа цвета отполированной стали, гребень волос, торчащих белоснежными иглами, острые, колючие черты лица. А одет он в так хорошо знакомый всем ядовито-оранжевый комбинезон брохусов, только ткань, из которой он сшит, кажется то лоскутами пламени, то плотной дымкой ядовитого газа. На поясе у него висит свернутый кольцами кнут. И если от Калима ощутимыми волнами исходит миролюбие, то его брату оно совсем не свойственно.

Гираш оглядел собравшихся, повернулся к брату.

— Ты призвал меня, чтобы я провозгласил День Гнева. Я готов. А вы?

Этот вопрос он небрежно бросил в зал, едва повернув голову к собравшимся. Но они ответили ему таким согласным криком, словно всю свою жизнь только и ждали этого вопроса.

Все были счастливы. И только одна маленькая собирательница, несостоявшийся реликварий, Виша из дома Вельда, тихо плакала, спрятавшись за спину флюгера альх-Хазреда. Она не видела ничего от своего любимого Тойво Маарви в том существе, пред которым пал ниц весь цвет Лис-Арден.

Вильма Эредиа пригласила ее погостить у себя, однако Виша отказалась и предпочла вернуться к себе, в маленькую квартирку с видом на кладбище. Она старательно отмыла следы долгого путешествия, наконец смогла переодеться, отправить с коммуникатора сообщение домой, даже что-то съела. А потом села на широкий подоконник, подобрала под себя ноги и завороженно уставилась на ряды белых могильных плит. Уху сидела рядом и смотрела в ту же сторону.

— Ну вот, мы снова вдвоем. Как в старые добрые времена. — Виша протянула руку, погладила сову по круглой голове. — И я думаю, нам пора домой, Уху.

— Не возражаю. — Такой знакомый, спокойный голос Тойво, прозвучавший из-за спины, чуть не заставил Вишу потерять равновесие и свалиться с подоконника. — Мне так будет намного

спокойнее.

Боясь обмануться, Виша медленно обернулась: на самом краю кровати сидел ее брохус, совершенно такой… вот только ни на голове, ни на шее не осталось и следа разъемов и вживленных металлических конструктов. А так — все тот же Тойво Маарви, с его несмелой улыбкой, темными глазами и лысым черепом. Виша слезла с подоконника, медленно подошла к брохусу.

— Сначала объясни, как. — Потребовала она, закусив губу.

— Попробую. — Тойво протянул руку и взял вишины пальцы в свои. — Так мне легче собраться с мыслями. Помнишь, Сорью навязал тебе растеньице из своего сада, даже сам сюда внес. Это и был мой пропуск. Виша, сейчас я — Тойво Маарви, больше никто. Это моя награда, — и он улыбнулся.

— Ты теперь можешь менять свою телесность по своей воле?

— Можно сказать, что и так. Тот, кого ты видела в Лис-Арден, мое истинное обличие… и не кривись, лучше быть живым богом, чем мертвым брохусом. Принимая форму растения, я волен выходить из нее кем угодно. Со всей полнотой памяти…

И он притянул ее к себе. Виша молча подчинилась, села рядом.

— Так ты хочешь, чтобы я уехала домой?

— Я хочу, чтобы ты была в безопасности. А я буду рядом, когда только ты этого захочешь.

— Вот не думала, что боги так беззастенчиво врут. Тебе будет не до моих желаний, война все-таки…

— Это не твоя война, Виша, — примирительно сказал брохус.

— Ошибаешься. Оба мои брата, как я понимаю, призваны под твои знамена. Врочем, они всегда любили подраться, так что просить тебя спрятать их подальше не буду.

— Тебе необязательно просить. Я все сделаю, чтобы ты была счастлива. — Как ни странно, сейчас Тойво выглядел еще более неуверенным, чем в самом начале их знакомства, когда Виша обозвала его подгузником.

— Да? — Виша неуловимым движением улеглась брохусу на колени. — Докажи.

На следующий день моргенштерн, все тот же «Облачный сон», уносил Вишу из Лис-Арден. Одну, потому как все остальные ее спутники пожелали остаться. Потом из Одайна она без труда добралась до пригорода, гда процветала ферма дома Вельда. Мать и отец встретили ее не без удивления (они считали Вишу с ее характером и склонностью к приключениям «отрезанным ломтем»), но с радостью.

— Нужно отдохнуть? — понимающе спросил отец.

— Ага, — односложно отозвалась Виша, заходя в дом.

— Тогда увидимся за ужином, — сказала мама. — Твоя комната в неприкосновенности. Даже коллекция сережек. Иди, отдыхай.

Виша поднялась на второй этаж, привычно пересчитывая ступеньки, Уху сидела у нее на плече. Вторая дверь направо, характерный скрип, похожий на голос козодоя. Окно-фонарь, платяной шкаф, кровать, укрытая лоскутным покрывалом, стол и креслице, из которого она так и не собралась вырасти. Виша стала в дверях, грохнула на пол сумку, а потом разбежалась и прыгнула на кровать, растянулась на ней, раскинулась как морская звезда, потом свернулсь клубком, потом опять потянулась… Тойво оказался прав. Дом, милый дом. И Виша перехотела плакать.

Прошло несколько дней. Домочадцы успели привыкнуть к вишиному возвращению, она же вновь освоилась на ферме. И однажды поздним весенним вечером все вспомнили, что не далее как завтра Више исполняется полных двадцать лет. Особого праздования устраивать не стали, слишком хорошо помнили неприязнь именинницы к трогательным речам и публичному одариванию, но какой-никакой праздничный ужин организовали. Уже поздним вечером в комнату к Више заглянула Мэй Вельда.

— Зайди ко мне, — и обещающе улыбнулась.

Несколько заинтригованная Виша немедленно бросила учебник военной истории эльфов (один из подарков Вильмы Эредиа) и отправилась на половину матери. Мэй ждала ее, сидя в низком кресле у окна, держа на коленях плоскую шкатулку.

— Присаживайся, — пригласила она дочь занять второе такое же кресло. — У меня, как ты догадываешься, подарок. И впридачу история.

— Что сначала?

— Конечно же история, получив подарок, ты убежишь примерять его и вряд ли услышишь хоть слово.

Мэй помолчала, покачивая шкатулку в руках.

— Это украшение… хотя я думаю, это гораздо больше, чем украшение, ну да бог с ними, с моими мыслями. Оно передается в нашей семье уже очень давно, от матери — к старшей дочери. Как оно попало в дом Вельда — отдельная история, многое из которой забыто, а многое тщательно скрывалось. Ты очень хорошо училась, Виша, поэтому я думаю, что история ратманов Эригона тебе знакома. В том числе, семейства Мираваль.

— Еще как знакома, — кивнула Виша. — Больше, чем многим профессорам из нашей одайнской школы.

— Тогда ты должна знать, что Риго Миравалю наследовал Арчеш-младший Мираваль. По лицу вижу, что знаешь. Так вот,

мало того, что сам Арчеш-младший был незаконным сыном Риго, а матерью его была танцовщица из священной храмовой труппы, так еще и сам Арчеш-младший, женившись по распоряжению своего линьяжа на девице со связями и приданым, нашел свою любовь совсем в другом месте.

— В доме Вельда, разумеется, — подвела итог Виша.

— Именно здесь. Наша прапра… в общем, Тамина Вельда стала его возлюбленной и родила ему его любимую дочь, Итиль. И она же стала первой хозяйкой этого украшения. Сам Арчеш-младший получил его из рук своей матери, что достоверно подтверждается его дедом, Арчешем-садовником. Кем была эта женщина, простившая Миравалей, укравших ее сына и чуть не погубивших ее саму, сейчас сказать трудно. Записи Арчеша садовника сохранили несколько ее портретных зарисовок и имя. Ее звали Амариллис.

— Странно, я даже не удивлена, — тем не менее, Виша сцепила пальцы в замок и явно побледнела.

— А теперь пришло время отдать это украшение тебе. — Мэй открыла шкатулку и протянула дочери круглый ажурный медальон черного золота на легкой цепочке. На круглом ободе медальона стояла обнаженная танцовщица, легко-напряженная, как стрела на тетиве, готовая сделать первый шаг.

Виша приняла украшение из рук матери, положила себе на ладонь.

— У нас в роду она получила имя «Танцующая Судьба». — Мэй внимательно смотрела, как Виша дрожащими пальцами застегивает цепочку с медальоном у себя на шее. — По поводу ее волшебных свойств ничего сказать не могу, потому что не знаю, есть ли такие. Но то, что ни одна из женщин дома Вельда, носившая этот медальон, не прожила уныло-размеренной жизни, это ты и без меня знаешь. Я со своими тремя мужьями, сыновьями-брохусами, твоими выходками… и восстановлением фермы с нуля выгляжу просто жалкой домохозяйкой. Что уж говорить о тебе, моя девочка. А теперь давай примем немного печали.

И Мэй потянулась к подоконнику, на котором стоял поднос с высоким графином темного арзахельского стекла, такие же бокалы, тарелки с нарезанными лимонами, орехами, какими-то сладостями. Она налила себе и дочери настойки, пахнущей тимьяном и вишнями.

— Это пришло с месяц назад. — И Мэй протянула дочери конверт. — Он был из твоей школы, поэтому я посмотрела, что в нем. Это извещение о смерти Джесхета Ломара. Он умер в Лис-Арден и там же и похоронен.

В молчании они выпили по полному бокалу настойки, Виша выронила листок на пол, встала, подошла к матери и опустилась возле нее на колени.

— Мам… можно я поплачу? — и уронила голову, не дожидаясь разрешения.

— Ты ведь знала о том, что Джесхет умирает, верно? — пальцы Мэй гладили серебристый затылок дочери. — И все равно не легче. Какая-то из наших бабок говорила, что нельзя приготовиться к боли — она всегда будет первой, чтобы подкрасться из-за спины и вонзить свои острые зубы в твое нежное тельце. Или сердце, если уж совсем не повезет. Так что не стыдно и заплакать, тем более что Джесхет достоин оплакивания больше, чем кто-то еще… — и Мэй подозрительно шмыгнула носом.

Прошло около двух недель. Вести, доходившие до фермы Вельда, были разными, но большей частью неопределенными. Однажды вечером, возвращаясь из теплиц, Мэй остановилось у окна-фонаря вишиной комнаты, подняла с земли камешков и кинула один в окно. Створка фонаря распахнулась и высунулась удивленная Виша — обычно таким способом ее вызывали братья, а их дома не было, так что увидеть мать, стоящую с пригоршней гравия, было довольно непривычно.

— Иди, собирай урожай! — и Мэй засмеялась.

— Какой урожай, мам? — Виша захлопала глазами. — На ночь глядя какие сборы?

— Иди-иди, это уж точно не для меня выросло… — Мэй махнула рукой в сторону теплицы. — Я такого не сажала.

До Виши наконец дошло, что произошло и кто воспользовался своим правом человеческого воплощения. Она метнулась из комнаты, просыпалась по лестнице, как струйка сахара, долетела до теплицы. Там было тихо, только изредка тяжелые капли воды срывались с потолка и шлепались на листья. Виша, осторожно ступая, пошла вдоль по дорожке. В самой глубине теплицы, там, где росли какие-то нильгайские редкие фрукты, которые Мэй выращивала для ратманской жены — с нежными, мелкими желто-розовыми гроздьями ягод, гладкими мягкими листьями, — нашелся тот, кого она так долго ждала. Тойво лежал прямо на другоценных ягодах и спал, подложив руку под голову. Виша посидела рядом с минуту, глядя на него, а потом Тойво, не открывая глаз, протянул руки, схватил Вишу и опрокинул ее на себя, прямо в цветы, ягоды и теплую, мягкую землю.

— Виша… — и последний звук ее имени утонул в его поцелуе. Он обнимал ее, гладил ее спину и не мог оторваться от

ее губ, отпуская, только она начинала задыхаться. Потом перевернулся, удерживая ее тело, опустил ее голову на землю. Виша засмеялась, слизала с его щеки ягодный сок, потянула вниз, насколько смогла, молнию оранжевого комбинезона. Меньше через минуту на них не осталось ни одного предмета одежды; Тойво всегда был очень нежным, но сейчас Виша почувствовала, что ему не до игр. Он вошел в нее, распластанную среди травы и ягод, раскрывая ее, как растущий стебель раскрывает землю. Она всегда закрывала глаза, когда они любили друг друга, но сейчас не могла оторвать взгляда от его лица. Она видела, как прорывается сквозь его зрачки рубиновый огонь, чувствовала, как падают на ее плечи белоснежные иглы волос. И каждое его движение делало ее одновременно слабее, потому что она словно растворялась в том буйстве листьев, ягод, стеблей, цветов, которое уже давно дышало вокруг них, — и сильнее, ибо становилась частью того, чья сила неизмерима, время бесконечно, а любовь неисчерпаема.

Когда Виша пришла в себя, за прозрачными стенами теплицы заметно потемнело и, судя по всему, похолодало, но здесь, в развороченной грядке, было тепло. Виша подняла голову с живота Тойво, села и огляделась.

— Куда… — и Тойво легко притянул ее к себе. — Не убежишь. Прикажу своим подданным, они тебя живо спеленают. Шучу, дурочка. Не хмурься.

— Лучше прикажи им, чтобы они грядку после нас в порядок привели, — захихикала Виша. — Мама мне голову оторвет…

— Не думаю… — Тойво нежно поцеловал ее в довольно жмурящиеся глаза, провел пальцами по позвоночнику, обхватил ладонями пониже спины, приподнял и усадил на себя. — Я изголодался, Виша. Ты даже не представляешь, как…

— Да неужели? — Единственное, что еще оставалось на Више, был тот самый медальон черного золота. Возможно, именно его голосом она и заговорила. — И что, я должна испугаться… подгузник?

Тихое рычание предупредило ее, что Тойво Маарви все-таки не смог остаться только собой. А она наклонилась над ним, легко положив ладони ему на плечи, и без страха встретила ощутимо горячий, красный огонь его глаз. И наклонилась еще ниже, чувствуя, как высыхает на лбу испарина, и провела языком по его губам — все таким же обветренным и искусанным, как тогда, после дебоша в «Мертвецкой», когда он спасал ее, брошенную и отчаявшуюся.

— Тойво… — она не могла назвать его иначе; «Гираш» — это было имя бога, возможно, когда-нибудь она научится

выговаривать и его, но пока… пока в ее руках был Тойво. И целовать его было сладко и все-таки немного страшно, особенно когда он чувствовал этот ее страх и смеялся, смеялся совсем новым для нее смехом…

Они проснулись довольно рано, во всяком случае, вокруг было тихо.

— Ты пойдешь со мной, — еще не проснувшись, Тойво говорил не совсем своим голосом.

— Ахха… — Виша только-только открыла глаза. — Что?! Опять? — и укладывая голову на теплое, чуть влажное плечо, спросила: — Куда?

— На войну, — спокойно ответил Тойво, так же спокойно, как когда-то пригласил ее на прогулку за город.

— Ммммм… — Виша огляделась, подцепила висевшую над ней чудом уцелевшую ягоду, сунула ее в рот. — Кхм. Ну да, на войну. Куда ж еще.

Ближе к полудню возле фермы Вельда сел очень хорошо знакомый Више флюг, ухоженный и блестящий как леденец. И уже через минуту она обнимала шаммахита, знакомила его со своими домочадцами, звала смотреть дом и сады.

— Виша, — смущаясь, ответил альх-Хазред, — я бы с радостью, но вот этот… хмм… наш друг требует, чтобы ты немедля садилась ко мне и улетала.

— Странно, непохоже на нашего друга, — нарочито громко сказала Виша. — Ну, не будем спорить, в конце концов, это было наше приключение, нам его и заканчивать. Мам, мне пора. Не скучай.

Они крепко обнялись, отец, выше их вдвое, без труда обнял их обеих, стиснул, похлопал Вишу по спине.

— Наведите там порядок.

— Да уж… — Мэй Вельда поспешно вытерла щеки. — Твои вещи уже во флюге, я все собрала. Уху там же, ждет тебя. В добрый путь, дочка.

Когда Одайн остался далеко позади, Виша спросила:

— Может, ты все же расскажешь, что нас ждет? Понимаю, что война… но какая? Эльфы собрали все свои силы и собираются напасть на Нильгау?

— Ну почему же только эльфы?.. — Тойво, лежащий на все таком же неприлично-роскошном ложе шаммахита, повернул голову. — Все брохусы. Немногие из людей — их попросту немного. И я… — и засмеялся.

— А… а как же Лес? — поинтересовалась Виша. — Хоть кто-то услышал Калима?

— Услышали. Многие. Не мусорники, конечно. И не те, кто

слишком рядом с двойником. Только понимаешь, те, кто услышал… они же вспомнили, что дети Калима — мирные существа, и заставлять их сражаться мой брат не станет. Поэтому они пропустят нас — но не более.

— Хороша помощь… — разочарованно протянул шаммахит.

— И без них обойдемся, — отмахнулся Тойво. — Нам только до храма добраться… Все города отдали нам все свои моргенштерны. Надеюсь, хватит.

Города отдали не только моргенштерны — и флюги тоже, все, что были. А воздушный флот эльфов оказался гораздо большим, чем думали все остальные расы. Поэтому все, кто пожелал принять участие в решении судеб мира, разместились если не с комфортом, то в общем без мучений.

Виша впервые в жизни видела регулярное войско Лис-Арден и не знала, то ли ей ужасаться, то ли восхищаться. Накануне вылета она встретилась с Вильмой Эредиа.

— Личный сопровождающий бога… — протянула она, явна дразня Вишу. — И как оно тебе?

— Не знаю пока. Вообще-то меня в приказном порядке посадили к альх-Хазреду и не велели высовываться.

— Разумно. Шаммахит и сам удерет, если что, и тебя вынесет. Хочешь, посмотрим мой сад?

Виша вытаращила глаза.

— Пойдем, не бойся. Там уже давно побывал Калима, так что я прощена, а они — живы.

Сад Вильмы Эредиа оказался невелик, но вполне уютен. В нем не осталось ни следа тех прежних, жутких эманаций боли и ужаса; только тишина и покой.

— Я попрощаюсь с ними, хорошо? — И Вильма пошла вдоль дорожки, негромко разговаривая, иногда прикасаясь к стволу или цветку. Виша стояла в стороне… ей тоже было, что вспомнить об этом доме.

— Нам пора.

— Вильма… — Виша впервые назвала профессора Эредиа по имени.

— Что? — впервые улыбнулась ей в ответ эльфка.

— Зачем я ему здесь?

— Кто знает… Но свои сердца боги предпочитают держать поближе к себе.

Потом Виша вспоминала дорогу, первые стычки с мусорными пустошами, а на границе с Нильгау — и с Лесом. Вспоминала дожди дефолиантов, огненные облака, десанты аспидов. И она очень отчетливо помнила, как увидела вершины храма Калима — вернее, его узурпатора. Над зеленым рваным бархатом джунглей

высились остроконечные, изогнутые, переплетенные в неестественных пропорциях купола, галереи, оплетенные шипастыми лианами… и не было во всем этом красоты, нежности, да и мощи почему-то особой не чувствовалось. Словом, всего того, что способно вызвать созерцание обильно цветущей розы, невесомого цветка липы или корабельной сосны, пронзившей небо, — ничего подобного не было здесь. Будто текли в телах здешних растений не соки, а яды, и хотели они чего-то не своего, а навязанного, но настолько давно и искусно, что это чуждое уже стало частью их, болезненной, бестолковой, но частью — от которой так просто не избавишься.

Моргенштерн, в котором находились оба божественных брата, сел совсем рядом с храмом — прятаться было негде, лес на лиги вокруг был заменен на поля ядовитых трав, аконита, болиголова и сотен подобных, да и незачем было прятаться. Углежоги в полчаса освободили дорогу для небольшой процессии, прошедшей до половины дымящегося поля.

Виша, покинувшая моргенштерн под защитой своих старых знакомых, вновь надевших форму аспидов, стояла где-то посередине процессии, держа свою ношу обеими руками. Она была одета в свой старый, потрепанный комбинезон собирателя — Калима сказал ей, что она должна гордиться этой одеждой.

— Ибо сколько же надо было отваги такой маленькой птичке, чтобы залетать так глубоко к моим больным детям… — он улыбнулся Више, снял у себя с груди расцветший там цветок, похожий на крупный камень в ожерелье, и приложил ей к волосам. Цветок мгновенно оплел стеблем вишино ухо и замер у нее на виске.

— Это амариллис?

Калима только наклонил голову в ответ.

И вот они стояли — Калима и Гираш, эльфы, орки, люди… как в старой сказке, картинки к которым я так любила рассматривать в книгах Джесхета, мелькнуло в голове у Виши. Долго ждать не пришлось. Не открывались ворота, не рушились стены… всего только непомерно огромный дуб, весь оплетенный омелой, росший недалеко от храма, наклонился и протянул в их сторону одну из ветвей. Она все тянулась, бесконечная, как змеи Нильгау, пока не донесла до них того, кто сидел на ней. А он сидел так спокойно, поигрывая тростниковой дудочкой, покачивая босой ногой в воздухе.

Когда он встал перед своими так долго жданными гостями, они увидели… Калима. Тот же рост, та же красота… только волосы его были почти сплошь седыми, глаза горели желтыми голодными огнями, и даже Виша видела морщины на лице

узурпатора.

— Добро пожаловать, — и он поднес к губам флейту.

Происходившее дальше Виша помнила плохо, впрочем, как всегда, когда ее накрывало событиями и страхом. Когда отзвучала первая мелодия, она выглянула из-под рук Иво — впереди стоял Гираш, похоже, даже не обративший внимания на первую атаку, Калима окружали живым кольцом аспиды и углежоги. Узурпатор издевательски развел руками — мол, извините, разочаровал, — и вновь заиграл. Играл он бесподобно, стоило признать, и силы, вызываемые им, заслуживали уважения. И когда ему удалось задеть Калима — вырвавшиеся из-под земли корни попытались добраться до бога — Гираш решил, что довольно игр. «Мы пришли убить его» — услышала его менто Виша. «Смерть заждалась его. Поможем ей».

И в этот миг оба аспида, Иво и Ика, подхватили Вишу на руки, потом усадили ее себе на плечи. А она сбросила защитную скорлупу со своей драгоценной ноши; и, сама того не понимая, жестом Нимы — той, что стояла в иремской храме, взяла поющий кристалл, держа его на уровне груди. В кристалл ударили молнии, чистый, первозданный огонь, посланный Гирашем — и вернулись в его раскаленные руки, чтобы из них ударить узурпатора. Перед такой силой устоять не мог никто.

Сначала вспыхнула тростниковая дудочка — и сгорела в минуту, рассыпаясь в пепел и прах. Потом пришел через самозванца. Виша не знала, с чем сравнить это горение; и только потом на память пришли костры нужды, зажигаемые по традиции глубокой осенью с незапамятных времен. Эти костры всегда складывали из сырых, прогнивших за осень веток, горели они плохо, давали много едкого дыма, пламя их было невеселым, то лиловым, то блекло-красным. Но потом, после долгих хороводов и песен, костры нужды вспыхивали злобным, бело-оранжевым огнем, не давая света, только сильнее подчеркивая непроглядную темень предзимней ночи. Так сгорел и он, не получивший своего истинного имени, не завоевавши й своего мира… да и вряд ли хоть кого-то сделавший счастливым.

Когда эльфы осторожно опустили Вишу на землю, кристалл в ее руках нежно, чуть жалобно прозвенел — и начал рассыпаться, сотнями осколков, совсем не острых, не ранящих, шелково скользящих меж ее пальцами, падая на измученную землю, растворяющихся в ней. Виша медленно опустилась на колени и заплакала — а что ей еще было делать? Она гладила сухие комья, обожженные обломки стеблей, вытирала слезы, размазывая по лицу ядовитую пыль. И вдруг, повинуясь голосу сердца, который нет необходимости объяснять, прижала обе руки к медальону и

тихо-тихо, еле слышным шепотом попросила:

— Амариллис… помоги нам…

Цветок за ее ухом шевельнулся, упал рядом. И вот уже Вишу обняли тонкие, сильные руки, и ее щека прикоснулась к вечной путанице светлых волос.

— Моя девочка… — карие и серые глаза встречаются… оказывается, богиня плачет совсем как девчонка, и нос у нее краснеет. — Твои глаза… ну совсем как у моего Арчеша, свет ему под ноги в любом из миров… Теперь можно. Теперь помогу.

Они встают.

— Нам покинуть это место, госпожа? — Калима кланяется и Гираш ему вослед.

— Зачем? — Амариллис смеется. — Боитесь, что я разучилась танцевать? Нет, никому не надо уходить. Вот только ты, — и она подходит к Гирашу, — смотри у меня… не забывай, это и моя девочка тоже.

— Я запомню, — Гираш опускается на колено и целует ее руки.

— Амариллис, от кого ты научилась так запугивать богов? — Эльф, все это время стоявший сзади Калима и закрывший его от всего что пропустили и аспиды, и углежоги — а было этого ужаса немало, — тоже смеется.

Виша заметила, что некоторые эльфы, и орки и даже пара людей стоят как-то очень рядом со спутником Амариллис. И среди них — цветовод Сорью из дома Клеис, и профессор Вильма Эредиа, и ее знакомая эльфка из инфоцентра, которая всегда разрешала ей засиживаться намного дольше оплаченного срока…

— Они уходят со мной, Виша, — заметив ее взгляд, грустно улыбнулся Хэлдар. — Для кого же мы разводили райские сады? Не печалься. Не бывает вечных разлук.

Они расходятся, чтобы освободить место для Танцующей Судьбы, которая выглядит, надо сказать, как девчонка, удравшая от домашних дел, побегать по полю в простеньком коротком льняном платье, вышитом по груди красной нитью. А она подходит к Калима и о чем-то его просит; тот сначала пытается отказать, но потом нежно гладит ее обнаженные руки — от плеч до кончиков пальцев, проводит раз за разом, оставляя за собой тонкие красные полосы.

— Довольно! — на этот окрик Хэлдара Амариллис даже не поворачивает головы. Еще несколько движений — и она подпрыгивает, зависает в воздухе как пушинка и целует Калима в лоб.

Она встает посреди пустоши — дважды проклятая, отравленная, убитая земля под ее босыми ногами рассыпается в

пыль. И откуда-то приходит музыка, даже не музыка, сначала только ритм — редкий, глухой. Не сразу Виша понимает, что это дождь. Вслед за ритмом начинает звучать мелодия — такая ласковая, чистая и радостная, что удержаться от слез не могут даже углежоги. А Танцующая Судьба срывается с места и первым же жестом выбрасывает высоко в небо десятки красных капель, чтобы смешались они с дождем и успокоили измученную землю. И начинает танцевать. Под запах полыни, перестук первого летнего дождя, шелест очнувшихся от кошмарного бреда листьев, голоса птиц, слетевшихся посмотреть на такое чудо… Виша видит, как каждое движение Амариллис снимает злые чары с земель Нильгау, как земля начинает не задыхаться — а дышать, как изломанные купола храма просто опускаются на землю, чтобы стать ее частью, и как расходится волной сила от каждой капли божественной крови — очищая и освобождая.

Сколько длился этот танец — никто не мог сказать. Он закончился только тогда, когда откуда-то из-за моргенштерна вышел неприметный человек, одетый в простой дорожный плащ, с посохом, рядом с которым шел мальчик. Мужчина подошел к Амариллис, замершей как стебелек, раскрыв ладони над землей.

— Отличная работа, *моя девочка*. А теперь отдыхать…

И на его месте оказался Дракон, к которому Амариллис без сил опустилась на шею. Он бережно поднял ее крылом на спину, едва повернув голову в сторону Хэлдара, бросил: «Я отнесу ее домой», кивнул мальчику, который тут же принял точно такой же облик Дракона. Ни Калима, ни Гираша зримым вниманием он не удостоил, хотя, судя по их лицам, кое-то они от него все-таки услышали.

Дракон поднялся над землей — из которой уже начинали пробиваться первые зеленые лоскутки травы, вслед за ним второй. Хэлдар с теми, кому предстояло покинуть Обитаемый Мир, исчез за минуту до этого.

— Вот и все. Закончилась твоя сказка, — Виша оглянулась на голос, старавшийся казаться глумливым или хотя бы насмешливым. Это был Маульташ.

— Ну и что. — Виша взяла гнома за руку. — Я не единственная в этом мире. И вообще… моя сказка вон, видишь, с братом рядом стоит. Так что…

— Что? Не угасают искры вечного огня? — усмехнулся Маульташ. — Ну, гному об этом не спорить. Пойдем, Виша.

— Куда это ты ее ведешь? — Гираш оказывается рядом в доли секунды. — Размечтался.

— Ох ты, скажите, какой грозный. — И Маульташ отвесил Гирашу поклон, предварительно скорчив рожу. — Забирай свое

сокровище… Тойво Маарви.

— Иди ко мне, — и Гираш поднял Вишу на руки, прижал к груди, еще пахнущей раскаленным металлом. — Устраивайся поудобнее, ты здесь надолго.

Вскоре поле опустело. Оставшиеся в живых ушли в моргенштерн, Гираш унес Вишу туда, куда было ведомо только ему, и только Калима остался стоять на своей вновь обретенной земле.

Эпилог

— Я выиграл! Я выиграл! Йоу!!! — Так вопить может только десятилетний мальчишка, выигравший свою первую Игру.

— Ну, выиграл. — Снисходительно улыбнулся Пьющий Песок. — Отчасти потом, что я тебе совсем чуть-чуть поддался…

— Как это — поддался?! — Судри возмущенно оскалил клыки. — Ты сам говорил, что в этой Игре поддаваться и мухлевать нельзя!

— Так это смотря кому… — засмеялся его противник.

— И по какой причине на этот раз вопли и ликование? — поинтересовалась Амариллис, вошедшая следом за Хэлдаром. — И где носит Сыча, хотела бы я знать?

— Сыч просил передать, что красавцы, которых оставил вам в наследство Гарм, сами по себе не переведутся. Так что он задерживается в окрестностях Краглы и просит не беспокоиться и не мешать. Его сородичи согласного с ним мнения.

— Герой… — В голосе Амариллис было только тепло. — Так, а почему вы все-таки так голосили?

— Мы? — Переспросил Пьющий Песок. — Судри, ты давай собирай фигурки, складывай плат… я, что ли, за тобой прибирать буду?

— Мам! — Судри был так горд собой, что проигнорировал эту просьбу. — Я выиграл у Пьющего Песок! Я! Выиграл! Йоу! — И он весьма похоже изобразил победный вой полярного волка.

— Поздравляю… — Не без удивления протянула Амариллис. — Мне вот пока еще ни разу этого не удавалось… А ну, постой-ка. Дай сюда.

И прежде чем Пьющий Песок успел смести все фигурки в свою чашу, а из нее — в мешок, она успела выхватить пару.

— Ах ты… — Она задохнулась. — Ах ты чешуйчатая задница!..

— Ну-ну… — Примирительно вытянул перед собой руки Мастер Дракон. — Только без рукоприкладства, прошу тебя. Не шлепать же мне тебя при твоем сыне…

— Хэлдар! — Амариллис оглянулась и поняла, что у эльфа поддержки не получит — он сидел на краю каменного стола, на котором все еще был разложен вышитый трехцветным золотом игральный плат, и смеялся.

— Да как ты посмел! Ты позволил ему играть нами! — Она держала в руках фигурки эльфа и танцовщицы, все еще не веря своим глазам. — Играть богами!

— Подумаешь… Чем боги хуже, что ими нельзя играть? —

Пьющий Песок взял у нее из рук фигурки, убрал их в мешок. А вслед за ними — фигурки девушки с длинным раздвоенным на спине хвостиком, гнома с волосами, заплетенными в толстые жгуты, волка, сову, двух эльфов в красивых мундирах, эльфку в длинном сюртуке, две очень красивые фигурки побольше — одну зелено-золотую, другую платиново-рубиновую…

— Но ему еще рано… — Амариллис присела рядом с сыном, обняла его за плечи.

Мальчик поднял на нее взгляд, и в глазах его ясно читалось — мама, не вмешивайся и не позорь меня.

— Уже можно. Первый свой выигрыш он взял и теперь — Пьющий Песок наклонился и потрепал мальчика по светлым волосам, — теперь вряд ли остановится. Ох, и поиграем мы с тобой, Судри, сын Хэлдара…

Конец третьей книги

* * *

Лис, создающая и созданная, хочет сказать:
Прощай, Амариллис, моя танцующая судьба,
И ты, остроухий лорд, и ты, смеющийся бог,
Прощайте, мои моря, леса, города,
Прощай, Обитаемый Мир, спасибо, что стать смог
Живым для меня. А я обещала — и вот
Сделала все, что могла, чтобы были живыми — вы.
Чтобы ноги ваши сминали листья травы,
Чтобы вы целовали, и убивали, и шли напролом,
Чтобы тусклый покой вам не был знаком.
Чтобы вас настигала страшная, сладкая боль,
Что зовется любовью в любом из миров.

Ноябрь, 2012